

УЧРЕДИТЕЛЬ

Смоленский гуманитарный университет

ИЗДАТЕЛЬ

Смоленский гуманитарный университет

**Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати РФ**

Рег. св. № ПИ № 77-7283 от 19.02.01

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

д.пед.н., проф. Мажар Н.Е. (Смоленск)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

д.г.н., проф. Мажар Л.Ю. (Смоленск)

д.г.н., проф. Катровский А.П. (Смоленск)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

к.г.н., доц. Бобров Е.А. (Смоленск),
к.т.н., проф. Грушенко В.И. (Смоленск),
д.г.н., проф. Катровский А.П. (Смоленск),
к.ю.н., доц. Кузнецова Е.В. (Смоленск),
к.ф.н., доц. Панкратова А.В. (Смоленск),
к.т.н., доц. Прохоренков П.А. (Смоленск)

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

к.г.н. Яськова Т.И. (Смоленск)

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Смоленский гуманитарный университет

Тел.: (4812) 68–35–82

e-mail: vestnik@shu.ru

Подписано в печать 18.04.2016
Формат 70x108¹ /₁₆. Гарнитура «Times»
Тираж 2500 экз.

Отпечатано:

ООО «Универсум»
214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Тел.: (4812) 64-70-49
Факс: (4812) 64-70-49
e-mail: universum-print@mail.ru

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ВЕСТНИК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в мае 2002 года

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ РОССИИ И БЕЛОРУССИИ

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОГО КРУГЛОГО СТОЛА
29 марта 2016 г.

Специальный выпуск

vestnik@shu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Кочетков Алексей Владимирович

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО 3

Криштапович Лев Евстафьевич

ОБЩЕРУССКАЯ ИСТОРИЯ КАК ОСНОВА
СТРОИТЕЛЬСТВА СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА 6

Бендин Александр Юрьевич

РЕФОРМЫ ГРАФА М.Н. МУРАВЬЕВА КАК
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОВОРОТ В ИСТОРИИ
БЕЛОРУССКОГО НАРОДА 18

Шевченко Кирилл Владимирович

РУССКИЙ МИР В БОРЬБЕ ЗА ВЫЖИВАНИЕ:
ЗАПАДНОБЕЛОРУССКИЕ ЗЕМЛИ В СОСТАВЕ
ПОЛЬШИ В 1919-1939 гг. 91

Гронский Александр Дмитриевич

ЖЕРТВЫ, ГЕРОИ И ВРАГИ В МИФОЛОГИИ
БЕЛОРУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА 112

Аверьянов-Минский Кирилл Юрьевич

РУССКИЙ ПАНТЕОН БЕЛОЙ РУСИ 140

Еловик Алексей Александрович

БЕЛОРУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ И МАССЫ:
ПРОБЛЕМА ВЗАИМОПОНИМАНИЯ 160

Шиптенко Серей Алексеевич

ТУПИКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ
СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА 169

Малишевский Николай Николаевич

МЕДИЙНОЕ И ОРГАНИЗАЦИОННОЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ 181

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Кочетков Алексей Владимирович

президент Фонда развития институтов гражданского общества
«Народная дипломатия»

Вот уже два года с момента кровавого переворота в Киеве граждане России и Беларуси наблюдают за небывалой по своим масштабам со времён окончания холодной войны информационной войной, объявленной России и всей Русской цивилизации.

Подобно цунами после землетрясения, эта информационная война не только захлестнула собой весь современный Западный мир, но и с различной степенью интенсивности и периодичности накрывает своими волнам страны бывшего Советского Союза.

Не стала исключением и братская нам Беларусь. Помимо дезинформации, распространяемой оппозиционными белорусскими СМИ и неправительственными организациями, аффилированными с различными западными фондами, серьезной составляющей информационной войны против России в Беларуси стала атака на наше общее прошлое, на сами цивилизационные основы, которые легли в фундамент двух наших государств.

Против русского и белорусского народов ведётся целенаправленная, тщательно продуманная и просчитанная работа. Это, кстати, является отличительной чертой информационной войны XXI века. Информационные войны превратились в высокотехнологичные, поставленные на добротную научную основу мероприятия.

Сами по себе информационные войны не новость, но раньше они были всего лишь сопутствующим инструментом при ведении традиционных войн или подготовки к ним. В наш век информационная война приобрела самостоятельную форму ведения боевых действий, а используемое в ней идеологическое оружие по праву можно приравнять к традиционному оружию массового поражения.

Разработанная в недрах англо-саксонского мира современная концепция информационной войны приобрела сегодня форму войны цивилизаций, где основные боевые действия разворачиваются не на полях сражений, а в сознании противника. Современная информационная война — это война смыслов и ценностей. Конструирование новых, отличных от традиционных, смыслов и внедрение ложных ценностей в сознание нового поколения способны вызвать в обществе такие разрушительные процессы, последствия от которых могут быть сравнимы с масштабной техногенной катастрофой или поражением в полномасштабной войне. За примерами далеко ходить не нужно: внедрение в сознание украинского народа ложных исторических концепций, попытки искусственного конструирования этнической идентичности привели к глубокому расколу внутри украинского общества, неразрешимому гражданскому конфликту, развалу экономики, а в перспективе и распаду самого украинского государства.

Нечто подобное западные технологии пытаются проделать сегодня и с белорусской и русской молодёжью, проживающей в Беларуси.

В современной войне смыслов на территории Беларуси для конструирования новой идентичности «литвинов» используется классический набор компонентов цивилизационной войны. Это и «современная историческая наука», чьи изыскания и концепции в корне противоречат не только традиционной исторической науке, но и здравому смыслу, и идеология анти-России или анти-Москвы, и конструирование белорусского новояза, как альтернативы русскому языку. Все три компонента этой войны — наука, идеология и язык — выполняют роль универсального блока управления, внедряемого в человеческий мозг. «Свядомая наука» придает новым историческим конструкциям форму непреложных ценностей, легитимизирует новые смыслы, присваивая себе роль непререкаемого закона. Идеология берёт на себя функции ценностной рамки, призванной оберегать внедряемые в сознание человека мифы, а также наполнять оторванные от действительности исторические концепции понятным современному человеку актуальным

содержанием. Посредством языка происходит материализация и трансформация смыслов. Если добавить сюда ещё и мощное внешнее информационное воздействие, то можно вполне отчетливо представить себе идейно-смысловую клетку для сознания, вырваться из которой обычному молодому человеку не так-то просто.

Но всё же ситуация не безнадёжна. Никакой выполненный в спешке новодел не выдерживает конкуренции с проверенными веками традицией и культурой.

Классическая русская историческая наука — это смертельное оружие в борьбе со «свядомой» халтурой, нужно только уметь этим оружием правильно пользоваться. Тоже можно сказать и о великом русском языке.

Задачей нашего круглого стола «Цивилизационные основы государственности России и Белоруссии» является вскрытие и освещение механизмов негативного воздействия на сознание наших сограждан современных компонентов информационной и цивилизационной войны, а также выработка рецептов противодействия внедрению в наше общество ложных смыслов и ценностей.

Надеюсь, что данный круглый стол даст дополнительный импульс научному и экспертному сообществу наших стран в деле защиты наших общих цивилизационных ценностей от разрушительного воздействия внешних сил.

ОБЩЕРУССКАЯ ИСТОРИЯ КАК ОСНОВА СТРОИТЕЛЬСТВА СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

Лев Евстафьевич Криштапович
доктор философских наук (Минск)

В статье раскрывается фундаментальное значение общерусской истории в объединении народов и стран постсоветского пространства. Показывается, что идея общерусской истории в реализации таких интеграционных проектов, как Союзное государство и Евразийский союз играет приоритетную роль перед сугубо экономическими мероприятиями государственной политики. Отмечается, что общерусская история является главным фактором сохранения и укрепления национального самосознания русских, белорусов, украинцев и других народов постсоветского пространства.

Ключевые слова: общерусская история, интеграция, геополитика, нравственность, ментальность.

The article considers the fundamental meaning of the common Russian history in uniting people and countries in the post-Soviet space. It reveals, that the idea of the common Russian history in implementation of such integration projects, as the Union State and the Eurasian Union plays the primarily role over purely economic activities in the public policy. The article points out, that the common Russian history is the main factor for preserving and strengthening the national consciousness of the Russian, Belarusian, Ukrainian and other people of the post-Soviet space.

Keywords: common Russian history, integration, geopolitics, morality, mentality.

Некоторые историки и политологи любят рассуждать о европейских ценностях и стандартах. Причем в их трактовке эти ценности и стандарты непременно объявляются универсальными принципами, которыми должны руководствоваться все государства и народы, стремящиеся к прогрессу. Следует отметить, что частенько и более широкая публика, причисляющая себя к креативному сословию, принимает без особых сомнений тезис об универсальном характере западного общества. На этом мировоззренческом заблуждении и паразитируют современные политические и экономические резонеры, доказывающие, что исторический прогресс сводится к заимство-

ванию западной парадигмы движения. Но в том-то и дело, что подобный вектор развития сегодня является абсолютно бесперспективным и бессмысленным.

Особенностью современного углубления взаимозависимости между государствами, народами и отдельными людьми является именно вступление человечества в интеграционный этап своего развития. А это означает, что интеграция предполагает не просто увеличение объединительных усилий в современном мире, но и выбор пути развития, новую парадигму эволюции человечества.

Особенно актуальна проблема интеграционного развития на постсоветском пространстве. Как эффективно осуществлять интеграционное строительство при соблюдении суверенитета и независимости каждого государства для решения субрегиональных, региональных и международных геополитических проблем, для формирования подлинно самостоятельной государственной политики во всех сферах: политической, экономической, экологической, демографической, информационной, военной.

Смысл интеграционной парадигмы развития заключается не только в экономическом объединении постсоветских стран, но прежде всего в гуманитарной, социальной интеграции, то есть в перенесении центра тяжести с собственно финансово-экономической и торговой на историко-ментальную и социально-культурную жизнедеятельность постсоветского сообщества.

Антисоветизм и русофобия на службе дезинтеграции

Говоря об интеграции постсоветского пространства, многие сосредотачиваются на экономике и недостаточно уделяют внимания философско-историческому, ментальному фактору. Иначе говоря, не задаются вопросом: какая история может обеспечить успех постсоветской интеграции? Чтобы правильно на этот вопрос ответить, необходимо выяснить какие исторические взгляды лежали в основе разрушения СССР, а следовательно, и дезинтеграции постсоветского пространства.

Ни для кого не секрет, что в основе данного разрушительного процесса лежали антирусские исторические взгляды. Под

предлогом укрепления независимости и суверенитета общественному сознанию в постсоветских республиках навязывались всевозможные русофобские концепции. Притом антирусизм выступил в двух формах: антисоветизме и собственно русофобии. В зависимости от аудитории и политической конъюнктуры дезинтеграторы использовали либо антисоветизм, либо антирусизм.

Так, в Белоруссии вместо общерусской истории, в рамках которой сформировался белорусский народ и реализовалась белорусская государственность, в систему образования, науки и культуры, официальную историографию активно внедрялись теория балтского субстрата, история Великого Княжества Литовского, история польско-шляхетская, где доказывалось, что белорусы и русские якобы не имеют ничего общего между собой. Подобные антирусские мотивы уже проявились в «Очерках истории Беларуси», изданных в 1994-1995 годах в двух частях Институтом истории Национальной академии наук Белоруссии. Эта же позиция закреплена и в первой книге двухтомной «Истории белорусской государственности в конце XVIII — начале XXI веков» (2012 г.) того же академического института, где говорится, что Великое Княжество Литовское и Речь Посполитая представляли собой исторические формы белорусской государственности, а вот Российская империя и ее государственность не является белорусской, хотя и существовала на белорусских землях.

На Украине наиболее оголтелые русофобы также выстраивали самые сумасбродные исторические концепции с единственной целью как можно сильнее развести русских и украинцев по разные стороны цивилизационного развития. Как отмечал доцент Киевской Духовной Академии Алексей Добощ, «история Украины сегодня старательно переписывается прокатолическими «деятелями». Разумеется, все эти антирусские потуги являлись самой заурядной фальсификацией реальной истории белорусского и украинского народов, насмешкой над исторической наукой.

Драматичность ситуации заключалась в том, что антирусские инсинуации доминировали и в самой России и самым на-

хальным образом навязывались обществу. Показательны в этом плане работы А.Н. Сахарова, в 1993-2010 годах занимавшего пост директора Института российской истории РАН. Они пронизаны презрением к русскому народу, «темной стихии, огромной серой массе, исповедовавшей простые и одномерные формы жизненного переустройства»¹. Поэтому не случайно, что с подачи таких вот русофобов в свое время президент Б.Н. Ельцин обсуждал план раздела России на 7 государств.

Надо отметить, что русофобствующие политики сами ничего не изобретали, они всего лишь копировали антирусские и антисоветские взгляды, которые были изложены в работах реакционных западных историков и политологов. В частности, в книгах законченного антисоветчика и русофоба Збигнева Бжезинского излагались сценарии раздела России на отдельные государства, выдвигались предложения ликвидации Мавзолея В.И.Ленина на Красной площади и ставился знак равенства между фашистской Германией и Советским Союзом².

Неизвестно куда бы завели общество такие политики, если бы президент России В.В. Путин своевременно не поднял вопрос о необходимости создания правдивого и нравственного учебника о великой русской истории в неразрывной связи всех ее периодов: досоветского, советского и постсоветского. Ведь, как подчеркнул российский лидер, выступая в 2013 году перед участниками Валдайского клуба, «мы должны гордиться своей историей, и нам есть чем гордиться. Вся наша история без изъятий должна стать частью российской идентичности»³.

Некоторые публицисты и историки, поддерживая идею написания правдивого учебника по истории, в то же время выражают недоумение, как это сделать. К примеру, как объективно описать Кавказскую войну. Почему, задаются

¹ Сахаров А.Н. Россия: народ, правители, цивилизация. Москва, 2004. С. 309, 320.

² Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). Москва, 1998. С. 127.

³ Путин В. Выступление на Валдайском форуме // Наш современник. 2013. № 10. С. 6.

они вопросом, в коренной России главнокомандующий Кавказской армией А.П. Ермолов герой, а на Кавказе его именем пугают детей?⁴

Подобные исследователи хотят правдивых ответов, не понимая того, что они историю подменяют историческими казусами. Но дело не в них, а в смысле истории. В этом плане генерал А.П. Ермолов герой не только коренной России, но и кавказских народов, поскольку его деятельность открывала для последних перспективу исторического развития. В противном случае народы Кавказа были бы данниками тиранических режимов шахского Ирана и Османской империи, что лишило бы их действительного исторического бытия.

Печальный итог этой антирусской вакханалии сегодня признан всеми здравомыслящими и не потерявшими совести учеными и политиками. Притом для России, Белоруссии и Украины отрицание общерусской истории вообще оказалось катастрофическим. Особенно эта катастрофа отразилась на демографическом состоянии наших стран. По расчетам доктора медицинских наук Игоря Гундарова, Россия не досчиталась за 1991-2011 годы почти 30 млн человек. От избыточной смертности — 12,2 млн, от падения рождаемости — еще 17,4 млн. Демографические потери Украины в результате так называемых либеральных реформ достигли 10 млн человек. В 1989 году на Украине насчитывалось почти 52 млн, а в 2012 году — 45,5 млн. И даже Беларусь за период с 1989 по 2009 год потеряла 700 тысяч человек.

Возвратиться в свою Историю

В этом плане интересно сопоставить демографическое положение в СССР во времена так часто муссируемых сегодня сталинских репрессий. По подсчетам православного публициста Владимира Тимакова, прирост населения в 1937-1938 годах составил более 6 млн человек. Небывалый за всю историю. О чем это говорит? О том, что именно в этот период своего

⁴ Дорофеев Н. В поисках исторической правды // Российская Федерация сегодня. 2013. № 5. С. 9.

максимума достигли человеколюбивые, созидательные тенденции в стране. Например, по сравнению с царским временем был достигнут значительный прогресс в организации здравоохранения. Почти вдвое сократилась естественная смертность, в том числе детская. А ведь в дореволюционной России больше половины детей не доживало до совершеннолетия, а средняя продолжительность жизни населения составляла всего лишь 32 года. Депутат от кадетской партии во II Государственной думе Капустин приводил такие ужасающие факты: «Дети обречены на такую громадную смертность, когда из ежегодно рождающихся в некоторых местах 40 человек из 100 погибают, не достигши одного года»⁵. При таком демографическом тренде ни о каком нормальном развитии производства и культуры в стране не могло быть и речи. Россия находилась на периферии исторического процесса и практически ничем не отличалась от колониальных стран с такой же ужасающей нищетой, неграмотностью и продолжительностью жизни.

А взять проблему народного питания в дореволюционное время. Сегодняшняя антисоветская пропаганда занимается аллилуйщиной столыпинской реформы. Дескать, П.А. Столыпин думал о народном благоденствии. Думал, но только не о нем, а о том, как сохранить в неприкосновенности помещичье землевладение. Отсюда и столыпинская аграрная реформа, цель которой переключить внимание крестьян с помещичьего землевладения на общинное, изобразить последнее главным препятствием на пути сельхозхозяйственного прогресса. Отсюда апелляция П.А. Столыпина к крепкому крестьянину, к чувству личной собственности, который имеет право выделяться из общины и устраивать свое хуторское хозяйство. Смысл этой реформы был понятен всем: «грабь общину, но не тронь помещиков». О чем прекрасно сказал в 1908 году депутат III Государственной думы Марков: «Если бы настал такой несчастный для России день, когда все земли сделались бы исключительно крестьянскими, то это был бы день величайшей гибели,

⁵ Государственная Дума. Второй созыв. Стенографический отчет. Санкт-Петербург, 1907. Т. 1. С. 1796-1797.

если бы взяли землю у помещиков, то явились бы сейчас же мировые полицейские, в виде разных бронированных иностранных кулаков, которые немедленно вобьют в эту голову (крестьянскую) железными ударами сознание необходимости уважать право собственности»⁶. И когда в 1909 году был принят столыпинский аграрный закон, то даже лидер кадетов П.Н. Милюков вынужден был признать, что «Дума совершила преступление перед народом»⁷.

Именно помещичье землевладение было главной причиной периодических голодовок и плохого питания народа в России. А поскольку столыпинская реформа оставляла его в неприкосновенности, то ни о каком прогрессе в сельском хозяйстве в России говорить не приходилось. Даже сами депутаты-помещики, в частности граф Бобринский, владевший в Тульской губернии 13 тысячами десятин земли, отмечал, что «население у нас на душу потребляет, приблизительно, 16,5 пудов муки в год, тогда как в самых бедных странах, например, в Алжире потребляется 24 пуда»⁸.

Или взять вопрос о грамотности и образовании в дореволюционной России. Русский политический деятель начала прошлого века В.М. Пуришкевич, выступая в 1907 году с трибуны II Государственной думы, утверждал, что женщины в России составляют 1,6% грамотных от общей численности населения и подчеркивал, что такое положение с грамотностью было в Турции в 1861 году⁹. А каково было положение в стране с высшим образованием? Оказывается, во всех девяти университетах в 1908 году училось всего 35 тысяч студентов. Издававшийся в России журнал «Вестник воспитания» в 1906 году опубликовал подсчеты, из которых вытекало, что всеоб-

⁶ Государственная Дума. Третий созыв. Стенографический отчет. Санкт-Петербург, 1908. Ч. 2. С. 1075-1076.

⁷ Государственная Дума. Третий созыв. Стенографический отчет. Санкт-Петербург, 1909. Ч.3. С. 2953.

⁸ Государственная Дума. Второй созыв. Стенографический отчет. Санкт-Петербург, 1907. Т. 1. С. 1291.

⁹ Там же. С. 1008.

щая грамотность в европейской части страны достижима разве что через 120 лет, в Сибири и на Кавказе — через 430 лет, а в Средней Азии — через 4 600 лет¹⁰. Это было не развитие, а деградация. Сама ситуация требовала отказа от этого деградационного варианта движения и выхода на путь человеческого развития. Этот прорыв и был осуществлен в результате Октябрьской революции в 1917 году.

Но самое главное, что обусловило резкий прирост населения в 30-е годы XX века — это идея справедливости, дружбы, гуманистической социальной политики, направленной на раскрепощение созидательных творческих сил народа, забота государства об интеллектуальном и нравственном развитии детей рабочих и крестьян, всеобщий социальный оптимизм населения, сознание всемирного характера своей общерусской истории.

Разрушение СССР привело к тому, что в значительной степени была девальвирована наша общерусская история. Наши братские народы пытались лишить общерусского самосознания, философско-исторического единства. И, естественно, в итоге — всплеск негатива, в том числе и физическое вымирание населения. Так наша общерусская история отомстила всем нам в виде калейдоскопа социально-экономических и духовно-нравственных катастроф за разрушение собственной страны, за то зло, которое русофобы навязывали белорусам, русским, украинцам в качестве якобы необходимого условия приобщения к западному благоденствию. Поэтому прогрессивное и подлинно демократическое развитие наших братских республик и народов — это не узкоэкономическая проблема, а философско-историческая проблема, проблема возрождения общерусского смысла жизни наших людей. Возвращая общерусскую историю во все сферы жизнедеятельности постсоветского общества, мы тем самым освобождаемся от катастрофических процессов и выходим на интеграционную траекторию движения.

¹⁰ Социализм и прогресс человечества: Глобальные проблемы цивилизации / Под общ. ред. И.Т. Фролова. Москва, 1987. С. 336-337.

Философско-историческая основа Союзного государства

С точки зрения философии истории, те постсоветские республики, где фактор общерусскости если и не выступает в качестве доминирующего, но в той или иной степени присутствует в официальной историографии, а также в деятельности социальных и государственных институтов, можно условно назвать своеобразными Советскими Союзами или, по современной терминологии, Союзными государствами. Союзными государствами не только применительно к такому интеграционному проекту, как Союзное государство Белоруссии и России, но Союзными государствами в том смысле, что принцип союзности является атрибутивным в системе их государственной идеологии. Очевидно, что такими постсоветскими странами в настоящее время являются лишь Россия и Белоруссия. И не случайно российско-белорусская интеграция наиболее глубоко воплощает в себе ценности общерусской истории, а следовательно, представляет собой наиболее успешный объединительный проект на постсоветском пространстве.

Те постсоветские страны, где фактор общерусскости задавлен или вообще изгнан из сферы образования, культуры, науки, политики, условно можно назвать осколками бывшего СССР. Это объективно несостоявшиеся государства или государства абсолютно несамостоятельные, марионеточные именно по причине господства принципа антирусскости в их официальной идеологии. Наиболее показательны в этом плане прибалтийские республики, Грузия, Молдавия, Украина. Проблема в том, что господствующие элиты в этих странах вроде бы хотят написать свою национальную историю, а на самом деле они пишут антирусскую историю, что объективно ведет к разрушению их и так эфемерной государственности. Кроме того, эти политики объективно делают свои страны источниками постоянной конфронтации на пространстве бывшего СССР, что лишает их перспектив нормального цивилизованного развития.

Особенно это рельефно проявляется в так называемой политике евроинтеграции этих стран. Что же она представляет собой на деле? Евроинтеграция — это политика Европейского

союза, основывающаяся на увековечивании дезинтеграции постсоветского пространства. Политическая диалектика такова: евроинтеграция неотделима от дезинтеграции постсоветского пространства. И что же получается на практике? Ратуя за дезинтеграцию, а следовательно, за дестабилизацию своего политического и экономического пространства, в то же время евроинтеграторы в постсоветских республиках надеются на укрепление своей государственности и своей экономики в рамках Европейского союза. Разве это не наивно? Ведь евробюрократы рассматривают так называемые новые независимые государства не на основании их политических вывесок, а по их реальному политическому бытию, т.е. в качестве политических осколков бывшего СССР, которые по своему определению не могут быть самостоятельными государствами. Поэтому все евроинтеграторы на постсоветском пространстве объективно являются дезинтеграторами собственной государственности. И сколько бы они не пропагандировали свою евроинтеграцию, в этой пропаганде нет ничего иного, кроме глупости и позора. Это факт совершенно бесспорный. Хотя, может быть, для наивной публики и неочевидный. Как справедливо указывает советник Президента России С.Ю. Глазьев, так называемое соглашение об ассоциации Украины с Евросоюзом означает, что «Украина фактически перестает быть самостоятельным, суверенным субъектом торгово-экономических отношений»¹¹.

Важно отметить и то, что евроинтеграция для постсоветских республик основывается на господстве меньшинства граждан. Приватизация народного достояния, формирование новой элиты как некоего креативного сословия, которое якобы по своим не только умственным, но и физиологическим параметрам превосходит обыкновенных людей, восхваление конкуренции не только в экономике, но и в социальных и человеческих отношениях, апология неправомерно приобретенного богатства — все это призвано доказать правомерность политического господства избранного меньшинства, олигархии. Фактически это

¹¹ Россия — Украина: убрать «берлинскую стену» // Российская Федерация сегодня. 2013. № 13-14. С. 7.

отрицание демократии, хотя такое отрицание соответствует принципам западной демократии, которая является лицемерной и формальной. Объективно евроинтеграция на основе западной демократии ведет к установлению олигархических режимов, что и происходит в тех постсоветских республиках, которые избрали ее своей стратегией развития.

Отсюда должно быть понятно, что интеграция постсоветского пространства, в том числе и создание Евразийского союза, лишь тогда будет успешна, когда она будет осуществляться на основе принципа общерусскости. Общерусскость — значит русский язык, русская история, русская культура как условие реализации политического суверенитета и единства народа. Подчеркиваем: интеграция не только экономическая, но интеграция на основе общерусской истории, общерусской цивилизации. Что именно и доказывает Союзное государство Белоруссии и России. Интеграция только экономическая сама по себе недостаточна — в современных условиях она уже не ведет к успеху. Оказывается, что не экономика, а именно общерусская история определяет все в постсоветской интеграции.

Сила общерусской истории

В интеграции на постсоветском пространстве важна сила нашей общерусской истории, которая включает в себя ряд аспектов.

Во-первых, геополитические и финансовые возможности России, которые способны вернуть общерусской истории ключевую роль в политической стратегии постсоветских стран. Особенно они многое могут сделать в Белоруссии и на Украине в плане обретения исторической уверенности их народов в своем будущем и внушить безысходность всем русофобам в их попытках противодействия интеграции между нашими странами. Но, разумеется, как чисто физические возможности они не могут выполнить все, что необходимо для восстановления идеи общерусскости в интеграционном процессе.

Во-вторых, в общерусской истории как ключевом факторе постсоветской интеграции, важны не столько события, хронология, примеры, сколько общерусская ментальность, общерусская идентичность. Это то, что в советское время обозначалось

понятием «советский народ». Даже тогда досоветская история всех народов СССР как раз излагалась в русле общерусской истории, где союз, дружба, сотрудничество русского народа с другими народами Российского государства являлись основой их исторического прогресса. И это было правильно. Вот почему все русофобы, дезинтеграторы в первую очередь стремятся изгнать советский период из отечественной истории как наиболее близкий к сегодняшнему времени и тем самым наиболее опасный для их антирусских, антиинтеграционных замыслов в отношении наших народов. Именно в общерусском характере выражается национальное бытие русских, белорусов, украинцев, цивилизационное единство всех народов бывшего СССР. Общерусская ментальность позволяет чувствовать и верить, что русофобы, дезинтеграторы не одолеют наши народы, не лишат их своей общерусской идентичности, своей исторической будущности. Это общерусское историческое сознание будет оздоровляюще действовать на политическую, социально-психологическую атмосферу в Белоруссии и Украине, других постсоветских республиках. Оно вселит в наших граждан идею исторического оптимизма, что как бы сложно ни шли интеграционные процессы, какие бы препятствия на их пути ни воздвигались, интеграционное дело будет продолжаться, а противники интеграции будут посрамлены и разбиты. Следовательно, в сознании наших народов будет укрепляться уверенность в себе, признание непобедимой силы общерусской истории.

Но есть еще третий аспект интеграционной сущности общерусской истории. Это общерусское уважение к нравственным ценностям, которое не позволяет оскорблять другие народы, отрицает зло, насилие, чем так полна западная история (вспомним крестовые походы, рыцарские ордена, инквизицию, иезуитство, колониализм, современные интервенции против неудобных стран). Высокая нравственность общерусской истории, в том числе и советской истории, преодолает недостойную и антиисторическую политику, направленную на разъединение наших братских народов, на дезинтеграцию постсоветского пространства под предлогом так называемой евроинтеграции и «суверенизации» постсоветских республик.

РЕФОРМЫ ГРАФА М.Н. МУРАВЬЕВА КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОВОРОТ В ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА

Александр Юрьевич Бендин

доктор исторических наук, профессор кафедры богословия
Института теологии Белорусского государственного университета
(Минск)

*Кто всю ответственность, весь труд и бремя
Взял на себя в отчаянной борьбе —
И бедное, замученное племя,
Воздвигнув к жизни, вынес на себе?*

*Кто, избранный для всех крамол мишенью,
Стал и стоит, спокоен, невредим,
Назло врагам, их лжи и озлобленье,
Назло, увы, и пошлостям родным.*

Ф.И. Тютчев

Статья посвящена анализу обширного комплекса реформ, которые проводил граф М.Н. Муравьев после подавления польского восстания 1863 г. Предметом анализа являются колониальные отношения, созданные польской элитой в Северо-Западном крае Российской империи к началу 60- гг. XIX в. Автор исследует основные направления реформаторской деятельности М.Н. Муравьева, направленные на сокращение польского господства в регионе. Особое внимание уделяется идейным мотивам реформ, проводимых виленским генерал-губернатором.

Ключевые слова: Северо-Западный край, колониальные отношения, реформы, православие, католичество, полонизация, западнорусская интеллигенция, русское самосознание белорусов.

Article is devoted to the analysis of an extensive complex of reforms which were carried out by the count M. N. Muravyev after suppression of the Polish revolt of 1863. A subject of the analysis are the colonial relations created by the Polish elite in the Northwest region of the Russian Empire by the beginning of 60 of the 19th century. The author investigates the main directions of reformatory activity of M. N. Muravyev directed to reduction of the Polish domination in the region. The special attention is paid to ideological motives of the reforms which are carried out by the Vilensky governor general.

Keywords: Northwest edge, colonial relations, reforms, Orthodoxy, Catholicism, polonization, West Russian intelligentsia, Russian consciousness of Belarusians.

Как изучать управленческую практику графа Муравьева?

Личность и деятельность Виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева в последнее время вызывает все больший исследовательский интерес у отечественных и зарубежных историков. Ученые рассматривают различные аспекты жизни и деятельности этого выдающегося российского реформатора, который прославился своим решительным подавлением польского восстания и глубокими, системными преобразованиями в Северо-Западном крае Российской империи в 1863-1865 гг¹.

Всего лишь два года Михаил Николаевич Муравьев управлял обширным Северо-Западным краем, но это короткое правление превратило регионального администратора обширной империи в политика национального масштаба, навсегда вошедшего в историю России, Литвы и Белоруссии. М.Н. Муравьева благословлял митрополит Московский Филарет (Дроздов), а поэт Ф.И. Тютчев посвятил ему замечательные стихи. Его как «истинно русского государственного деятеля» глубоко по-

¹ *Ананьев С.В.* М.Н. Муравьев-Виленский: политическая биография: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2007; *Ананьев С.В.* Конфессиональная политика М.Н. Муравьева на посту генерал-губернатора Северо-Западного края в 1863-1865 гг. // *Славянский сборник: Межвуз. сб. науч. тр.* Саратов, 2008. С. 34-44; *Комзолова А.А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005; *Долбилов М.* Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010; *Сталюнас Д.* Этнополитическая ситуация Северо-Западного края в оценке М.Н. Муравьева (1863-1865) // *Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике.* Вильнюс, 2003. Т. VII. С. 250-271; *Федосова Э.П.* Православие в Северо-Западном крае при графе Муравьеве: 1863–1865 гг. // *История народов России в исследованиях и документах.* М., 2007. — С. 192-218; *Федосова Э.П.* Граф М.Н. Муравьев-Виленский (1796-1866). Жизнь на службе империи. М., 2015; *Гигин В.Ф.* Оклеветанный, но не забытый // *Неман.* 2005. № 6. С. 127-139; *Бендин А.Ю.* Образ виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева в современной белорусской историографии // *Беларуская думка.* 2008. № 6. С. 42-46; *Бендин А.Ю.* Граф М.Н. Муравьев-Виленский и национальное пробуждение белорусского народа // *Исторический поиск Беларуси: альманах* / сост. А.Ю. Бендин. Мн., 2006. С. 53-77.

читало местное православное духовенство и митрополит Литовский Иосиф Семашко, а император Александр II называл графа Муравьева «гениальным человеком». Виленский генерал-губернатор был объектом поклонения белорусских крестьян, которые видели в нем «заступника», подлинного освободителя от экономического гнета польских панов. Крестьяне с любовью называли его «батька Муравьев», строили церкви и часовни в честь небесного покровителя М.Н. Муравьева, архистратига Михаила².

Но он же являлся средоточием ненависти политических врагов Российской империи — польских националистов, русских революционеров и либералов. На него ополчились герценовский «Колокол», сановные либералы и «космополиты», но для российского общества, славянофилов и М.Н. Каткова виленский генерал-губернатор стал живым символом русского патриотизма и жертвенного служения Отечеству³.

² «Готов собою жертвовать...». Записки графа М.Н. Муравьева об управлении Северо-Западным краем и умирении в нем мятежа. М., 2009; Воспоминания современников о Михаиле Муравьеве, графе Виленском. М., 2014; Литовский государственный исторический архив. Далее: ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1864. Д. 1507. Л. 12-13; *Виноградов А.А.* Как создавался в г. Вильне памятник графу М.Н. Муравьеву. Вильна, 1898. С. 3-60; *Макаревский М.* Граф Михаил Николаевич Муравьев, как церковно-общественный деятель в Северо-Западном крае. Вильна, 1898. С. 1-15; *Миловидов А.И.* Как создавался памятник графу М.Н. Муравьеву // Русская старина, 1898. Т. 96. С. 691-698; *Турцевич А.О.* Краткий очерк жизни и деятельности графа М.Н. Муравьева. Вильна, 1898. С. 1-64; Из бумаг архиепископа Минского Антония Зубко. Минск, 1900. С. 1-15; *Киприанович Г.Я.* Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западнорусских униатов с Православной церковью в 1839 г. 2-е изд. Вильна, 1897. С. 419, 421-429.

³ *Катков М.Н.* Переписка с графом М.Н. Муравьевым // Русский вестник. 1897. № 8; *Мосолов А.Н.* Виленские очерки 1863-1865 гг. (Муравьевское время). СПб., 1898; *Белецкий А.В.* Открытие Музея графа М.Н. Муравьева. Вильна, 1901; Циркуляр по Виленскому учебному округу за 1899 год. Вильна, 1899. С. 37; *Романовский М. свящ.* Очерк истории Белостокской двухклассной церковноприходской Владимирской школы // Гродненские епархиальные ведомости. 1902. № 16. С. 167; *Беспристрастный.* Смелость ксендзов // Литовские епархиальные ведомости. 1903. № 28-29. С. 222-223.

По степени почитания и ненависти из российских реформаторов второй половины XIX — начала XX вв. М. Н. Муравьева можно сравнить только с П.А. Столыпиным. Оба вызывали у своих политических врагов страх, злобу и смертельную ненависть. Достаточно вспомнить созданный белорусскими националистами и российскими либералами злобещий образ «Муравьева-вешателя» или оскорбительный кадетский ярлык — «стольпинский галстук», бомбы и пули террористов, направленные в строителя «Великой России». Оба были ревностными служителями закона, имперскими государственниками и защитниками интересов русского (белорусы и малороссы) населения Северо-Западного края. Оба удостоились величественных памятников, созданных на народные пожертвования. Памятник графу М.Н. Муравьеву был торжественно открыт в Вильно в 1898 г., премьер-министру П.А. Столыпину в Киеве в 1913 г. Нельзя не вспомнить и Музей графа М.Н. Муравьева, который начал свою работу в Вильно в 1901 г.

Схожа их посмертная судьба после падения Российской империи. События Первой мировой войны и российской революции уничтожили зримую память об этих выдающихся деятелях российской, а теперь уже национальной белорусской и литовской истории. Личности и деяния великих реформаторов, регионального и всероссийского, одного, усмирившего локальный польский мятеж, другого — российскую революцию, подверглась огульному шельмованию и жесткой идеологической критике в советской историографии, в учебниках для средней и высшей школы и в публицистике.

Только после краха советского государства впервые за много десятилетий появилась возможность научного исследования исторического наследия, оставленного нам этими выдающимися политическими деятелями Российской империи. В этот период начинает формироваться новая, стремящаяся к научной объективности российская историография, посвященная изучению личности и политической деятельности П.А. Столыпина. Под влиянием книг А.И. Солженицына и политических обстоятельств последних лет, произошли значительные перемены в историческом сознании власти и

российского общества. В результате, как и сто лет назад, на народные деньги вновь сооружены памятники великому сыну России в Саратове и Москве. Стопятидесятилетие со дня рождения П.А. Столыпина в 2012 году было торжественно отмечено на высшем официальном уровне.

Однако в современной Белоруссии, на территории которой благотворные результаты реформаторской деятельности виленского генерал-губернатора проявились наиболее зримо, и официальные власти, и большая часть историков по-прежнему навязывают обществу негативную мифологию о «русификаторе» и «вешателе» Муравьеве.

В этой связи можно с уверенностью констатировать, что новая «национальная» историография, пришедшая на смену советской, так и не вышла за пределы примитивных идеологических интерпретаций событий, происходивших в Северо-Западном крае в 1863-1865 гг.⁴ Если говорить о содержаниях этих интерпретаций, они, в зависимости от позиции авторов, основываются либо на постулатах бюрократического национализма, официально именуемого «идеологией белорусского государства», либо на идеологии белорусского этнического национализма, которую исповедует радикальная, русофобски настроенная оппозиция, и сочувствующая ей часть исторического сообщества.

Например, для национально «свядомых» историков характерно особое идеологическое видение событий и процессов,

⁴ *Біч М.* Беларускае адраджэнне у XIX — пачатку XX ст. гістарычныя асаблівасці, узаемаадносіны з іншымі народамі. — Мн. 1993; *Біч М.* Паўстанне 1863-1864 гг. у Польшы, Беларусі і Літве. Энцыклапедыя Гісторыі Беларусі. Т.5. Мн. 1999. С.450; *Каўка А.* Беларускі вызваленчы рух: спроба агляду. Спадчына. 1991, № 5. С. 6. Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі. (канец XVIII — пачатак XX ст). // М. Біч, В. Яноўская, С. Рудовіч і інш. Мінск, 2005. С. 242-243; *История Беларуси с древнейших времен до нашего времени. Ковкель И.И., Ярмусик.* 2-изд. С. 176-177; *Нарысы гісторыі Беларусі: У 2 ч. Ч 1. М. Касцюк (гал.рэд.) і інш. Мінск, 1994. С. 328; Гісторыя Беларусі з 1795 г. да вясны 1917 г. / Пад рэд. І.П. Крэня, І.І. Коўкеля. Мінск. 2001. С. 169; Таляранак С.В. Генерал М. М. Мураўёў-Віленскі. Мінск, 1998.*

которые рассматриваются с позиций изобретенного политического конфликта, существовавшего, якобы, между «самостоятельным белорусским этносом» и враждебной ему Российской империей. Для этого используется содержательно расплывчатый термин «русификация», наделенный негативными коннотациями. На практике историческое содержание этого термина интерпретируется в соответствии с современными националистическими воззрениями авторов. Для описания феномена «русификации» в «национальной» историографии, за небольшими исключениями, используются эмоционально насыщенные эпитеты — насильственная, фронтальная, тотальная и т.д.⁵ В целом же «русификация» осмысливается и преподносится читателю как принудительная ассимиляция белорусов, осуществляемая Россией с целью превращения их в великороссов⁶.

В результате, «угнетенный» белорусский народ, становится жертвой не только имперской колониальной эксплуатации, но и подвергается тяжкому этническому насилию со стороны императорской России. Соучастником этого исторического этнокультурного преступления националисты назначают Православную церковь, которая, по их мнению, явилась послушным орудием «царизма» в деле денационализации белорусов.

Нельзя не заметить, что «национально свядомым» историкам трудно примириться с результатом собственного идеологического творчества. Историков притягивает, и одновременно

⁵ Нарысы гісторыі Беларусі: У 2 ч. Ч 1. М. Касцюк (гал. рэд.) і інш. Мінск, 1994. С. 334.

⁶ Біч М. Беларускае адраджэнне у XIX — пачатку XX ст.: гістарычныя асаблівасці, узаемаадносіны з іншымі народамі. Мінск, 1993. С. 4; *Снапкоўская С.У.* Гісторыя адукацыі і педагагічнай думкі Беларусі (60-я гг. XIX — пачатак XX ст.). Мінск, 2001. С. 132; *Яноўская В.В.* Гісторыя хрысціянскай царквы ў Беларусі Мінск, 2002. С. 140; *Грыгор'ева В.В., Завальнюк У.М., Навіцкі У.І., Філатава А.М.* Канфесіі на Беларусі (канец XVIII–XX ст.). Мінск, 1998. С. 71; *Смалянчук А.Ф.* Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 — люты 1917 г. СПб., 2004. С.120. *Бачышча Ю.А.* Каталіцкая царква ў нацыянальна-рэлігійнай палітыцы царызму ў Беларусі (1900—1914 гг.): аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук. Мінск, 2003. С. 6; *Шыбека З.* Нарысы гісторыі Беларусі. (1795–2002). Мінск, 2003. С. 100–110.

но отталкивает созданный их воображением образ «Беларуси» как несчастной жертвы имперского российского деспотизма. Неудивительно, что фантомные боли творцов и носителей идей белорусского этнического национализма стали врачеваться с помощью анестезирующей героической мифологии⁷.

Так, польское восстание 1863 г. на территории Северо-Западного края теперь трактуется как выдающееся событие белорусской истории⁸. При этом происходит обычная для «национально свядомой» историографии подмена понятий и этнокультурных маркировок. Оказывается, что в польском восстании, направленном на восстановление независимой Речи Посполитой в границах 1772 г., преследовались «белорусские национальные» цели. «Национальные» в данном контексте следует понимать, как государственные, то есть цели создания белорусской государственности. Неудивительно, что некоторые, наиболее «свядомые» историки, пошли дальше и преподносят разрозненные выступления отрядов польско-католической шляхты, как «национально-освободительное» восстание белорусского народа против российских угнетателей.

Их небогатое воображение, распаляемое воинствующей русофобией, порождает фантастические образы героических белорусов, которые бросили смелый вооруженный вызов своему всеильному национальному угнетателю — Российской империи. Народным вождем антироссийской борьбы белорусов назначается польский шляхтич В.К. Калиновский, скромная политическая роль которого в качестве деятеля польского революционного подполья, раздувается до гротескных, буффонадных размеров.

И этому явлению есть вполне рациональное объяснение. Националистам, как историкам, так и оппозиционным полити-

⁷ Бендин А.Ю. Проблемы этнической идентификации белорусов 60-х гг. XIX — начала XX в. в современной историографии. / Исторический поиск Беларуси: альманах / сост. А.Ю. Бендин. Минск, 2006. С. 19-21.

⁸ Біч М. Паўстанне 1863-1864 гг. Кастусь Каліноўскі // Гістарычны альманах. 2002. Т. 6. С. 38; Церашковіч П.В., Чаквін І.У. Беларусь. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 1. С. 471.

кам, нужен яркий, привлекательный образ «героя», который можно преподнести в качестве общенационального символа, способного объединить эту разношерстную публику на почве агрессивной русофобии и радикальных антироссийских настроений. Если в современной Украине эту роль успешно выполняет зловещая фигура националиста Степана Бандеры и его кровавых поделщиков, то в Белоруссии торжественная презентация подобных преступных особей в качестве общенациональных «героев» неизбежно вызовет негативную реакцию, как в обществе, так и у властей предрежащих.

Привлекать в качестве объединяющих символов нации одиозных «героев» — националистов, сотрудничавших с нацистами во время оккупации страны, — политически проигрышный вариант. Но политическая нужда в подобных персонажах, призванных исполнять историческую роль великих предтеч, отцов-основателей современной белорусской нации, всегда есть и, зачастую, нужда острая. Коли нет своих, этнически безупречных «героев», в таковые верстаются «герои» иноэтнические.

Теперь понятно, почему идейно-символические и мобилизационные функции, которые у националистов украинских традиционно выполняют фигуры Бандеры и Шухевича, белорусские националисты возложили на польского революционера Винцента Калиновского. Да и наследие, оставленное последним, было, с их точки зрения, вполне подходящим — апология революционного террора, социальный и политический популизм, патологическая русофобия и симпатии к унии.

Благо, и стараться в создании образа нужного им «героя» не было никакой надобности. Белорусская советская историография вкупе с местной творческой интеллигенцией давно справились с этой несложной задачей. О «пламенном революционере» Калиновском было написано в советских учебниках и популярных книжках, о нем снят фильм-агитка, созданы скульптуры и написаны картины, выдержанные в лучших традициях незабвенного социалистического реализма. Одним словом, высоко идейный и художественно исполненный миф о белорусском «революционном демократе» был уже сотворен, оставалось только обновить его в соответствующем «нацио-

нальном» духе и творчески использовать в качестве средства манипулирования общественным сознанием.

Героизация польско-католического восстания, откровенная фальсификация его политических целей, подмена этнической маркировки лидеров и участников (польскую шляхту называют белорусской или литвинской), не столь уж безобидны, как это может показаться неискушенному человеку.

В националистической интерпретации восстания и в образе шляхтича Калиновского, представленного современными историками-националистами в качестве патриота и борца за будущую белорусскую «незалежнасць», ярко выразилась социальная и нравственная патология, свойственная националистической идеологии. В основе патологического патриотизма, столь характерного для белорусского национализма, лежит либо латентная, либо открытая русофобия, нескрываемое презрение к русскому языку и русской культуре. Не удивительно, что русофобия стала определяющим фактором, который постоянно воздействует на содержание и эволюцию белорусского национализма, формируя образ экзистенциального врага «суверенной Беларуси».

Разумеется, что при таком специфически «национальном» видении истории, негативный образ М.Н. Муравьева, созданный в белорусской советской историографии, не мог кануть в лету вместе с социализмом. В постсоветский период он претерпел известную идеологическую трансформацию. Бывший классовый враг и российский реакционер Муравьев превратился во врага «национального возрождения самостоятельного белорусского этноса». Иными словами, обрел вторую политическую жизнь под пристрастным пером «свядомых» белорусских историков и коммерчески активных сочинителей, которые и сегодня, в год 150-летия кончины Михаила Николаевича, по-прежнему продолжают страшать белорусского обывателя демоническим образом «Муравьева-Вешателя».

Столь обширный пассаж, отличный по форме и стилю от необходимой в данном случае академичности, понадобился автору для того, чтобы обосновать свой методологический выбор, необходимый для изучения заявленной темы. Учитывая

распространенную практику «национализации» белорусской истории и, в частности, отмеченные выше идеологические интерпретации событий 1863-1865 гг. в Северо-Западном крае, автор предлагает использовать инструментарий и концептуальные подходы, которые не позволяют заподозрить его в какой-либо идейной пристрастности. Речь идет о попытке применения теории и методов исследования, характерных для практики изучения проблем «внутренней колонизации»⁹.

Новый ракурс исследования, позволяющий выяснить сущность отношений, которые складывались в Северо-Западном крае между российским государством, польско-католическим меньшинством и православным крестьянским большинством, представляется научно продуктивным. Вопрос об идентичности Северо-Западного края, ставший предметом русско-польского спора, является многоаспектным, так как имеет в своей основе сложный комплекс политических, этнокультурных, конфессиональных и социально экономических отношений. В этой связи, изучение трансформаций, которые претерпели указанные отношения в результате реформ М.Н. Муравьева, получает необходимое теоретико-методологическое обоснование в опыте современных исследований «внутренней колонизации России». Установленный ракурс исследования позволит также выявить специфику тех принципиальных перемен, которые внес М.Н. Муравьев в практику управления Северо-Западным краем, осмыслить и оценить результаты его реформаторской деятельности¹⁰.

1. Так кто же жил, и кто господствовал в Северо-Западном крае Российской империи?

Включение в состав Российской империи белорусско-литовских земель, находившихся на её западных окраинах, на протяжении XIX — начала XX вв. сопровождалось сложной

⁹ Практики внутренней колонизации в культурной истории России: сб. статей. / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. Москва, 2012.

борьбой за установление политических, конфессиональных и этнолингвистических границ. Результаты этой борьбы должны были определить принадлежность территории и населения этих земель либо к Речи Посполитой, либо к Российской империи.

Этот регион имел особое геополитическое значение для противоборствующих сторон — российского правительства и польского национального движения. После Царства Польского, Северо-Западный край был вторым по значимости центром

¹⁰ Так неофициально называлась особая территориально-административная единица, созданная в начале 60-х гг. XIX в. в связи с нарастающей угрозой польского сепаратизма. В край входило шесть губерний: Ковенская, Виленская, Гродненская, Витебская, Минская и Могилевская. Северо-Западный край находился в подчинении генерал-губернатора, резиденция которого находилась в г. Вильна. См: Гісторыя Беларусі. У 2 ч. Ч. 1. Ад старажытных часоў — па люты 1917 г. Пад рэд. Я.К. Новіка і Г.С. Марцэля. 3-е выд. Мінск, 2007. С. 278-279. Существование в Российской империи генерал-губернаторств, как особых административно-территориальных единиц, диктовалось задачами сохранения целостности государства. См: Ремнев А.В. Генерал-губернаторская власть в XIX столетии: К проблеме организации регионального управления Российской империи // Имперский строй России в региональном измерении. Москва, 1997. С. 54.

Существовало и общее неофициальное название Западный, или Западно-Русский край, в который, наряду с Северо-Западным краем входил и Юго-Западный край с тремя малорусскими губерниями — Киевской, Волынской и Подольской. См: Атлас народонаселения Западно-Русского края по исповеданиям, составлен при Министерстве внутренних дел, в канцелярии заведующего устройством православных церквей в Западных губерниях. 2-е изд., исправ. и доп. СПб., 1864.

Употребление автором двух названий региона (Северо-Западный край, Белоруссия и Литва) обусловлено традицией, сложившейся в дореволюционной западнорусской историографии. В известной работе «Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края», говорилось о том, что «белорусы и литвины... населяют почти весь Северо-Западный край России, в иных случаях переступая за его пределы, а в других — не достигая их. Поэтому история Белоруссии и Литвы может быть отождествлена с историей Северо-Западного края России. См: Батюшков П.Н. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. СПб., 1890. С. 1-2.

польского сепаратизма в Российской империи. Территория региона находилась на стыке цивилизаций, культур, религий и этнических групп. В этом цивилизационном пограничье встречались «западные» культуры — польская и литовская — с культурами «восточными» — великорусской, белорусской и малороссийской. Здесь в сфере образования и коммуникаций сталкивались кириллица и латиница, что усиливало дифференциацию между культурами и конфессиями. Все эти факторы придавали Северо-Западному краю своеобразие и уникальность, осложняя решение вопроса об определении его идентичности.

Представления о польской идентичности Литвы и Белоруссии, бытовавшие в то время среди российской элиты, определялись не только исторической принадлежностью этого региона к Речи Посполитой. Местная элита — дворянство и католическое духовенство — состояла в основном из поляков и ополяченных белорусов и литовцев. Её численность не превышала 6 % населения западных губерний, но польское меньшинство занимало при этом доминирующие позиции в Северо-Западном крае Российской империи¹¹. Привилегированное дворянское сословие в этом регионе империи состояло из магнатов, крупных помещиков и многочисленной мелкой шляхты, «паупаночка», или иначе «падпанка»¹².

Находясь в абсолютном меньшинстве, дворяне — этнические поляки и ополяченная шляхта составляли, тем не менее, 85% помещиков Виленской, 95% Гродненской, 78% Ковенской и 94% Минской губернии¹³.

¹¹ *Бабин В.Г.* Государственная образовательная политика в Западных губерниях во второй половине XIX — начале XX в. / В.Г. Бабин // Власть, общество и реформы в России (XVI — начало XX в.): Материалы науч.-теор. конф. 8-10 декабря 2003 г. СПб., 2004. С. 199-200.

¹² *Макарэвіч В.С.* Трансфармацыя сацыяльнай структуры дваранства Беларусі у канцы XVIII — XIX ст. // Працы гістарычнага факультэта БДУ: Навук. зб. Вып. 4. / Рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.). Мн. С. 34.

¹³ *Айранетов О.Р.* Царство Польское в политике Империи в 1863-1864 гг. [Электронный ресурс] // Западная Русь. Режим доступа: <http://zapadrus.su/bibli/istfbid/-1863-1864-/292-2012-10-18-23-07-16.html> (дата обращения: 20.03.16).

Утратив в 1772-1795 гг. политическую власть над белорусскими и литовскими землями, магнаты, помещики и часть шляхты приобрели в Российской империи привилегированный статус дворянства, сохранив своё социально-экономическое, религиозное и культурное господство над русским (белорусским и малороссийским, до 1861 г. крепостным) населением края¹⁴.

Как отмечал известный российский славяновед А. Ф. Гильфердинг: «Источник польского вопроса находится в западных губерниях, в господстве там польского шляхетского меньшинства над русской народностью... Прямым следствием такого положения дел было то, что горсть «чужеземцев» и отчасти туземцев, перешедших в их лагерь, в течение большей половины текущего столетия с напряжённой энергией и успехом работала в русском крае во имя Польши и для Польши, работала во всех сферах его политической жизни: религиозной, учебной, административной, экономической и общественной. Польская среда пользовалась всеми преимуществами русского привилегированного сословия и в то же время враждебно относилась ко всему русскому»¹⁵.

Органами реализации сословных привилегий дворянства являлись, согласно закону, их губернские корпорации¹⁶. Учитывая, что в губерниях Северо-Западного края большинство дворян являлись поляками, эти элитные корпорации, как органы сословного самоуправления, становились официальными представителями интересов польских этнических сообществ перед Российским государством. И хотя дворянские губернские корпорации не имели права заниматься политическими вопросами, в ноябре 1862 г. Минское дворянское собрание выразило желание представить Александру II адрес, в котором го-

¹⁴ Сборник статей, разъясняющих польское дело в Северо-Западном крае. Вып. второй / сост. С. Шолкович. Вильна, 1887. С. 295.

¹⁵ Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. Вып. первый / сост. и изд. С. Шолкович. Вильна, 1885. С. IV–V.

¹⁶ Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России 1861-1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979. С. 132-134.

ворилось о необходимости присоединить Минскую губернию к Царству Польскому. Планировалось представить такие же адреса во всех губерниях края¹⁷. Сословную и национальную солидарность продемонстрировало и дворянство Царства Польского, которое в сентябре 1862 г. заявило, что оно «до тех пор будет действовать против русского правительства, пока последнее не соединит с Царством Польским Литву, Белоруссию, Волынь, Подолию и Малороссию»¹⁸.

Таким образом, польское дворянство накануне восстания 1863 г. недвусмысленно заявляло правительству, что идентичность региона не русская, а польская, и это обстоятельство требует воссоединения его с этнической Польшей.

Дворянство Северо-Западного края испытывало крайнее недовольство действиями правительства и генерал-губернатора В.И. Назимова, причиной которого было освобождение крестьян от крепостной зависимости. По словам А.В. Белецкого: «Более чем когда-либо оно находило желательным присоединение западных губерний России к Царству Польскому и объединение этих двух частей империи одинаковыми законами и учреждениями. При этом и освобожденные крестьяне не могли ускользнуть из-под власти помещиков»¹⁹.

Виленский генерал-губернатор В.И. Назимов наложил запрет на инициативу местного польского дворянства. Но это не остановило начавшуюся борьбу польских дворян за «польское достояние», коим они считали земли Западного края²⁰. Выход из сложившейся ситуации, который предлагал Назимов, заключался в том, что в борьбе с польским дворянством прави-

¹⁷ Белецкий А.В. Сборник документов музея графа М.Н. Муравьева. Вильна, 1906. С. LVII.

¹⁸ Батюшков П.Н. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. СПб., 1890. С. 369.

¹⁹ Белецкий А.В. Сборник документов музея графа М.Н. Муравьева С. XLIV.

²⁰ Айрапетов О.Р. Царство Польское в политике Империи в 1863-1864 гг. [Электронный ресурс] // Западная Русь. Режим доступа: <http://zapadrus.su/bibli/istfbid/-1863-1864-/26-2012-10-16-16-11-50.html> (дата обращения: 20.03.16).

тельству следует опереться на «народ», то есть, местное сельское население, русское по этническому происхождению. Для этого, по мнению генерал-губернатора, необходимо было предпринять решительные меры «к скорейшему разрешению крестьянского вопроса», и к организации в крае как можно большего числа народных школ.

С развитием народного просвещения Назимов связывал надежды на «нравственное возрождение» крестьянского населения, освобождение его из-под нравственного гнета «польского элемента». «Вследствие преимуществ и привилегий, которыми исключительно пользовались члены польской народности, — писал он в апреле 1863 г., — слово «поляк» сделалось синонимом помещика, дворянина, человека образованного, пользующегося доверием общества и кредитом правительства, человека светского и благовоспитанного; и на той же самой почве слово «русский», с одной стороны, стало синонимом холопства, рабства, неволи под властью Польши, нищеты, грубости, невежества, отчуждения, презрения, ничтожества относительно к Польше и ее духовенству»²¹.

Таким образом, социальный критерий принадлежности к высшему дворянскому сословию, выступал в качестве маркера престижной этничности, обладавшей экспансионистской энергией и статусным превосходством над всеми этническими сообществами Северо-Западного края. Неудивительно, что и многие представители высшей российской бюрократии воспринимали идентичность края в качестве польской, традиционно исходя из этнической маркировки его дворянской элиты²².

²¹ Комзолова А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. Москва, 2005. С. 31, 34.

²² Всеподданнейший отчет графа М.Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем (с 1 мая 1863 г. по 17 апреля 1865 г.) // Русская старина. 1902. № 6. С. 494-495. Об этом явлении сообщал императору Николаю II, и министр внутренних дел И.Л. Горемыкин: «В первое время, по воссоединению края с Россией, правительство наше смотрело на западные губернии, как на польский край». ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 470. Л. 13.

Для представителей западнорусской интеллигенции вопрос о том, почему возникла эта аберрация политического зрения, решался без затруднений: «Единственной причиной, по которой Северо-Западный край считался краем польским, было то обстоятельство, что польское меньшинство в лице помещиков стояло впереди всего общества и заслоняло собой от невнимательного взора русское большинство. Образование, богатство, власть, влияние — все было в польских руках и придавало польский облик всему краю»²³.

Мнение правящей элиты об исторически обоснованном праве Польши на земли Северо-Западного края было вызвано также практическим отсутствием трудов российских исследователей по истории Белоруссии и Литвы в период Нового времени. В первой половине XIX российская историография располагала лишь небольшим количеством работ по истории этого региона, которые относились, в основном, к периоду Древней Руси²⁴.

В то же время издавались работы польских историков, которые, по словам А. И. Миловидова, стремились «посредством архивных документов доказать, что Северо-Западный край издавна был польский, для чего даже документы, написанные на древнем западнорусском языке, передавались в польской транскрипции, так что они производили впечатление польских документов. <...> Надо прибавить к этому, — пишет далее Миловидов, — что все напоминавшее в этом крае о первоначальном русском корне, о расцвете православия, о первом насаждении русской культуры, — было или уничтожено, или намеренно обращено в жалкие развалины. Не удивительно, поэтому, что целые поколения воспитывались в убеждении, что этот край польский и должен принадлежать Польше.

²³ Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. Вып. второй / сост. и изд. С. Шолкович. Вильна, 1887. С. XXXVI.

²⁴ Из работ, созданных в предреформенный период можно назвать труд М.О. Без-Корниловича «Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии с присовокуплением и других сведений, к ней же относящихся». СПб., 1855.

Нельзя также удивляться, что даже русские ученые первой половины прошлого столетия имели чрезвычайно смутное представление об историческом положении и племенном составе Северо-Западного края. Считая Западно-Русский край чуждым России по племени и вере, легко было и притязания на него русских считать незаконными»²⁵.

Следует отметить, что российская элита воспринимала Царство Польское как часть территории империи, вошедшую в ее состав в результате завоевания. Законность этого завоевания была признана в 1815 г. международным правом. Литва и Белоруссия, не принадлежавшие к этнической Польше, вошли в состав Российской империи посредством мирного присоединения, также получившего международное правовое признание. Как отмечает Б.Н. Миронов, Россия не воевала с латышами, литовцами, белорусами и украинцами, что способствовало их мирному вхождению в состав империи²⁶.

Против российского господства в Литве и Белоруссии в 1794 и 1830-1831 гг. восставала только польская шляхта, доказывая историческое и политическое право Речи Посполитой владеть землями бывшего Великого княжества Литовского.

Этот важный социально-политический фактор, помноженный на практическое отсутствие исторических исследований и точных сведений об этническом и конфессиональном составе местного населения, способствовал формированию «государственнических и династических» представлений о том, что Западный край, это «часть Польши». В дореформенный период земли бывшего Великого княжества Литовского, вошедшие после разделов Речи Посполитой в состав Российской импе-

²⁵ Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863-1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Часть первая. Переписка по политическим делам гражданского управления с 1 января 1862 по май 1863 г. Составил А.И. Миловидов. Вильна, 1913. С. XXIII-XXV.

²⁶ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб., 2003. С. 36.

рии, официально именовались «западными губерниями» или «губерниями, от Польши возвращенными».

По замечанию А.А. Комзоловой, еще в 1819 году К.Ф. Герман, один из основоположников отечественной статистики без какого-либо анализа причислил все население бывшей Речи Посполитой к полякам. Вплоть до пореформенного времени этот тезис серьезно не оспаривался и не дискутировался²⁷.

Отсутствие компетентного мнения и неуверенность российской элиты в исторически легитимных правах России на владение Западным краем отмечал в 1862 г. виленский генерал-губернатор В.И. Назимов. В своем докладе министру внутренних дел П.А. Валуеву генерал-губернатор отмечал: «Для большинства русского общества вековой спор за обладание Западным краем и права каждой из тяжущихся сторон, к прискорбию, составляет до сих пор совершенно неизвестный и темный вопрос, на который оно не обращало особого внимания, а если ныне и решается следить, то в сем последнем случае легко может быть увлечено сочувствием» (то есть, к Польше)²⁸.

Следует сказать, что правительство, несмотря на свежую память о польских притязаниях на Литву и Белоруссию в восстании 1830-1831 гг., довольно долго не предпринимало необходимых мер по изучению этнического состава и конфессиональной принадлежности населения Западного края. Следовательно, практически отсутствовали не только знание истории русского (белорусы и малороссы) населения и его Православной церкви в Великом княжестве Литовском и Речи Посполитой, но и статистические данные об этнических группах, населявших Северо-Западный край и вероисповеданиях, к которым они принадлежали.

По сообщению П.Н. Батюшкова, «в конце 1850-х годов, ни в одном из центральных учреждений империи не имелось

²⁷ Комзолова А.А. Арифметика русификации [Электронный ресурс] // Западная Русь. Режим доступа: <http://zapadrus.su/rusmir/istf/755-arifmetika-rusifikatsii.html> (дата обращения: 20.03.16).

²⁸ Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863-1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Часть первая. С. XXV.

точных сведений по статистике и этнографии западных губерний России. Русская периодическая литература и периодическая печать того времени верили на слово источникам польского происхождения, иногда апокрифическим, часто измышленным и всегда тенденциозным. Извращая бытовые данные, и тем самым отрицая самобытность древних элементов Западной Руси, польская печать, а за ней и русская, в известной ее части, не признавали неоспоримых народных прав России на западные ее окраины. Это взгляд до того был распространен и усвоен у нас, что даже многие находившиеся на службе по разным ведомствам лица подчинялись бессознательно влиянию польских идей, действуя в районе возложенных на них обязанностей, во вред государственным интересам»²⁹.

Понимание того, что в споре за принадлежность Северо-Западного края главным аргументом российской стороны является этноконфессиональный фактор, обусловленный исторически сложившимся соотношением между польско-католическим и русско-православным населением, начало формироваться лишь накануне польского восстания. МВД в 1862 году поручило подполковнику А. Ф. Риттиху составить специальный «Атлас населения девяти губерний Западного края по вероисповеданиям и национальностям». Этот Атлас с объяснительным текстом на русском и французском языках, был издан в 1863 году в «самый разгар польского мятежа».

Данные, приведенные в Атласе, позволили выяснить, что почти всю Белоруссию и значительную часть Литвы населяли лица православного исповедания. Католическое население проживало в Ковенской губернии, в западной части Витебской, Витебской и Гродненской губерний. В этническом составе края также преобладало русское (белорусы, малороссы, черноруссы и великороссы) население. Абсолютный численный перевес русских над поляками, проживавшими отдельными группами по всему пространству края, был зафиксирован с помощью сухих цифр статистики.

²⁹ *Батюшков П.Н.* Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. СПб., 1890. С. XV–XVI.

На этом основании А.Ф. Риттих мог с полной уверенностью утверждать: «Атлас по вероисповеданиям служит лучшим опровержением лживых понятий, распространяемых недоброжелателями России о народном составе нашего Западного края, который, несмотря на отпечаток, оставленный на нем иноверным и иноплеменным владычеством, составляет в религиозном, племенном и историческом отношениях неотъемлемую, органическую часть Русского государства»³⁰.

В том же 1863 г. российский этнограф Р.Ф. Эркерт издал на французском языке «Этнографический атлас областей, населенных сплошь или отчасти поляками». М.О. Коялович, выступая на общем собрании Российского географического общества, отметил научную и политическую значимость этого этнографического труда. «Я представляю себе при этом, — отмечал историк, — ту заграничную литературу и ту недавно тоже изданную там карту бывшего польского государства, по которой все пространство Западной России — все Польша и Польша... и думаю, что атлас г. Эркерта составляет самую жестокую и неотразимую критику всего этого. Теперь оказывается, и оказывается наглядно и популярно, что *польская* провинция от Немана и Буга до Двины и Днепра, даже за Двину и за Днепр — есть *русская* область, что целые миллионы *поляков* этой провинции сводятся на деле к миллиону с небольшим, что составляет *десятую долю* всего населения Западной России»³¹.

3. Почему Северо-Западный край стал колонией?

Процесс осмысления статистических данных, позволивших правительству и обществу впервые определить этнический и конфессиональный состав населения Западного края, отнюдь не исчерпывается несложной «арифметикой русификации», как это утверждает А.А. Комзолова. Обширные сведения, характе-

³⁰ Атлас народонаселения Западно-Русского края по исповеданиям, составлен при Министерстве внутренних дел, в канцелярии заведующего устройством православных церквей в Западных губерниях. 2-е изд., исправ. и доп. СПб., 1864.

³¹ Коялович М.О. Шаги к обретению России. Мн., 2011. С. 540.

ризирующие сложную этноконфессиональную ситуацию в регионе, не могут быть сведены к такому упрощающему суть проблемы определению, как «арифметика». И уж тем более количественные показатели обеих Атласов не имеют прямого отношения к содержательно невятному термину «русификация»³².

С точки зрения А.А. Комзоловой, собранные учеными сведения об этноконфессиональном составе населения Северо-Западного края были использованы правительством «прежде всего, в качестве орудия пропаганды, как одно из доказательств «исконно русской» принадлежности этого края»³³.

Однако, если знать историю составления Атласа А.Ф. Риттихом, становится ясно, что дело заключалось не только в «пропаганде». Сбор данных о конфессиональной принадлежности населения Западного края, предпринятый в конце 50-х гг. XIX в., преследовал цель определения точного числа православных прихожан и состояния церковных строений. Из собранных сведений следовало, что за исключением Ковенской губернии и некоторых местностей Виленской и Гродненской, господствующая в населении вера — православие³⁴. Выходит, что эти данные были необходимы для принятия ответственных решений в области храмового строительства.

Издание Атласов способствовало появлению «Памятной книжки Виленского генерал-губернаторства», в которой содержались сведения о количестве жителей в губерниях Северо-Западного края «по вероисповеданиям». В ней также содержались данные о числе и состоянии церквей, монастырей и молитвенных зданий всех конфессий, существовавших в регионе³⁵. В результате, правительство и администрация Северо-Запад-

³² Миллер А. Русификации: классифицировать и понять // *Ab imperio*. 2002. № 2.

³³ Комзолова А.А. Арифметика русификации [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://zapadrus.su/rusmir/istf/755-arifmetika-rusifikatsii.html> (дата обращения: 20.03.16).

³⁴ Батюшков П.Н. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. СПб., 1890. С. XVII.

³⁵ Памятная книжка Виленского генерал-губернаторства на 1868 год. / под ред. А.М. Сементовского. СПб., 1868.

ного края располагала необходимой информацией для проведения конфессиональной политики в отношении и Православной, и Римско-католической церковью после подавления польского восстания.

Вместе с тем, события 1863 года позволили использовать информацию этнографического характера для осуществления важных внешнеполитических акций. Министром внутренних дел П.А. Валуевым Атлас, составленный А.Ф. Риттихом, был представлен на «высочайшее воззрение Государя-императора». Затем, по словам П.Н. Батюшкова, он был передан государственному канцлеру, князю А.М. Горчакову «до опубликования еще им знаменитых нот по польскому вопросу»³⁶. Таким образом, была создана фактическая основа для переосмысления сложившихся стереотипов о польской идентичности края, характерных, прежде всего, для *самой* политической элиты.

Нельзя не отметить то влияние, которое оказали данные Атласов на формирование русского национального самосознания, как в центре, так и самом Западном крае. В сущности, работы русских этнографов положили начало системному изучению истории края, его культур, религий, народных традиций и обычаев. Это касалось, прежде всего, русско-православной части населения, составлявшей подавляющее большинство жителей региона. Следовательно, мы являемся свидетелями того, как сугубо количественные показатели вероисповедного и этнического состава Западного края оказали влияние не только на качественные перемены в области правительственной политики, но и на развитие научных знаний о процессах формирования этничности и культуры местного населения.

Статистические данные, приведенные в Атласах, имели, вместе с тем, еще одно качественное измерение. Сведения об этноконфессиональной принадлежности населения литовско-белорусских губерний можно рассматривать как характеристики тех отношений, которые сложились между польско-католической элитой и русско-православным населением после присоединения этого региона к Российской империи. Эти отношения

³⁶ Батюшков П.Н. Белоруссия и Литва. С. XVII.

определяют существование такого регионального явления, как «внутренний» колониализм. Понимания феномена «внутренней колонизации» основывается на методологическом подходе, который предлагает А. Эткинд.

Различия между доминирующим польским меньшинством и крестьянским православным большинством носили сословный, конфессиональный, культурный и отчасти этнический характер. Определяющим моментом для такого вывода служит не отношение к средствам производства, конституирующее классы в индустриальном обществе, а отношение к знакам различий, конституирующим власть. Колониальная ситуация базируется на культурной дистанции между теми, кто обладает властью, и теми, кто подвергается эксплуатации. Нет культурной дистанции — нет колониальной эксплуатации. Эта дистанция маркируется разными средствами: расовыми, этническими, лингвистическими, религиозными, юридическими — одним словом, культурными³⁷.

Существование культурной дистанции между господствующей польско-католической элитой и эксплуатируемым русско-православным большинством позволяет охарактеризовать Северо-Западный край как регион, имевший признаки *внутрироссийской польской колонии*. Это был особый тип колониального господства, воссозданный самим российским государством, при котором польско-католическая элита, не обладая политической властью, получила легальную возможность экономически эксплуатировать русское (белорусы и малороссы) православное большинство и держать «господствующее» православие на западных окраинах империи в «униженном» положении.

Вот как, например, осмысливалась колониальная специфика крепостнической эксплуатации западнорусского крестьянства автором статьи, помещенной в газете «Северная почта»: «Крестьяне этого края, сравнительно с крестьянами ве-

³⁷ Эткинд А. Русская литература, XIX век: Роман внутренней колонизации / Александр Эткинд // Новое литературное обозрение. 2003. № 59. С. 108-112.

ликороссийских и малороссийских губерний, остались и до последнего времени в исключительном положении.

Крепостное право не могло не казаться им тяжелее, нежели в других частях России, так как оно вышло из насильственного покорения их чужеземцами, и так как над ними удержалась личная власть владельцев, чуждых им по племени, по языку и большей частью по религии, владельцев, которых прежде безграничное самоуправство неизгладимо сохранилось в преданиях отцов их и в их собственной памяти»³⁸.

Указанные представления о колониальном характере отношений, которые сложились в Северо-Западном крае, разделяли не только публицисты и историки патриотического и западно-русского направления³⁹. Подобные взгляды были характерны и для представителей российской администрации. Среди них следует назвать виленских генерал-губернаторов М.Н. Муравьева, К.П. фон Кауфмана, попечителя Виленского учебного округа И.П. Корнилова, губернаторов П.Н. Шелгунова, В.Н. Верекина и др.

Эти администраторы, глубоко и основательно занимавшиеся обустройством крестьянского быта и образованием сельского населения, так описывали признаки колониальной эксплуатации, которой подвергалось русское крестьянство Северо-Западного края. «Повсеместное угнетение», «гнет и унижение» со стороны «панов и помещиков», «польско-католическое иго, господствовавшее над русскими», «ополячение и окатоличение» сельского населения, которое «забито, уничтожено, приведено страшным и продолжительным угнетением здешних панов в самое уничижительное положение». Отмечали они также то презрительное высокомерие, с которым польское дворянство традиционно относилось к

³⁸ Северная почта. 1863. 19 марта.

³⁹ Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. Выпуск первый. / Сост. С.В. Шолкович. Вильна, 1885; Сборник статей разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. Выпуск второй. / Сост. С.В. Шолкович. Вильна, 1887; Вестник Юго-Западной и Западной России (1862-1864 гг.); Вестник Западной России. (1864-1871 гг.).

русским крестьянам, называя их «хлопами», а православие называли «хлопской верой». Как отмечал В. Ратч: «Если крестьяне были русские по вере, то пан смотрел на них как на схизматиков; а на крестьян вообще смотрел как на домашних животных, на *быдло*»⁴⁰.

Северо-Западный край относился к типу *реликтовых* внутренних колоний, прошедших долгую историческую эволюцию, прежде чем приобрести развитые формы к середине XIX в.

Начало колониальной эпохи следует отнести к моменту Кревской унии 1386 г. и Городельского привилея 1413 г. Специфика процесса становления колониальных отношений заключалась в том, что формирование необходимой для этого культурной дистанции началось с проникновения на территорию Великого княжества Литовского миссионерствующего духовенства Римско-католической церкви. По своему этническому характеру эта Церковь была польской. В Великом княжестве Литовском она получила статус Церкви господствующей, так как великий князь стал католическим государем. Православная церковь, как Церковь подавляющего большинства западнорусского населения, оказалась в положении веротерпимой. Образование Речи Посполитой усилило процесс проникновения польского католичества на территорию Великого княжества Литовского. Начавшийся процесс окатоличения западнорусской элиты с неизбежностью приводил её к усвоению высокой польской культуры, которая отделяла магнатов и шляхту от культуры западнорусской, которая оставалась достоянием низших социальных слоев населения⁴¹.

⁴⁰ РГИА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 3. Л. 2, 11, 22; Ф. 908. Оп. 1. Д. 171. Л. 3 об, 13; Ф. 970. Оп. 1. Д. 211. Л. 11 об; ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1866. Д. 46. Л. 56, 60 об, 67; Всеподданнейший отчет графа М.Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем (с 1 мая 1863 г. по 17 апреля 1865 г.) // Русская старина. 1902. № 6. С. 497; И.П. Корнилов. Русское дело в Северо-Западном крае: материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в Муравьевскую эпоху. Изд. 2-е, проверен. и доп. (посмертное). СПб., 1908. С. 280-281; Ратч В. Сведения о польском мятеже 1863 года в Северо-Западной России. Т. 1. Вильна, 1867. С. 125.

Постепенный переход большей части православного населения в унию, придав формировавшейся на протяжении XVII – первой трети XIX в. культурной дистанции определенную специфику, усилив, в целом, социокультурные различия между ополяченной местной элитой и эксплуатируемым крепостным крестьянством. Вхождение западнорусских земель в состав Российской империи и упразднение Брестской унии на Полоцком соборе 1839 г. усложнило процессы этнокультурной и конфессиональной маркировки колониальной эксплуатации крепостного населения. С одной стороны, воссоединение полутора миллионов униатов с Русской православной церковью еще резче разделило польско-католическую, помещичье-шляхетскую элиту и крепостное, теперь уже православное, западнорусское крестьянство. С другой, появление новых институтов политического и конфессионального господства, а затем и польское восстание 1830-1831 гг. инициировали процессы административной, правовой и культурной интеграции Северо-Западного края в состав Российской империи. Реакцией на действия российского правительства стало усиление протестных настроений среди местной колониальной элиты.

Сложилась ситуация, когда, по словам А. Эткинды, произошло совпадение амплуа *угнетателя и притесняемого*. Многослойный характер противоречий и совпадений являлся отличительной особенностью этой внутривосточной польской колонии. Например, часть доминировавшей в крае польско-

⁴¹ Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский. История Русской церкви. Кн. 6. М. 1996. С. 147-275, 400-579; Карташев А.В. Очерки по истории Русской церкви Т. 1. М. 1997. С. 531-676; Карташев А.В. Т. 2. С. 267-310; Смолич И.К. История Русской церкви. 1700-1917. Часть 2. М., 1997. С. 284-344; Киприанович Г.Я. Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве. Мн. 2006; Чистович И. Очерк истории Западно-Русской Церкви. Часть первая. СПб., 1882. Батюшков П.Н. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. СПб., 1890; Шавельский Г. прот. Последнее воссоединение с Православной церковью униатов Белорусской епархии (1833-1839 гг.). СПб., 1910.

католической элиты не примирилась с утратой государственной независимости и воспринимала российскую монархию как политического врага, а своё положение оценивала в категориях национального и религиозного угнетения⁴².

Это представление и послужило мотивом для участия ее радикально настроенных представителей в восстании 1863 г., направленном на восстановление политической независимости Речи Посполитой в границах 1772 г. Общей целью руководителей и участников восстания было отторжение Литвы, Белоруссии и губерний Юго-Западного края от Российской империи и утверждения на этой территории власти возрожденного польского государства⁴³.

«Отвоевать Западную Русь — вот что составляло с самого начала главную, существенную задачу всего польского движения. Точка опоры была Варшава, но цель — Вильна и Киев»⁴⁴. По сути, речь шла о реализации польского имперского проекта, призванного восстановить колониальное господство метрополии — Царства Польского над своими «домашними»⁴⁵ колониями — Северо-Западным и Юго-Западным краем.

⁴² *Миловидов А.И.* Заслуги графа Муравьёва для Православной церкви в Северо-Западном крае / А.И. Миловидов. Харьков, 1900. С. 2-4.

⁴³ Польский патриотизм не отказывается от своих притязаний: он считает Польшей все те истинно русские области, где в прежнее время, огнём и мечём и католической пропагандой распространялось польское владычество. См: *М.Н. Катков*. 1863 год. Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся в Московских ведомостях, Русском вестнике и Современной летописи. Выпуск первый. М., 1887. — С. 28; Манифест Центрального национального комитета от 22 января 1863 года [Электронный ресурс] // Союз русских Литвы. Режим доступа: <http://sojuzrus.lt/rarog/proza/493-vosstanie-1863-goda-vospominaniya-grafam-muraveva.html> (дата обращения: 20.03.16).

⁴⁴ *Гильфердинг А.Ф.* В чем искать разрешение польскому вопросу / Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. Вып. первый / сост. и изд. С. Шолкович. Вильна, 1885. С. 31.

⁴⁵ *Hechter H.* Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development. London: Routledge, 1975.

4. «Терпимый» католицизм и отношения колониального господства

Определяющим фактором, который влиял на формирование культурной дистанции, определявшей в свою очередь, содержание и специфику колониального господства польской элиты, являлось католичество латинского обряда. Конфессиональная маркировка существовавших в крае колониальных отношений, нашедшая свое символическое выражение в многочисленных костелах, часовнях и крестах на перекрестках дорог, была неразрывно связана с представлениями о польской идентичности края.

Православие, численно преобладавшее в Гродненской, Витебской, Минской и Могилевской губерниях, по ряду причин не могло достойно соперничать с католичеством ни в социальном, ни в религиозно-символическом смысле. В отношениях с Римско-католической церковью православие оказалось в положении «обороняющейся стороны». Исторически возникшая ещё во времена унии, проблема латино-польской экспансии была весьма болезненной для православного духовенства. Ксендзы, ощущая мощную экономическую поддержку доминировавших в крае польских помещиков, развернули активное костельное строительство, продолжавшееся до начала 1860-х гг. Только с 1854 по 1863 г. в Северо-Западном крае было построено 399 новых костелов даже там, «где кроме ксендза и пана не было католического населения»⁴⁶.

Исходя из мотивов религиозно-охранительного характера, православная иерархия и духовенство в нарастающей силе и влиянии польского католицизма усматривали серьезную угрозу для интересов «господствующей Церкви» и «русской народности» края, состоявшей из белорусов и малороссов⁴⁷.

⁴⁶ *Брянцев П.Д.* Польский мятеж 1863 г. Вильна, 1892. — С. 145; Правда, А.И. Миловидов называет другую цифру. По его подсчетам с 1856 по 1862 гг. были построены около 200 молитвенных католических домов. См: *Миловидов А.И.* Церковно-строительное дело в Северо-Западном крае при графе М.Н. Муравьеве // Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1913. № 1. С. 10.

⁴⁷ *Белов Ю.С.* Правительственная политика по отношению к неправославным вероисповеданиям России в 1905-1907 гг.: дис. ... на соискание ученой степени канд. ист. наук. СПб., 1999. С. 236.

Ревностным защитником интересов православия и «русской народности» в Северо-Западном крае выступал в этот период митрополит Литовский Иосиф Семашко⁴⁸. Его настойчивость в противодействии католической экспансии среди православного населения не встретила понимания у генерал-губернатора В.И. Назимова, который старался избегать всякого повода «раздражать» римско-католическое духовенство⁴⁹.

Следует напомнить, что православное духовенство хранило память об исторических обидах, которые нанесли им католики — латиняне и униаты во времена существования Речи Посполитой. В этот период местное православие лишилось многих храмов, монастырей, пережило дискриминацию, унижения и гонения, которым подвергались духовенство и миряне со стороны униатов и воинствующего польского католичества⁵⁰.

«Трудно изобразить — писал архиепископ Филарет (Гумилевский) о положении православия в Польше уже в первой половине XVIII столетия, — все жестокости, какие позволяли себе делать против православия. Не оставалось позорного имени, которым не клеймили бы публично православных. Теперь веру их называли уже не только «холопской верой», но верой арианской, собачьей. Украина и Белоруссия назывались *partes infidelium* — «странами неверных»; туда оправлялись толпы базилиан и доминиканцев, в виде миссионеров, а им на помощь спешил меч и инквизиция. Православных священников привязывали к столбам, били плетью, сажали в тюрьмы, морили

⁴⁸ *Иосиф (Семашко) митр.* Записки. СПб., 1883. Т. 2. С. 194-196; 642-648.

⁴⁹ *Киприанович Г.Я.* Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западно-русских униатов с Православной церковью в 1839 году. Вильна, 1893. С. 273-275.

⁵⁰ *Беднов В.А.* Православная церковь в Польше и Литве (по *Volumina Legum*). Минск, 2002. С. 306-311; Извеков Н.Д. Исторический очерк состояния Православной церкви в Литовской епархии с 1839-1889 гг. М., 1889. С. 286; Литовские епархиальные ведомости. 1863. № 12. С. 442; Национальный исторический архив Беларуси (далее — НИАБ). Ф.136. Оп.1. Д. 31261. Л. 4; Ф.136. Оп.1. Д. 30932. Л. 18 -20, 77; Ф. 136. Оп. 1. Д. 31411. Л. 1; Ф.136. Оп.1. Д. 31448. Л.1-2.

голодом, травили собаками, рубили им саблями пальцы, ломали руки и ноги; кто и затем оставался еще в живых, но не хотел унии, тех выгоняли из домов, и приюта изгнанным и семействам их не смело давать сострадание. <...> На монастыри днем делали нападения, грабили или жгли их, монахов терзали чем могли, часто убивая до смерти. ... Деревенских обывателей и мещан мучили бесчеловечными пытками, чтобы сделать униатами или римлянами. <...> Жиды арендаторы несказанно мучили народ, грабили утварь церковную, священников предавали суду и казни. Сами архипастыри Могилева чего не вытерпели?»⁵¹

Старые обиды подогревались новыми, которые появились уже в период пребывания края в составе Российской империи. Римско-католическая церковь, будучи в правовом отношении только «терпимой», наряду с крестьянством, включала в свой состав практически всю социально-экономическую и культурную элиту — польских помещиков, шляхту, чиновничество и интеллигенцию. Парадоксальность межконфессиональных отношений в Северо-Западном крае заключалась в том, что поляки-помещики, принадлежавшие к «терпимой» Римско-католической церкви, владели (до 1861 г.) крепостными крестьянами белорусами и малороссами, которые принадлежали к Православной церкви, имевшей правовой статус «первенствующей и господствующей» в империи. В сложившейся системе крепостнических отношений материальное положение православных священников и состояние православных храмов зависели от расположения местной колониальной элиты — польских помещиков и шляхты, что не могло не сказываться на социальной самооценке духовенства.

Высокомерное и пренебрежительное отношение к православию со стороны ксендзов и их дворянской паствы было продиктовано не только их сословным, материальным и культурным превосходством, но и экклезиологией Римско-католической церкви. С точки зрения католического вероучения, пра-

⁵¹ Цит. по: Красножен М. Иноверцы на Руси. Т. 1. Положение неправославных христиан в России. Юрьев. 1900. С. 79-80.

вославные воспринимались как «схизматики», то есть раскольники, отпавшие от единой истинной и спасительной Римско-католической церкви⁵². Таким образом, особый комплекс колониального «шляхетско-панского» превосходства над туземным православным населением и его верой получал высшую религиозную санкцию.

Поэтому местные католики, составляя религиозное меньшинство среди христианского населения края, уверенно позиционировали себя не только в качестве представителей социально престижной, «польской» или «панской веры», но и веры единоспасительной и истинной. Достаточно напомнить, что по символическому учению католичества единственно истинная, руководимая Духом Святым, и непогрешимая Церковь, вне которой нет благодатного освящения, и никто не может достигнуть вечного спасения, и вне которой нет и быть не может истинного исповедания веры Христовой, есть *Ecclesia Romana*. В Римском катихизисе утверждалось, что «все другие общества, которые несправедливо присваивают себе имя церкви, — поелику они руководятся *духом диавола*, — необходимо пребывают в самых погибельных заблуждениях веры и нравственности»⁵³.

В Северо-Западном крае исключительная экклезиология институализированного католичества тесно переплеталась с иррационализмом народной веры и польским этническим характером Римской церкви. На практике это приводило к таким явлениям как фанатизм и религиозная нетерпимость в отношении к иноверцам и, прежде всего, к православным.

В общественно-религиозной иерархии региона местные православные наоборот, обладали низким социокультурным стату-

⁵² Юдин А. Исторические этапы взаимных отношений церквей Востока и Запада // Введение к книге: Православие и католичество: от конфронтации к диалогу. Хрестоматия. М., 2001. С. 76; Литовские епархиальные ведомости. 1863. №12. С. 425-432; НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 31740. Л. 4.

⁵³ Миловидов А.И. Заслуги графа М. Н. Муравьева для Православной церкви в Северо-Западном крае. Харьков, 1900. С. 20; РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 44. Л. 204-205.

сом, несмотря на то, что численно доминировали, и в правовом отношении «господствовали». Православие было Церковью крестьян, принадлежавших к «русской народности». Таков был исторически сложившийся социальный и этнический состав его паствы, как традиционно православной, так и воссоединенной из упраздненной в 1839 г. Греко-католической церкви⁵⁴.

Поэтому православие в Северо-Западном крае, несмотря на то, что к нему принадлежали представители высшей российской администрации, воспринималось католическим духовенством и населением как «хлопская», «мужицкая» или «русская» вера⁵⁵.

Бытовавшие в народе представления об идентичности связывали воедино конфессиональную принадлежность и этническое происхождение. Определяющую роль в процессе бытовой идентификации играл конфессиональный фактор. Поэтому для обыденного сознания была характерна идентификация «православный, значит русский», что служило еще одним свидетельством того низкого статуса, в котором находилась православная «русская народность» Северо-Западного края.

В похожем положении находилось и православное сельское духовенство. Православные священники, экономически зависимые от польских помещиков, в социальной иерархии местного общества стояли гораздо ниже ксендзов, принадлежавших к польской колониальной элите⁵⁶. Как отмечал позже митрополит Евлогий (Георгиевский), русских в крае представляли, по местному выражению, «хлоп да поп»⁵⁷.

⁵⁴ *Шавельский Г. прот.* Последнее воссоединение с Православной церковью униатов Белорусской епархии. СПб., 1910. С. 378.

⁵⁵ Сборник статей, разъясняющий польское дело по отношению к Западной России. Вып. 2. Сост. и изд. С. Шолкович. Вильна, 1887. С. 278; Литовские епархиальные ведомости. 1864. № 16. С. 572; *Комзолова А.А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. С. 34.

⁵⁶ Литовские епархиальные ведомости. 1863. № 13. С. 475; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1898. Д. 101. Л. Г. Л. 37.

⁵⁷ *Евлогий (Георгиевский) митр.* Путь моей жизни: Воспоминания. М., 1994. С. 133.

Фактором, усиливавшим суггестивное воздействие местного католичества, являлись его эстетико-культурные и символические преимущества. Торжество колониальной эстетики польского католичества наиболее зримо проявлялось в храмовом строительстве и католическом культе. Римско-католическая церковь располагала богато украшенными каменными костелами, эффективно воздействуя на души своей паствы умелой проповедью, органной музыкой и пышными религиозными процессиями. На этом великолепном фоне сельские православные церкви, деревянные и убогие, с эстетически скромным богослужением являли собой резкий контраст с католическими костелами⁵⁸.

Состояние православных церквей в дореформенный период ярко характеризуют сведения, доставленные из Западного края в Синод и МВД. Оказалось, что «свыше 3000 церквей из находящихся в помещичьих имениях, принадлежащих большей частью полякам, были в столь неудовлетворительном состоянии, что многие из них грозили разрушением и были потому запечатаны, а остальные по своему безобразию, убожеству и ветхости, требовали безотлагательной помощи»⁵⁹.

В силу указанных обстоятельств, «господствующая» в правовом отношении и доминировавшая численно Православная церковь, и русское (белорусы и малороссы) крестьянство, составлявшее абсолютное большинство населения края (за исключением Ковенской губернии, населенной литовцами) в этноконфессиональных и социокультурных механизмах формирования идентичности края играли второстепенную роль.

Нельзя не отметить и другие факторы, влиявшие на функционирование конфессиональных механизмов идентификации края. Если Российское государство признавало легальный ста-

⁵⁸ Миловидов А.И. Церковно-строительное дело в Северо-Западном крае при графе М.Н. Муравьеве // Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1913. № 1. С. 11; НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 31347. Л.1; Ф. 136. Оп. 1. Д. 30932. Л. 19 об.

⁵⁹ Батюшков П.Н. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. СПб., 1890. С. 363.

тус «терпимой» Римско-католической церкви, то для православного духовенства присутствие католичества на территории Белоруссии не являлось конфессионально легитимным.

Духовенство видело в католицизме лишь «латинскую схизму», которая приобрела свою местную белорусскую паству в результате массового «сращения» православных во времена Речи Посполитой и переходов униатов в латинство в XVIII — начале XIX вв.⁶⁰

Католичество, утвердившееся в крае, воспринималось духовенством и как этнически чуждая сила, пришедшая из Польши с целью полонизации русского (белорусы и малороссы) униатского и католического населения⁶¹.

Основанием для утверждения о полонизаторских целях регионального католичества служила богослужебная практика костела и польское самосознание его клира. В католических парафиях Северо-Западного края из этнических белорусов и малороссов состояла, в основном, паства из низших сословий, в основном это были крестьяне. В тоже время дополнительное богослужение в костелах проводилось на польском языке, который все прихожане, не только элита — помещики и шляхта, но и «низы» — крестьяне и мещане, должны были знать. В результате, духовенство Римско-католической церкви становилось субъектом полонизации русского католического населения, а региональный костел становился источником формирования представлений о польской идентичности края и его католического населения⁶². Под влиянием костела в среде белорусской и малорусской паствы постепенно сформировалось представление: «католик, значит поляк»⁶³.

⁶⁰ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 31261. Л. 4; Ф. 136. Оп. 1. Д. 31448. Л. 2.

⁶¹ Литовские епархиальные ведомости. 1864. № 16. С. 579-580; № 23. С. 876-877.

⁶² Бендин А.Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863-1914 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2013. С. 218-222.

⁶³ Сталюнас Д. Границы в пограничье: белорусы и этнолингвистическая политика Российской империи на западных границах в период великих реформ // *Ab imperio*. 2003. № 1. С. 279.

Став религиозным символом колониального господства польской элиты, католический костел выступал одновременно и в амплу угнетенной стороны. Очередное совпадение, характерное для колониальной ситуации в Северо-Западном крае, стало результатом политико-правовых перемен, произошедших на этой территории после присоединения ее к России. В бывшей Речи Посполитой Римско-католическая церковь обладала статусом господствующей, а Православная церковь, как Церковь «схизматическая», была едва терпимой, претерпевала гонения и унижения⁶⁴.

С присоединением земель Великого княжества Литовского к Российской империи правовое положение обеих Церквей кардинальным образом изменилось. Теперь Православная церковь получила статус «господствующей», в то время как Римско-католическая церковь была поставлена в положение «терпимой»⁶⁵.

Польская католическая иерархия не могла примириться со своим новым правовым статусом «терпимого» исповедания, отведенного ей российским законодательством⁶⁶. Об этом свидетельствуют ее заявления, направленные правительству в 1861 г., об «угнетении совести», которые якобы претерпевают католики Польши⁶⁷.

Революционные манифестации, происходившие в Варшаве в феврале 1861 г., придали декларируемому фактору религиозного «угнетения» характер реального политического протеста. Во время беспорядков агрессивное поведение демонстрантов вынудило войска стрелять в толпу. В результате, пять участников демонстрации было убито⁶⁸. Кроме того, кто-то пу-

⁶⁴ *Мальшевский И.И.* Западная Русь в борьбе за свою веру и народность. СПб., 1894; *Смолич И.К.* История Русской церкви. 1700-1917. Часть вторая. М., 1997. С. 288-290.

⁶⁵ *Смолич И.К.* История Русской церкви. С. 297.

⁶⁶ Уставы духовных дел иностранных исповеданий // Свод законов Российской империи. Т. 11. Ч. 1. СПб., 1857. Ст. 11-133.

⁶⁷ Сборник материалов по вопросам о смешанных браках и о вероисповедании детей от этих браков. СПб., 1906. С. 510.

⁶⁸ *Айрапетов О.Р.* Царство Польское в политике Империи в 1863-1864 гг. // Русский сборник: исследования по истории России. / ред-сост. О.Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М.А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. Т. XV. Польское восстание 1863 года. М., 2013. С. 15.

стил слух, что во время столкновения войск с толпой казаки изломали крест, который несли в процессии. В действительности, как отмечал А.В. Белецкий, такого факта не было; но эти крики: «у нас ломают кресты, над святыней ругаются», произвели громадное впечатление на толпу: она освирепела, и в войска полетели камни. О поломанном кресте вскоре заговорили во всем Царстве Польском; о нем стали слагать легенды. Поломанный крест сделался мистической эмблемой Польши⁶⁹.

Это был сильный пропагандистский прием, позволивший придать начавшейся национальной борьбе за независимость статус священный войны. Для части фанатически настроенного католического духовенства и мирян мотив защиты поруганной католической веры стал мощным стимулом для участия в борьбе против власти «схизматиков» и «москалей». Среди католического населения стали распространяться подпольные агитки «о *неистовствах* москалей в Варшаве, краеугольным камнем были подробности о *сломанном* кресте, той знаменитой ксендзовской стратагеме, ложь которой изобразилась гравюрой и сотней тысяч экземпляров увековечила всю мерзость изобретательной уловки»⁷⁰.

По воспоминаниям А.Н. Мосолова: «После первых варшавских беспорядков по всей Жмуди разнесся слух, что Москва хочет уничтожить веру католическую, что в Варшаве русские сломали крест на кафедральном костеле. Во всей Жмуди поднялись вопли и стоны. ... На костелах появились огромные плакаты, изображавшие распятие, переломленное пополам; вокруг огромными буквами описывались зверские действия москалей в Варшаве с католиками и с их святыней»⁷¹.

Религиозный фанатизм, разжигаемый с помощью приемов лживой пропаганды, и радикальный национализм стали идей-

⁶⁹ Белецкий А.В. Сборник документов музея графа М.Н. Муравьева. Вильна, 1906. С. LVIII.

⁷⁰ Ратч В.Ф. Сведения о польском мятеже 1863 года в Северо-Западной России. Т.1. Вильна, 1867. С. 124.

⁷¹ Мосолов А.Н. Виленские очерки 1863-1865 гг. (Муравьевское время). СПб., 1898. С. 108.

но-психологическими основой для пропаганды вооруженного восстания, сторонниками которого были так называемые «красные». Привнесение в политическую борьбу религиозной мотивации, служило мощным мобилизующим фактором не только для разжигания антиправительственных выступлений, но и способствовало их ожесточению, которое проявлялось затем в формах революционного террора⁷².

В Северо-Западном крае процесс вовлечения католического духовенства в борьбу за восстановление польской государственности в границах 1772 г. имел в качестве своей начальной стадии ряд политических акций, совершенных в костелах Вильно в знак солидарности с событиями в Царстве Польском. Однако виленский генерал-губернатор В.И. Назимов, несмотря на участие ксендзов в антиправительственных манифестациях, предпринял попытку учесть «интересы и потребности римско-католического духовенства».

В.И. Назимов, зная о силе духовной власти католического клира над своей паствой, очевидно полагал, что в интересах государства не стоит «озлоблять» ксендзов, иначе они могут «возбудить народ против правительства». По его мнению, одной из причин антиправительственных выступлений в костелах Вильно являлись ограничительные законы о веротерпимости, *оскорбительные* для римско-католического духовенства. В частности, речь шла о действовавшем запрете на строительство католических церквей без разрешения православной иерархии, что указывало — по мнению Назимова — на «прямое подчинение одного вероисповедания другому».

По ходатайству генерал-губернатора 2 января 1862 г. был принят закон, разрешавший католикам строить новые костелы без санкции православных архиереев⁷³. Однако уступки, сделанные В.И. Назимовым, не принесли ожидаемых результатов. Часть радикально настроенного католического духовенства не желала примириться с частичными уступками со

⁷² *Брянцев П.Д.* Польский мятеж 1863 г. Вильна. 1892. С. 66-83.

⁷³ *Белецкий А.В.* Сборник документов музея графа М.Н. Муравьева. Вильна, 1906. С. LVI.

стороны правительства. Эти духовные лица уже не довольствовались смягчением законодательства о веротерпимости, они начали преследовать политические цели, превращая храмы в места антиправительственных выступлений. В костелах пелись патриотические польские гимны, произносили проповеди, призванные разжечь недовольство российским правительством и укрепить национальную солидарность польского меньшинства Северо-Западного края с поляками Царства Польского.

Выступления в костелах, проведение крестных ходов в память об унии между Польшей и Литвой и постановка памятных крестов, должны были продемонстрировать правительству единство национальных и политических интересов всех католиков бывшей Речи Посполитой. События 1861 г. показали серьезные мобилизационные возможности костела в деле организации оппозиционных выступлений, когда часть римско-католического духовенства оказалась вовлеченной в политическую борьбу⁷⁴.

В условиях начавшегося противостояния часть католического духовенства поддержала планы польского дворянства по созданию объединенной автономии Царства Польского и Западного края. Тем самым костел становился одним из важных инструментов организации польской ирреденты. Сила костела в Северо-Западном крае заключалась в способности его духовенства объединить католиков различных сословий и этнических групп (поляков, белорусов, малороссов, литовцев и латышей) во имя реализации польских национальных интересов. Таким образом, планы сохранения польского колониального господства в форме автономии могли опираться на широкую социальную опору из католического населения, не принадлежавшего к этническим полякам или ополяченной шляхте.

⁷⁴ Белецкий А.В. Сборник документов музея графа М.Н. Муравьева. Вильна, 1906. С. LVI. Маевский И. Гродненская процессия 14 августа 1861 года // Русская старина. 1891. № 5. С. 489-497; НИАБ. Ф. 295. Оп.1. Д. 1497. Л. 26, 34.

5. Граф М. Н. Муравьев. Почему нужны реформы?

После отмены крепостного права в 1861 г. и начавшихся политических волнений вопрос о том, кто будет определять идентичность Северо-Западного края, польская дворянская элита, поддерживаемая католическим клиром, или православно-русские социальные низы, начал приобретать для правительства и его противников все большую актуальность. Нарастающее стремление польского дворянства добиться отторжения территории Северо-Западного края от России, «ибо это земля польская, а не русская»⁷⁵, вывело решение этого вопроса на уровень вооруженного противоборства, которое начала партия «красных» польских революционеров.

В январе 1863 г. в Царстве Польском вспыхнуло вооруженное восстание, затем боевые действия распространились и на губернии Северо-Западного края. Хотя при генерал-губернаторе Назимове были разбиты значительные силы повстанцев, его административные мероприятия, направленные на подавление восстания, оказывались малоэффективными и не удовлетворяли Петербург⁷⁶.

Назначение генерал-губернатором Северо-Западного края М.Н. Муравьева, состоявшееся 1 мая 1863 г., ознаменовало решительную смену курса правительства в этом важном для империи регионе. Позиция, занятая М.Н. Муравьевым по вопросу об идентичности края и его будущем, резко расходилась с настроениями и взглядами, которые были характерны для большинства высших правительственных чиновников.

Вот как писал об этом сам М.Н. Муравьев: «Я неоднократно имел свидания и разговоры об устройстве края с разными правительственными лицами; мне сильно сочувствовали, но, к сожалению, большинство высших лиц увлекалось колониз-

⁷⁵ Айрапетов О.Р. Царство Польское в политике Империи в 1863-1864 гг. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://zapadrus.su/bibli/istfbid/-1863-1864-/26-2012-10-16-16-11-50.html> (дата обращения: 20.03.16).

⁷⁶ Комзолова А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. Москва, 2005. С. 36.

мом и идеями сближения со взглядами европейских держав на наш Западный край. Они не знали ни истории края, ни настоящего его положения, а еще того менее не знали ни польского характера, ни всегдашних враждебных тенденций его к России. Они не могли понять мысли об окончательном слиянии того края с Россией, они считали его польским (?), ставя ни во что все русское, господствующее там числом население»⁷⁷.

Свою управленческую деятельность в крае Виленский генерал-губернатор начал с организации эффективной системы мер по борьбе с вооруженными выступлениями польской шляхты и повстанческим террором, направленным на устрашение мирных жителей, верных российской монархии⁷⁸. Вооруженная борьба, которую вели повстанческие отряды, преследовала цель восстановления польского господства над Северо-Западным краем.

В Манифесте подпольного Временного провинциального правительства Литвы и Белоруссии, изданного в Вильно 1 февраля 1863 г. говорилось, что «польское правительство передает помещичьим и государственным крестьянам навечно без выкупа и платежей землю, которой они до сих пор владели, а все законы русского правительства отменяет, ибо это земля польская, а не русская. Крестьяне обязаны за это, подобно шляхте, защищать польский край, гражданами которого с сего дня они являются»⁷⁹.

В ответ новый начальник края своими продуманными и решительными мерами в короткий срок окончательно подавил вооруженные выступления польской шляхты и приступил к политике системного обрусения края. Социально-экономические и культурные реформы, начатые им, ставили своей целью изменить сложившееся не в пользу России соотношение сил между

⁷⁷ *Муравьев М.Н.* Записки о мятеже в Западной России // Русская старина. 1883. № 1. С. 135

⁷⁸ *Цылов Н.* Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева по усмирению польского мятежа в северо-западных губерниях. 1863-1864. Вильна, 1866. С. 105-106.

⁷⁹ Восстание в Литве и Белоруссии 1863-1864 гг. Москва, 1965. С. 3-4.

польско-католической элитой края и крестьянским православным большинством, между католичеством и православием⁸⁰.

Речь шла о кардинальных волевых решениях, призванных внести принципиальные перемены в содержание и функционирование краевых идентификационных механизмов — социальных, конфессиональных, этнических и культурно-образовательных. Как подчеркивал известный славяновед А.Ф. Гильфердинг: «Подавление вооружённого восстания есть только, и самое лёгкое, начало дела, дело будет, собственно, впереди, дело возвращения русской народности в Западной Руси того значения, которое ей принадлежит по праву. Дело это потребует постоянного участия всего русского общества в дружном содействии правительству. Оно потребует не столько действий *против* польского элемента, сколько действий в *пользу* русского народа»⁸¹.

Для начала виленский генерал-губернатор обложил 10% сбором доходы всех польских помещиков Северо-Западного края. Тех же помещиков, которых подозревали в сочувствии к повстанцам, обложили усиленным 20% сбором. Помещикам русского и остзейского происхождения процент сбора был уменьшен. В городах однопроцентным сбором были обложены все домовладельцы дворяне польского происхождения. Было дано распоряжение о взыскании десятипроцентного сбора с доходов, получаемых от имений и домов, принадлежащих римско-католическим монастырям, костелам и духовенству». По указанию М.Н. Муравьева были обложены временным сбором шляхетские околицы и однодворческие общества, оказывавшим содействие повстанцам⁸².

Таким образом, генерал-губернатор получил ресурсы, необходимые ему для эффективного управления обширным ре-

⁸⁰ Муравьев М. Н. Записка о некоторых вопросах по устройству Северо-Западного края // Русский архив. 1885. № 6. С. 186-187.

⁸¹ Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. Вып. первый / сост. и изд. С. Шолкович. Вильна, 1885. С. 34–35.

⁸² НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 31366. Л. 29-31, 82; Ф. 1430. Оп. 1. Д. 31382. Л. 1-2, 61; Ф. 295. Оп. 1. Д. 1517 6. Л. 5-6.

гионом. Одновременно разрушалась финансовая поддержка повстанческих отрядов со стороны сочувствовавшим им польских дворян, ксендзов и шляхты. Экономически наказываемая колониальную элиту края, М.Н. Муравьев использовал поступающие от нее сборы на покрытие финансовых расходов правительства по содержанию войск, для проведения реформ, создания эффективного управленческого аппарата и помощи жертвам повстанческого террора.

Затем М.Н. Муравьев разработал и реализовал комплекс мер, который можно определить, как программу социально-экономической, культурной и этнической модернизации белорусского крестьянства. Реформы, проведенные в интересах крестьянского большинства, придали процессам модернизации края системный характер. В категориях своего времени эти реформы были представлены как политика «обрусения края». Этнический маркер этой политики недвусмысленно указывал на ее социальные и конфессиональные приоритеты, получившие идейное обоснование⁸³.

Сам М.Н. Муравьев характеризовал содержание своих реформ следующим образом: «Русскому правительству следовало бы соорудить в Вильне памятник с надписью «Польскому мятежу — благодарная Россия». Важнейшим, труднейшим и первостепенным делом в Северо-Западном крае является не укрощение мною польского, в сущности, бессильного мятежа, но восстановление в древнем искони русском Западном и Литовском крае его коренных, исторических, русских начал и бесспорного, преобладающего первенства над чуждыми Россией, пришлыми элементами»⁸⁴.

Содержание «системы» управления и реформирования Северо-Западного края, созданной М.Н. Муравьевым, свидетельствовало о том, что имперская политика на этой территории радикально изменила свои приоритеты. Прежние политико-

⁸³ *Миловидов А.И.* Заслуги графа Муравьева для Православной церкви в Северо-Западном крае. Харьков, 1900. С. 2-4.

⁸⁴ *Жиркевич А.В.* Сонное царство великих начинаний (к столетнему юбилею дня рождения Ивана Петровича Корнилова). Вильна. 1911. С. 8-9.

стратегические задачи сохранения российского господства, реализация которых допускала компромиссы с польскими землевладельцами и Римско-католической церковью на основе сословной солидарности и принципов имперской веротерпимости, приобретали теперь новое социально-этническое и конфессиональное измерение. Выбор, сделанный в пользу защиты интересов западнорусского крестьянства и Православной церкви, определил новый вектор политики России в отношении её западных окраин — ускорение процессов интеграции с центральными губерниями на основе формирования русской идентичности Северо-Западного края⁸⁵.

Новый политический курс основывался на признании этнической однородности всех русских (белорусов, малороссов и великороссов), которые населяли Российскую империю. Реализация этого курса должна была служить практическим подтверждением решения Западного комитета 1864 г. о том, что «Северо-Западный край является русским, составляющим древнее достояние России»⁸⁶.

Принципиальная новизна политических решений М.Н. Муравьева заключалась в том, что *впервые* в Российской империи было сформулировано идейное обоснование для активного проведения системных региональных реформ. Они не только ускорили процесс социально-экономического и правового освобождения крестьян, начатый в 1861 г., но и позволили внести принципиальные изменения в положение сословий, этнических групп и конфессий Северо-Западного края.

Реформы М.Н. Муравьева, соответствовавшие критериям модернизации (образование, социально-экономическая и административно-правовая эмансипация) представляли собой политическую *форму* идеологии формирующегося русского нацио-

⁸⁵ Политические записки графа М. Н. Муравьева // Русский архив. 1886. № 6. С. 186-199; Граф М.Н. Муравьев. Глава III. Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нём польского мятежа 1863-1864 гг. // Русская старина. 1883. № 1. С. 134-139; Всеподданнейший отчёт графа М. Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем // Русская старина. 1902. № 6. С. 487-510.

⁸⁶ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1864. Д. 2096. Л. 3.

нализма, в качестве идеологов которого выступали М.Н. Катков и А.Ф. Гильфердинг, И.С. Аксаков. В качестве идейной мотивации для проведения реформ в пользу русского населения края эти публицисты и ученые указывали на общерусскую этническую солидарность, конкретным проявлением которой должно было стать восстановление исторической справедливости по отношению к угнетенному белорусскому народу.

Газета «День», издаваемая И.С. Аксаковым так писала об этом национальном долге образованной России: «Мы виноваты перед вами; простите нас... Мы, русское общество, как будто забыли о существовании Белоруссии; мы долгое время не знали о той глухой, неизвестной борьбе, которую вели белорусы за свою народность и веру со своими могущественными, сильными, хитрыми и богатыми, со всех сторон окружающими их врагами — польщицкой и латинством»⁸⁷.

Идеи общерусской солидарности, предлагаемые российской общественностью генерал-губернатору Муравьеву, по своему содержанию выходили за рамки усвоенного бюрократией донационального сословно-династического имперского патриотизма⁸⁸.

Новая политическая практика, порожденная чрезвычайными обстоятельствами, вызвала необходимость модернизации идейных основ той политики, которую традиционно проводило правительство в западных регионах Российской империи. Представления о приоритетных интересах русского народа и его Православной церкви в специфических условиях Северо-Западного края показали свою способность к распространению и воздействию на политические решения администрации. Поэтому меры, принятые М.Н. Муравьевым с целью «утвердить благосостояние сельского населения», имели ярко выраженную целевую идеологическую мотивацию. Это позволило придать им точную этническую и конфессиональную направ-

⁸⁷ *Грыгор'ева В.В., Завальнюк У.М., Навіцкі У.І., Філатава А.М.* Канфесіі на Беларусі (канец XVIII-XX ст.). Мінск, 1998. С. 61.

⁸⁸ *Каспэ С.И.* Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. Москва, 2001. С.151.

ленность, сформулированную в категориях «восстановления и упрочения русской народности и православия»⁸⁹.

Начало процесса деколонизации края М.Н. Муравьев усматривал в достижении полной экономической независимости крестьян от польских помещиков-землевладельцев на условиях более выгодных, нежели у крестьян центральной России, увеличении земельных наделов, повышении интенсивности труда и развитии крестьянского самоуправления⁹⁰.

Речь шла об «окончательном утверждении крестьянской собственности и водворении на прочном основании «начало русской народности и православия... потому что, все дело наиболее заключается в сельском населении, которое в душе русское, но было загнано и забито»⁹¹.

Таким образом, важнейшая социальная группа населения, занимавшая низшее место в правовой, экономической и социокультурной иерархии края стала приоритетным объектом этнически ориентированной политики модернизации. В то же время часть польского дворянства, высшего сословия, претендовавшего на монополию в общественной жизни региона, было подвергнуто политическим репрессиям, экономическим санкциям и культурным ограничениям. Тем самым были созданы необходимые социально-правовые и экономические условия для начала постепенного преодоления негативных коннотаций, связанных с этнонимом «русский», который в сознании польской элиты и местного общества фактически трансформировался в соционим. Еще более важным было частичное разрушение экономических институтов, на которых базировалась польская колониальная эксплуатация западнорусского крестьянства.

Концептуальный поворот, совершенный М.Н. Муравьевым в политике региональной модернизации, внес принципиальные

⁸⁹ Всеподданнейший отчет графа М.Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем (с 1 мая 1863 г. по 17 апреля 1865 г.) // Русская старина. 1902. № 6. С.495-497.

⁹⁰ Миловидов А. К 50-летию освобождения крестьян Северо-Западного края. Вильна, 1911.

⁹¹ Всеподданнейший отчет графа М. Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем // Русская старина. 1902. № 6. С. 497.

изменения в исторически сложившееся соотношение сил между двумя главными социально-этническими группами, влиявшими на процессы определения идентичности Северо-Западного края. Глубокие социально-экономические преобразования, сделанные российской администрацией в пользу местного крестьянства, способствовали позитивным переменам в восприятии этнонима «русский». В результате — свободное, экономически независимое от польских помещиков русское (белорусы и малороссы) крестьянство постепенно начинает играть определяющую роль в общественных и государственных представлениях об идентичности региона.

Начатый М.Н. Муравьевым процесс глубинных преобразований социально-экономического положения крестьянства имел в Северо-Западном крае свои уникальные, отличительные черты. Их своеобразие проявлялось в том, что региональный процесс *модернизации края* после восстания 1863 г. начал осуществляться в форме системного *обрусения*, а *деколонизация края* проводилась в форме ограниченной *реконкисты*, призванной сократить влияние польского дворянства и Римско-католической церкви на крестьянское население края.

Свою непосредственную задачу генерал-губернатор видел в том, чтобы с помощью специальных мер и связанных между собой реформ остановить, а затем обратить вспять польско-католическую экспансию и вызванные ею процессы усиления польской идентичности Северо-Западного края. Системно структурированные социально-экономические и культурно-образовательные реформы, предпринятые им в защиту «православия и русской народности», должны были предотвратить всякие попытки польского национального движения считать край польским, и на этом основании воссоединить его с этнической Польшей⁹².

⁹² Всеподданнейший отчет графа М.Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем (с 1 мая 1863 г. по 17 апреля 1865 г.) // Русская старина. 1902. № 6. С. 490-452; Политические записки графа М.Н. Муравьева // Русский архив. — 1886. № 6. С. 187-199; Граф М.Н. Муравьев. Глава III. Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нём польского мятежа 1864-1865 гг. // Русская стари-

6. Что нужно было сделать, чтобы уменьшить культурные различия?

Вызов польского дворянства был не только политическим, но и социально-экономическим, идеологическим и культурно-психологическим, иными словами — экспансионистским. Мобилизующий эффект этого вызова усиливался тем, что польское национальное движение выступало под католическими знаменами, угрожая не только целостности Российской империи, но и существованию православия в Литве и Белоруссии. Память об унии, упразднённой в 1839 г., питала надежды местных польских сепаратистов заполучить поддержку воссоединённого с православием крестьянства⁹³. Поэтому ответные действия М.Н. Муравьева, осуществляемые в форме чрезвычайной интеграции Северо-Западного края в состав Российской империи, были вполне адекватными угрозе, исходившей для российского государства со стороны местных польских повстанцев.

При этом основная ставка делалась на возвращение православию его исторически главенствующего положения в этом регионе и формирование русского самосознания православных белорусов, которые считались главной социальной опорой империи на её западных окраинах. М.Н. Муравьев в категориях своей эпохи впервые заявил о необходимости формирования русского этнического самосознания в белорусской крестьянс-

на. 1883. №1. С. 134-139; *Миловидов А.И.* Заслуги графа М.Н. Муравьева для Православной Церкви в Северо-Западном крае. Вильна, 1900. С.1-3; *Миловидов А.И.* Участие молодёжи Северо-Западного края в мятеже 1863 г., и вызванная им реформа местных учебных заведений (по архивным материалам). Вильна, 1904. С.13-27; *Миловидов А.И.* К 50-летию освобождения крестьян Северо-Западного края. Вильна, 1911. С. 45-49; *Корнилов И.П.* Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в Муравьевскую эпоху. 2-е изд., проверен. и доп. (посмертное). Вып. первый. СПб., 1908. С. 82-86; ЛГИА. Ф. 378. Оп.1864. Д. 2096. Л.1-5; Ф. 378. Оп.1866. Д.46. Л.11, 18, 33, 50, 56, 60, 72.

⁹³ *Грыгор'ева В.В., Завальнюк У.М., Навіцкі У.І., Філатава А.М.* Канфесіі на Беларусі (канец XVIII-XX ст.). Мінск, 1998. С. 60.

кой среде как актуальной политической задаче российского правительства⁹⁴.

В этот период белорусы рассматривались как «русская народность», которая в силу различных исторических, политических и конфессиональных причин переживала кризис самоидентификации, вызванный частичной утратой этнического самосознания. В понимании М.Н. Муравьева, «восстановление и упрочение русской народности» означало организацию эффективной системы народного просвещения, способной дать населению осознание своей традиционной русской идентичности, имевшей особую историю и этнокультурные особенности. Достижение этой цели становилось возможным при условии преодоления глубокого культурного и образовательного неравенства, которое существовало между польской дворянской элитой и русским крестьянским большинством.

Одним из важных условий, необходимых для сокращения культурных различий, придававших отношениям местной дворянско-шляхетской элиты и крестьянства черты колониальной эксплуатации, стали правительственные меры по ограничению доминирующего положения польской дворянской культуры с её высокоразвитым литературным языком. Для этого народное образование (светское и церковное) строилось на основе изучения русского и церковнославянского языков. Русский в качестве языка обучения и преподавания не вытеснял белорусского наречия, но служил средством социальной мобильности белорусов как язык общеимперской и общерусской

⁹⁴ По утверждению М.Н. Муравьева: «По окончании вооруженного восстания, ... оставалось приступить к восстановлению и упрочению русской народности и православия в крае, в котором они были подавлены многие десятки лет и совершенно забыты, ибо и сами русские, жившие в тех губерниях, не считали себя русскими, а край тот считали принадлежностью Польши». См.: Всеподданнейший отчет графа М.Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем (с 1 мая 1863 г. по 17 апреля 1865 г.) // Русская старина. 1902. № 6. С. 494-495; Бендин А. Ю. Граф М.Н. Муравьев-Виленский и национальное пробуждение белорусского народа в 60-е гг. XIX в. / Исторический поиск Беларуси. Альманах. Минск, 2006. С. 53-77.

коммуникации, то есть, выступал инструментом этнической и социальной модернизации белорусского населения.

Данное обстоятельство являлось особенно важным, так как белорусская крестьянская культура была устной. Образовательные реформы М.Н. Муравьева вводили эту устную традицию в пространство общерусской письменной традиции. В тоже время церковнославянский язык стал изучаться как богослужебный язык Русской Православной церкви, который был необходим для понимания церковных служб⁹⁵.

Правительство разрешило издавать литературу на белорусском наречии, но использовать при этом кириллицу, а не латиницу, чтобы не допустить «полонизации» белорусского наречия и отрыва его от общерусского литературного языка и русской культуры. В условиях, когда на территории Северо-Западного края противостояли друг другу два главных проекта этнокультурного строительства — русский и польский, конкурентоспособным и социально престижным по отношению к польскому языку мог быть только русский. Он изучался и распространялся не только как государственный, но и как социально престижный язык высокой дворянской культуры⁹⁶.

Реформы в области народного просвещения должны были стать убедительным ответом не только на вызовы внутренних противников России, но и практической реакцией на внешнеполитическое давление и привычные обвинения России в культурной отсталости. Один из сотрудников М.Н. Муравьева писал в связи с этим: «Все иностранные газеты были наполнены возгласами и сожалениями о поляках, мужественно гибнущих

⁹⁵ *Корнилов И.П.* Общие замечания к отчёту о состоянии народных училищ Виленского учебного округа за 1864 г. Вильна, 1865. С. 51-57.

⁹⁶ Сборник статей, разъясняющих польское дело в Северо-Западном крае. Выпуск второй / сост. С. Шолкович. Вильна, 1887. С. 447; *Сталюнас Д.* Границы в пограничье: белорусы и этнолингвистическая политика Российской империи на западных границах в период великих реформ // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 261-292; *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). — Т. 1. — СПб., 1999. — С. 40-41; *Каптелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000. С. 177.

за отечество; нас называли варварами и монголами и предлагали нам убраться подальше на Восток, где наше истинное призвание, и уступить место польской цивилизации»⁹⁷.

В своем неоспоримо культурном, европейском превосходстве над русскими были уверены и сами восставшие поляки. Польский Центральный комитет в «Манифесте 22 января 1863 г.» демагогически призывал «убогий и насилуемый народ московский» на «страшный погибельный бой, последний бой европейской цивилизации с диким варварством Азии»⁹⁸.

Вооруженная попытка реализации польского имперского проекта соединить митрополию — Царство Польское и «домашние» колонии — Северо-Западный и Юго-Западный край под властью возрожденного польского государства, имела негативные последствия для судеб польского языка и польской культуры. Политический радикализм польской шляхты и части католического духовенства поставили перед Муравьевым вопрос о политической опасности, вытекающей из процессов полонизации непольских этнических групп Северо-Западного края и распространения польской культуры. Кроме того, практика уступок в области образования и культуры, сделанных полякам накануне восстания, показала ему свою политическую неэффективность⁹⁹.

Одна из главных политических целей, которую ставил перед собой М.Н. Муравьев, формулировалась как решительная борьба с «польской пропагандой». В этой связи польский язык оценивался как инструмент этнокультурной ассимиляции населения и развития в крае «чуждого» ему, и политически опасного для России, «польского элемента». Вопрос о судьбах

⁹⁷ Мосолов А.Н. Виленские очерки 1863-1865 гг. (Муравьевское время). СПб., 1898. С. 8.

⁹⁸ Манифест Центрального национального комитета от 22 января 1863 года [Электронный ресурс] // Союз русских Литвы. Режим доступа: <http://sojuzrus.lt/rarog/proza/493-vosstanie-1863-goda-vospominaniya-grafa-mnmuraveva.html> (дата обращения: 20.03.16).

⁹⁹ Миловидов А.И. Участие молодежи Северо-Западного края в мятеже 1863 г и вызванная им реформа местных учебных заведений (по архивным материалам). Вильна, 1904. С.7-23.

польского языка оказался тесно связанным с принципиальным поворотом в региональной имперской политике, который осуществил М.Н. Муравьев.

В своей «Записке 14 мая 1864 г.», виленский генерал-губернатор призвал правительство: «сознать прежние ошибки в управлении Северо-Западным краем, признать его окончательно русским, составляющим древнее достояние России, постановив неперменным правилом, чтобы в крае отнюдь не было допускаемо ни малейших признаков польской пропаганды и, приняв деятельные меры к подавлению пришлого польского элемента и к окончательному восстановлению русской народности, отнюдь не дозволяя уклоняться от принятой в сем отношении системы»¹⁰⁰.

Новый политический курс предусматривал принятия дискриминационных мер в отношении польского языка, культурно доминировавшего в крае. Циркуляр, изданный М.Н. Муравьевым 21 марта 1864 г. запрещал его употребление во всех публичных местах, государственных и общественных учреждениях, на улицах, гостиницах, буфетах, кондитерских, магазинах и тому подобных заведениях и в частных случаях, за исключением разговоров в домашнем и семейном быту¹⁰¹.

Польский язык стал объектом жестких ограничительных мер, вызванных реакцией правительства на политическую враждебность части польского населения, которая выразилась, прежде всего, в вооруженном антиправительственном восстании. При этом учитывался и опыт польской «пропаганды», состоявшей, по словам А.Н. Мосолова: «в неуважении всякой русской власти, в презрении к русскому языку, к литературе и науке, в подавлении среди крестьянского населения всех коренных его русских начал, и в неперменном ополчении масс»¹⁰².

¹⁰⁰ *Муравьев М.Н.* Политические записки графа М.Н. Муравьева // Русский архив. 1885. № 6. С. 186-187.

¹⁰¹ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 46935. Л. 4.

¹⁰² *Мосолов А.Н.* Виленские очерки 1863-1865 гг. (Муравьевское время). СПб., 1898. С. 104.

7. Почему понадобилось образование «в духе православия и русской народности»?

Радикальные перемены в области культурно-языковой политики, связанные с практикой пресечения «латино-польской пропаганды» и дискриминацией польского языка, осуществлялись одновременно с перестройкой учебного процесса в государственных школах, проводимой «в духе православия и русской народности»¹⁰³.

В этот период важную роль в формировании культуры и этнического самосознания белорусов начали играть учреждения Виленского учебного округа, деятельность которого охватывала Ковенскую, Виленскую, Гродненскую, Витебскую, Минскую и Могилевскую губернии Северо-Западного края. В период восстания 1863 г. многие католические ученики гимназий, прогимназий, местных дворянских и приходских школ Виленского учебного округа присоединились к отрядам польских мятежников. В ответ на это, по распоряжению М.Н. Муравьева, некоторые, по его мнению, «вредные» учебные заведения были закрыты. Необходимость упразднения в крае ряда гимназий и прогимназий определялась тем, что они «потворствуют шляхетству к выходу в чиновники и дворянство»¹⁰⁴.

С точки зрения М.Н. Муравьева, политический вызов польской шляхты и католического духовенства, брошенный единству Российской империи, во многом стал возможен потому, что представители этих привилегированных сословий использовали административные, корпоративные и образовательные структуры государства для своей социальной и национальной мобилизации. Действительно, до 1861 г. политически неояльная польская колониальная элита являлась *главным объектом частичной модернизации*, осуществляемой российским правительством в этом регионе империи. По словам попечителя Виленского учебного округа И.П. Корнилова: «В гим-

¹⁰³ *Муравьев М.Н.* Записка о некоторых вопросах по устройству Северо-Западного края // Русский архив. 1885. № 6. С. 186-187.

¹⁰⁴ *Комзолова А.А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. С. 109.

назиях, прогимназиях, уездных и приходских училищах перевес учащихся был на стороне детей римско-католического исповедания»¹⁰⁵.

Но к середине 60-х гг. по инициативе М.Н. Муравьева и попечителя Виленского учебного округа И.П. Корнилова вся система народного образования в крае была коренным образом перестроена. В области народного просвещения проект М.Н. Муравьева предусматривал ряд мер по устройству системы церковноприходских школ в сельской местности, обучение в которых должно было осуществляться представителями православного духовенства. Для крестьянства и мещан была создана широкая сеть народных училищ, руководимых губернскими дирекциями. Для подготовки православных учителей были открыты первые учительские семинарии¹⁰⁶.

Были предусмотрены также меры по идеологической и кадровой реорганизации гимназий, прогимназий и трехклассных училищ, дававших среднее образование представителям политически нелояльной шляхты и ранее воспитывавших их в традициях польского сепаратизма¹⁰⁷. Вносились изменения в процесс подготовки учителей разных уровней с целью усвоения ими русской культуры. Особое внимание обращалось на преподавание русской истории, и в частности, истории Западной России, как в начальных, так и средних учебных заведениях. В результате, среди гимназической молодежи начало расти число православных учащихся¹⁰⁸.

¹⁰⁵ *Корнилов И.П.* Общие замечания к отчету о состоянии Виленского учебного округа за 1864 год. Вильна, 1865. С. 5; *Миловидов А.И.* Участие молодежи Северо-Западного края в мятеже 1863 года и вызванная им реформа местных учебных заведений (по архивным материалам). Вильна. 1904.

¹⁰⁶ *Становский И.* К 50-летию Виленской дирекции народных училищ и начальных школ в губернии. Вильна. 1914. С. 3-11.

¹⁰⁷ *Корнилов И.П.* Общие замечания к отчету о состоянии Виленского учебного округа за 1864 год. С. 6-7, 18-20.

¹⁰⁸ *Муравьев М.Н.* Глава III. Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем польского мятежа 1864-1865 гг. // Русская старина. 1883. № 1. С. 134-139; *Миловидов А.И.* Заслуги графа

Русский язык в качестве языка преподавания стал господствующим на всех ступенях школьного обучения, а польский был полностью устранён из школы, даже как предмет изучения. Более того, с этого времени обязательным языком преподавания ксендзами-законоучителями католического Закона Божьего стал русский¹⁰⁹.

Первые итоги перемен, произошедших в этническом самосознании крестьянства под влиянием новых политических и лингвистических реалий, подвёл И.П. Корнилов: «Русская пропаганда, действующая через школы, церкви, администрацию, делает своё дело; она возбуждает в массах ясное сознание и убеждение, что здешний край — исконно русский, что здесь колыбель русского государства и Православия, что если губернии около Москвы называются Великой Россией, то здешние губернии имеют полное право называться первоначальной древнею Россией. <...> Поэтому все меры, клонящиеся к восстановлению древнего Православия, к восстановлению в народе сознания о его русском происхождении и коренном Православии, конечно, сильнее, прочнее и действительнее всяких мер, полицейских и военных... Белорус мало-помалу перестаёт быть быдлом, работающим безответно на пана и жида. Русский язык и русская вера перестают называться холопскими; русского языка не стыдятся как прежде, а польским не щеголяют. Русское образование сильнее русского штыка»¹¹⁰.

М.Н. Муравьева для Православной церкви в Северо-Западном крае. Вильна, 1900. С. 1-3; *Миловидов А.И.* Участие молодежи Северо-Западного края в мятеже 1863 г и вызванная им реформа местных учебных заведений (по архивным материалам). Вильна, 1904. С. 13-27; *Корнилов И.П.* Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в Муравьевскую эпоху. 2-е изд., проверен. и доп. (посмертное). Вып. 1. СПб., 1908. С. 82-86.

¹⁰⁹ Свод Законов Российской империи. Т. 11, ч. 1. СПб., 1893. Ст. 3549.

¹¹⁰ *Корнилов И.П.* Русское дело в Северо-Западном крае: Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в Муравьевскую эпоху. 2-е изд. Выпуск первый. СПб., 1908. С. 218-219, 280-281.

Таким образом, благодаря усилиям российской администрации и деятелей Виленского учебного округа, осознание своей принадлежности к «русской народности» впервые за долгий исторический срок становилось для православных белорусов положительной самооценкой.

Осуществляя политику системного обрусения края, администрация М.Н. Муравьева выстроила систему ответов на польско-католические вызовы в экономике, религиозно-этнической и социокультурной областях. Опираясь на местные исторические традиции, администрация с помощью системы образования, Русской православной церкви и других социальных институтов, способствовала формированию русского самосознания православных белорусов как оппозицию идентичности польской.

И.П. Корнилов отмечал: «Русский элемент не есть здесь нечто чуждое, водворяемое силой извне, он здесь свой, родной, и каждая мера правительства, направленная к восстановлению его законных исторических прав потому-то и принимается в крае сочувственно и сопровождается быстрыми успехами, что она пробуждает к жизни начало родное, всем близкое, кровное; край возвращается ныне к своему русскому источнику, к своей естественной исторической форме; система же нынешнего управления (созданная М.Н. Муравьевым. — Прим. авт.) есть не что иное, как освобождение русского народа от долговременного и тяжёлого латино-польского гнёта»¹¹¹.

Этот процесс, инициированный правительственной политикой культурной и этнической модернизации, потребовал создания системы государственных и церковно-приходских школ, православных братств, светских и церковных печатных изданий и, наконец, культурно-просветительской работы интеллигенции и местного православного духовенства¹¹².

¹¹¹ Корнилов И.П. Общие замечания к отчёту о состоянии Виленского учебного округа за 1864 год. Вильна, 1865. С. 4.

¹¹² Киприанович Г.Я. Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве. Минск, 2006. С. 323-333.

Реформирование системы народного просвещения позволило создать новые образовательные институты, действие которых способствовало сокращению культурной дистанции между польской элитой и крестьянским большинством. Местная польская шляхта начала получать начальное и среднее образование в преобразованных государственных школах, что позволяло ей усваивать основы иноэтничной, русской культуры. Дети крестьян и мещан получали начальное образование во вновь образованных народных училищах или церковноприходских школах, в которых знакомство с основами русской культуры происходило на этнически родственном белорусам русском языке. Таким образом, русская культура, изучаемая теперь в государственных и церковных школах различных уровней детьми всех сословий и этнических групп, проживавших в Северо-Западном крае, становилась инструментом интеграции местного общества.

Преобразования, осуществленные в сфере народного просвещения и региональной науки, привели к появлению новой социальной группы, вошедшей в историю края как *западно-русская интеллигенция*. Начался процесс преодоления польской монополии, которая утвердилась ранее в интеллектуальной и культурной жизни края. «Все важнейшие орудия культуры, язык, пресса, книга, школа, искусство были тогда в руках польской партии, стремившейся показать всему свету, что этот край есть литовско-польский, неразрывно связанный с Польшей единством культуры, достигшей в нем зрелости и превосходящей культуру русскую»¹¹³.

¹¹³ Миловидов А.И. Краткий исторический очерк Виленской публичной библиотеки. (По поводу 35-летия ее существования)». Вильна, 1903. — С. 4; «Что такое Западный край? — писал один из руководителей восстания З. Сераковский — Высший и средний класс в нем представляют поляки или, говоря точнее, литовцы и русины, принявшие добровольно польский язык, польские стремления, одним словом, польскую цивилизацию. Все, что думает об общественных делах, все, что читает и пишет в Западном крае — все это совершенно польское». Цит по: Айрапетов О.Р. Царство Польское в политике Империи в 1863-1864 гг. [Электронный ресурс] // Западная Русь. Режим доступа: <http://zapadrus.su/bibli/istfbid/-1863-1864-/26-2012-10-16-16-11-50.html> (дата обращения: 20.03.16).

Новая западнорусская интеллигенция, работавшая в системе народного просвещения, в духовных училищах и региональных научных учреждениях, стала той интеллектуальной силой, которая впервые составила реальную конкуренцию интеллигенции польской. В итоге, в Северо-Западном крае появились новые институты и новый субъект деколонизации общественных отношений, созданные усилиями виленского генерал-губернатора и его соратников — светских и духовных.

Начавшийся процесс формирования новой интеллектуальной элиты края стал одним из результатов тех глубоких общественных перемен, которые позднее получили образное определение «западнорусское возрождение шестидесятых годов»¹¹⁴.

С точки зрения А.И. Миловидова, начало этих перемен относится ко времени воссоединения униатов с Православной церковью, которое «действительно составляет эпоху в истории Западной России, так как с него началось возрождение западнорусское, закрепленное впоследствии государственной деятельностью графа М.Н. Муравьева»¹¹⁵.

С точки зрения политической практики курс на «западнорусское возрождение» означал защиту социально-экономических интересов белорусского крестьянства; укрепление религиозных, социальных и культурных позиций православия; уменьшение влияния Католической церкви и развитие народного просвещения. Этнокультурный аспект «западнорусского возрождения» заключался в теоретической разработке представлений о белорусах как о самобытной «русской народности», которая имела общие этнические черты с великороссами и малороссами, но обладала своими характерными особенностями в ментальности, языке и культуре. Тем самым русская идентичность края получила историческое, этнографическое и идейное обоснование в трудах и деятельности новой интеллектуальной элиты края.

Ею были созданы основополагающие труды по истории Белоруссии и Литвы, истории Православной церкви, краеведению

¹¹⁴ *Миловидов А.И.* Заслуги графа М.Н. Муравьева. С. 1.

¹¹⁵ Из бумаг архиепископа Минского Антония Зубко. Минск, 1900. С. 1.

и этнографии, которые сформировали глубокие научные, общественные и церковные традиции западнорусского течения общественной и научной мысли. Среди наиболее известных представителей западнорусской интеллигенции, светской и духовной, следует назвать Е. Романова, И. Носовича, Е. Карского, М. Кояловича, П. Жуковича, протоиерея Иоанна Котовича, протоиерея Николая Диковского, А. Миловидова, Г. Киприановича, Е. Орловского, А. Сапунова, Л. Солоневича, А. Жиркевича, С. Шолковича, Ю. Крачковского и др.

Имя М. Н. Муравьева стало одним из важнейших идейно-политических символов формирующейся западнорусской идеологии. И это не удивительно. Достаточно напомнить, что граф Муравьев впервые предстал перед российским обществом в двух принципиально новых политических ипостасях, которые не соединялись прежде в личности руководителей внутренней имперской политики. Его твердая, идейно обоснованная защита интересов православия и русского населения от агрессивных польских притязаний, национального и социального угнетения, создавало представление о нем как русском национальном лидере Северо-Западного края¹¹⁶.

Это было уникальный политический деятель, оказавший необычайное воздействие на умы современников. Действия графа Муравьева получили массовую политическую поддержку и со стороны патриотически настроенной образованной России, и со стороны крестьянского и мещанского населения региона¹¹⁷. Они происходили на фоне невиданного ранее подъема

¹¹⁶ Сидоров А.А. Польское восстание 1863 года. Исторический очерк. СПб., 1903. С. 228; Виноградов А.А. Как создался в г. Вильне памятник графу М.Н. Муравьеву. Вильна, 1898. С. 3-60; Макаревский М. Граф Михаил Николаевич Муравьев, как церковно-общественный деятель в Северо-Западном крае. Вильна, 1898. С. 1-15; Миловидов А.И. Как создавался памятник графу М.Н. Муравьеву // Русская старина. 1898. Т. 96. С. 691-698; Турцевич А.О. Краткий очерк жизни и деятельности графа М.Н. Муравьева. Вильна, 1898. С. 1-64.

¹¹⁷ Миловидов А. К 50-летию освобождения крестьян Северо-Западного края. Вильна, 1911. С. 34-35; Миловидов А. Заслуги графа М.Н. Муравьева для Православной церкви в Северо-Западном крае. Харьков. 1900. С. 2.

русского национального самосознания, характерного для всех сословий российского общества. Из белорусско-литовских губерний на имя императора Александра II поступили десятки верноподданнических адресов. В них крестьянские и городские общества заявляли о том, что они русские, которые в трудную годину польского мятежа остаются верными монархии и России¹¹⁸.

Во второй своей ипостаси М.Н. Муравьев представал перед российским обществом как глубокий реформатор, самоотверженный защитник интересов монархии, патриот, сумевший мужественно отстоять территориальную целостность Российской империи. Его имя стало символом авторитета, силы и достоинства российской власти, ее способности вести ответственную социально-экономическую и этнокультурную политику в интересах русского большинства на западных окраинах империи¹¹⁹.

Вот как отзывался о Муравьеве один из участников событий полковник В.В. Комаров: «Русская власть в 1863 году в руках М.Н. Муравьева была только на высоте своей задачи, это была власть строгая, но глубоко справедливая, она не уронила себя жестокостью, она имела в виду одно благо, она дала жизнь, счастье и спокойствие миллионам русского народа и ни одну минуту не преступала границ самообороны»¹²⁰.

Сам М.Н. Муравьев прекрасно понимал, какая роль принадлежала ему в формировании новых идейных основ российской политики на западных окраинах империи. «По счастью, проявления сепаратизма совпали с пробуждением нашего национального сознания и что отныне, отчасти по его (М.Н.

¹¹⁸ Виленский вестник. 19 марта 1863 г.; 9 мая 1863 г.; 18 июня 1863 г.; 27 июня 1863 г.; 29 июня 1863 г.; 16 июля 1863 г.; 8 августа 1863 г.; 10 августа 1863 г.; 17 августа 1863 г.; Северная почта. 8 мая 1863 г.; 25 мая 1863 г.

¹¹⁹ Политические записки графа М.Н. Муравьева // Русский архив. 1886. № 6. С. 186-199.

¹²⁰ Цит. по: *Пороховицков А.* Подвиг Муравьева — настольная книга правителям и правительствам. СПб., 1898. С. 48.

Муравьева. — Прим. авт.) почину, это сознание никогда не ослабеет и сделается доминирующей нотой во всех проявлениях государственной жизни»¹²¹.

8. Русское самосознание и православие в фокусе муравьевской политики

Политика графа Муравьева была созвучна настроениям, преобладавшим в российском образованном обществе, и стимулировала пробуждение русского национального самосознания¹²².

Следует пояснить, что в этот период этноним «русские» в государственном, церковном и общественном понимании означал общее название всех трёх восточнославянских народов: великороссов, малороссов и белорусов. Между великороссами, малороссами и белорусами не было чётких этнических границ, существовали широкие диалектные и культурно-бытовые переходные зоны. Благодаря первенствующему значению православной идентификации этноним «русские» носил *инклюзивный* (расширительный) характер, не замыкаясь на узко этнической составляющей. Вероисповедание в пореформенный период являлось важнейшим культурным признаком, определявшим групповую идентичность. Конфессиональная принадлежность и этническая идентичность были тесно взаимосвязаны.

Поэтому понятия «русский и «православный» считались синонимами, несмотря на то, что православными были и представители нерусских этнических групп. В Российской Православная церковь, несмотря на официальное самоопределение, неизменно подчеркивала свой этнический характер, отмечая традиционно установившуюся связь между вероисповеданием

¹²¹ *Мосолов А.Н.* Виленские очерки 1863-1865 гг. (Муравьевское время). СПб., 1898. С. 243.

¹²² *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. 2-е изд., испр. СПб., 1999. Т. 1. С. 37.

и этничностью. «Русский человек остаётся русским пока держится Православия, но он становится поляком, татаринцом, немцем и т.д., как скоро принимает римско-католичество, магометанство, лютеранство и т.п.»¹²³

Воссоединение униатов с православием в 1839 г. привело к конфессиональному размежеванию этнически и культурно однородного белорусского крестьянства. Новые конфессиональные границы между православием и католичеством утверждались в Северо-Западном крае в качестве линии этнической демаркации между русским большинством и меньшинством, постепенно обретающим польскую идентичность. Проведение этих границ создавало для государства и двух противоборствующих христианских Церквей объективные критерии принадлежности подданных к разным этническим группам, так как в регионах со смешанным православно-католическим населением, этнические идентичности зависели в первую очередь от *конфессионального фактора*.

Как отмечает Д. Сталюнас: «В начале 60-х гг., чиновники МВД при обработке данных национальной статистики обнаружили, что “племенное происхождение” ... в низших сословиях затемнялось религиозным различием. Бытовало мнение, что и сами крестьяне так определяли свою национальную принадлежность. <...> Очень часто при определении национальной принадлежности крестьян главным критерием служила конфессия. Католики считались поляками (или, по крайней мере, «потенциальными поляками»), а православные — русскими («потенциально русскими»)¹²⁴.

Исторически существующая взаимосвязь между русской идентичностью и православием обусловила меры М.Н. Муравьева по изменению положения Православной церкви в Се-

¹²³ Всеподданнейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905-1907 гг. СПб., 1910. С.125.

¹²⁴ Сталюнас Д. Границы в пограничье: белорусы и этнолингвистическая политика Российской империи на западных границах в период великих реформ // Ab imperio. 2003. № 1. С. 279-280.

веро-Западном крае. Свою задачу генерал-губернатор выразил следующим образом: «Упрочить и возвысить русскую народность и православие так, чтобы не было и малейшего повода опасаться, что край может когда-либо сделаться польским. <...> Без содействия православного духовенства мы не можем надеяться на прочное водворение русской народности в том крае»¹²⁵.

Таким образом, усиление позиций православия рассматривалось в качестве необходимого условия утверждения русской идентичности Северо-Западного края. Исключая, разумеется, Ковенскую губернию, населенную литовцами. Для этого М.Н. Муравьевым были предприняты меры по улучшению материального положения православного духовенства, повышению его образовательного и социального статуса¹²⁶. На основе государственного и частного финансирования началась реализация широкомасштабной программы строительства и реконструкции храмов. Восстанавливались древние православные святыни, на всенародные пожертвования, собранные в центральной России, приобретались церковная утварь и богослужебные книги.

За короткий срок (с 1863 по 1865 гг.) было построено 98 церквей; отремонтировано — 126; перестроено из костельных зданий — 16; построены 63 часовни. Как отмечал исследователь М. Носко: «Построенные при М.Н. Муравьеве православные храмы не только украсили внешний вид белорусских городов и деревень, но, прежде всего дали белорусам возможность духовного возрождения и вместе с тем — национальной самоидентификации»¹²⁷.

Благодаря решениям Виленского генерал-губернатора, православие, как Церковь русских социальных низов, получила

¹²⁵ Политические записки графа М.Н. Муравьева // Русский архив. 1886. № 6. С. 186-187, 191.

¹²⁶ *Грыгор'ева В.В., Завальнюк У.М., Навіцкі У.І., Філатава А.М.* Канфесіі на Беларусі (канец XVIII-XX ст.). Мінск, 1998. С. 64.

¹²⁷ *Носко М.М.* Виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев и православное храмостроительство в Беларуси. / Исторический поиск Беларуси. Сост. А.Ю. Бендин. Минск, 2006. С. 200-201.

возможность вступить в соперничество с эстетически и социально доминирующим польским католичеством в местностях со смешанным православно-католическим населением. Выведенная из экономической зависимости от польских помещиков, Православная церковь в Литве и Белоруссии получила внушительную государственную и частную поддержку, что позволило ей качественно усилить свои религиозные и социальные позиции среди православного населения. Начаты М.Н. Муравьевым и его сподвижниками социальные и материальные преобразования церковной жизни в западных епархиях Православной церкви — Литовской, Полоцкой, Минской и Могилевской — определили развитие механизмов формирования русской идентичности края вплоть до начала XX столетия.

Решения, принятые в сфере церковной политики, придавали модернизационным реформам М.Н. Муравьева особый традиционалистский характер. Инициированные реформами процессы секуляризации общественной жизни уравновешивались мерами по поддержке традиционного православия и развитию различных форм церковного образования и просвещения.

9. Польское восстание как форма «священной войны»

Имперское бюрократическое наступление на социально-экономические и культурные позиции колониальной польско-католической элиты, предпринятые Виленским генерал-губернатором, осуществлялось в условиях военного положения, с помощью чрезвычайных методов управления. Это относилось, в первую очередь, к практике уголовных наказаний лиц, участвовавших в восстании, а также административных и экономических ограничений, наложенных на деятельность польских помещиков и ксендзов.

В Северо-Западном крае вооруженные выступления местных польских сепаратистов в 1863 г. проходило под знаменами католицизма. Часть радикально настроенных ксендзов использовала авторитет священного сана и духовную власть над

пастью для антиправительственной пропаганды и политической мобилизации повстанцев¹²⁸.

По словам М.Н. Муравьева: «Католическое духовенство никогда еще так дерзко и незаконно как ныне, не заявляло своих преступных действий: призыв к мятежу раздается с высоты костельных кафедр; речи, пропитанные духом ненависти и разрушения, оглашают своды католических святынь, и даже некоторые иступленные проповедники сами берутся за оружие, присоединяются к шайкам бунтовщиков и предводительствуют некоторыми из них. Высшее же духовенство, владея главным и вернейшим средством к умиротворению края — призывом, во имя Божие, к порядку и законному долгу, умышленно бездействует, потворствуя, таким образом, кровавым смутам и беспорядкам»¹²⁹.

Внесение религиозных мотивов в вооруженный гражданский конфликт привело к увеличению отрядов польских сепаратистов из числа местной шляхты и способствовало расширению масштабов восстания в Северо-Западном крае¹³⁰. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что выступления польских радикалов, именуемых «красными», поддерживали христианские священнослужители. Союз «красных» радикалов и католических ксендзов обеспечил процесс вовлечения в восстание некоторого количества крестьян, прежде всего в Ковенской губернии. Как отмечал В.Ф. Ратч, «костел свою хоруговь обратил в знамя бунта», «мятеж пустил более прочные корни там, где гуще стояли костелы»¹³¹.

¹²⁸ Восстание в Литве и Белоруссии 1863-1864. Москва, 1965. С. 95-101; *Зайцев В.М.* Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (опыт статистического анализа). М., 1973. С. 106, 114; Всеподанный отчет графа М.Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем (с 1 мая 1863 г. по 17 апреля 1865 г.) // *Русская старина*. 1902. № 6. С. 488, 491, 496; ЛГИА. Ф. 378. Оп.1866. Д. 46. Л. 12, 18, 33, 50, 72; Ф. 378. Оп.1864. Д. 2096. Л. 5.

¹²⁹ Виленский вестник. 27 июня 1863 г.

¹³⁰ Виленский вестник. 9 февраля 1863 г.; 12 февраля 1863; 25 мая 1863 г.; 1 июня 1863 г.; 11 июля 1863г.; 24 августа 1863 г.; День. 5 октября (№ 40) 1863 г. С. 19.

¹³¹ *Ратч В.Ф.* Сведения о польском мятеже 1863 года в Северо-Западной России. Т.1. Вильна, 1867. С. 215, 250-251.

События восстания свидетельствовали, что часть католического духовенства, опираясь на авторитет священного сана, использовала религиозную аргументацию в качестве идейного инструмента для призыва мирян к вооруженной борьбе с правительством. Такие призывы были рассчитаны на достижение мобилизационного эффекта. Участие в борьбе за освобождение Польши истолковывалось как святое и богоугодное дело, необходимое для защиты католической веры и католических святынь от поругания их «схизматиками» и «москалями»¹³².

Следовательно, речь шла о таких действиях по управлению паствой, которые явно выходили за рамки духовных обязанностей католического клира и служили целям сугубо светским, — максимальному вовлечению населения в восстание и придание антиправительственной борьбе сакрального статуса «священной войны»¹³³.

О религиозной мотивации польского восстания, которую привнесло в него радикально настроенное католическое духовенство, писали дореволюционные историки, публицисты и очевидцы событий. Они характеризовали его как «ксендзовско-шляхетский» или «национально-религиозный мятеж»¹³⁴. Анализ источников и сведения, собранные дореволюционны-

¹³² Байкова С.М. О движущих силах восстания 1863 г. С. 250; Ратч В.Ф. Сведения о польском мятеже в Северо-Западной России Т.1. Вильна, 1867. С. 129; Мосолов А.Н. Виленские очерки. С. 107-108; Ратч В.Ф. Сведения о польском мятеже. С. 123-124, 129, 212-213; Сборник распоряжений графа М.Н. Муравьева по усмирению польского мятежа в Северо-Западных губерниях / Сост. Н.И. Цылов. Вильна, 1866. С. II, 105; Сборник документов музея графа М.Н. Муравьева. / Сост. А.В. Белецкий. Т.1. Вильна, 1906. С. XLIII, LII-LV; Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863-1864 гг. в пределах Северо-Западного края / Сост. А.И. Миловидов. Ч. 1. Вильна, 1913. С. XXXIX-XL, XLVIII-XLIX.

¹³³ Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863-1864 гг. в пределах Северо-Западного края. / Сост. А.И. Миловидов. Ч. 2. Вильна, 1915. С. LVII, LXI.

¹³⁴ Мосолов А.Н. Виленские очерки. С. 145; Ратч В.Ф. Сведения о польском мятеже. С. 214; Тесля А.А. «Польский вопрос» в передовицах М.Н. Каткова в «Московских ведомостях» в 1863 г. // Ученые заметки

ми российскими исследователями, позволяют сделать вывод, что в вооруженном восстании наряду с политическими мотивами присутствовала и *религиозная составляющая*, выразителями которой была часть католического клира Северо-Западного края.

10. Что такое церковно-бюрократическая реконкиста?

Правительство не признавало участников польского восстания воюющей стороной. С государственной точки зрения это были мятежники, с оружием в руках выступившие против законного правительства. Поэтому ответной реакцией власти на вооруженный вызов местного католицизма стали меры чрезвычайного характера — судебные и административные репрессии против представителей мятежного католического клира, а также закрытие костелов и монастырей, клир и монашествующие, которых принимали участие в антироссийском восстании¹³⁵.

Помимо сугубо политических мотивов, которыми руководствовалась администрация края при конфискации церковных зданий, существовали мотивы правовые и религиозные, так как десятки костелов и каплиц были построены польскими помещиками незаконно, с откровенно прозелитическими целями¹³⁶.

ТОГУ. 2011. Т. 2. № 2. С. 92-93; Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. / Сост. С. Шолкович. Вып. 1. Вильна, 1885; Виленский сборник. / Сост. В.П. Кулин. Т.1. Вильна, 1869; *Русин*. Голос Русского. Ответ «ксендзу-русину» // Вестник Юго-Западной и Западной России. Т. IV. 1864. С. 28-29; *Лясковский А.И.* Литва и Белоруссия в восстании 1863 г. (по новым архивным материалам). Берлин. 1939. С. 80-81; *Белецкий А.В.* Римско-католические епархиальные семинарии: Виленская и Тельшевская. Вильна, 1887. С. 3-5.

¹³⁵ *Комзолова А.А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху великих реформ. Москва, 2005. С. 70-71, 94-95; *Лясковский А.И.* Литва и Белоруссия в восстании 1863 г. (по новым архивным материалам). Берлин. 1939. С.122.

¹³⁶ *Миловидов А.И.* Меры, принятые графом М.Н. Муравьевым к ограждению православного населения от латино-польской пропаганды в Северо-Западном крае. Вильна, 1900. — С. 15; *Муравьев М.Н.* Глава III. Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем польского мятежа 1863-1864 гг. // Русская старина. 1883. № 1.

Польское восстание 1863 г. только усилило религиозно-этническую и социальную неприязнь православного духовенства к католицизму, прибавив к ней и политические мотивы. По отзывам священников, ещё накануне восстания ксендзы стали открыто проповедовать ненависть к православным, заражая религиозной нетерпимостью свою паству¹³⁷. Пропаганда, разжигающая межконфессиональную рознь, оказалась результативной. Польские мятежники принесли многим православным священнослужителям унижения, страдания, беды, а некоторым и мученическую смерть¹³⁸.

После трагических событий 1863 г. у верноподданного православного духовенства появились весомые основания испытывать религиозную, этническую и политическую неприязнь к польскому католицизму. Поэтому духовенство поддержало меры М.Н. Муравьева, направленные на ограничение силы и влияния местного католицизма. Эта церковно-бюрократическая *реконкиста* стала составной частью политики системного обрусения Северо-Западного края, призванной интегрировать Северо-Западный край в состав Российской империи¹³⁹.

В административную реконкисту, начатую «сверху», включилась «снизу» социально и религиозно активная часть православного духовенства. Для него настало время предъявления счетов — исторических, религиозных, социальных, политичес-

С. 138-139; НИАБ. Ф. 136. Оп.1. Д. 31223. Л. 1-2; Ф.136. Оп.1. Д. 31248. Л. 1-2; Ф. 136. Оп. 1. Д. 31420. Л. 1.

¹³⁷ *Грыгор'ева В.В., Завальнюк У.М., Навіцкі У.І., Філатава А.М.* Канфесіі на Беларусі (канец XVIII-XX ст.). Мінск, 1998. С. 60; Литовские епархиальные ведомости. 1863. № 12. С. 425.

¹³⁸ *Извеков Н.Д.* Исторический очерк состояния Православной церкви в Литовской епархии за время с 1839-1889 гг. М., 1889. С. 286, 364; *Киприанович Г.Я.* Исторический очерк православия, католицизма и унии в Белоруссии и Литве. Минск, 2006. С. 270; Щеглов Г.Э. 1863-й. Забытые страницы. Минск, 2005. С. 11-44; Литовские епархиальные ведомости. 1863. № 10. С. 330-335; № 11. С. 372-383; № 12. С. 410-423; № 13. С. 457-463; № 14. С. 512-520; № 15. С. 567-575; № 17. С. 655-659.

¹³⁹ *Миловидов А.И.* Заслуги графа М.Н. Муравьева для Православной церкви в Северо-Западном крае. Харьков, 1900. С. 3, 13-14; ЛГИА. Ф. 378. Оп.1864. Д. 2096. Л. 3-8.

ких, этнических и личных для решительного и максимального вытеснения польского католичества из местностей, традиционно населенных русским православным населением¹⁴⁰. В свою очередь администрация создала для этого необходимые политические и правовые условия¹⁴¹.

Так, с 1864 г., в условиях военного положения, начался совместный административно-церковный процесс принудительного перераспределения богатой католической церковной собственности в пользу Православного церкви. Эти действия трактовались не только как заслуженное наказание за участие в мятеже, но и как восстановление исторической, религиозной и социальной справедливости, как долгожданное торжество униженного православия над высокомерной «латинской схизмой». В результате — приходское православное духовенство получало не только храмы, но и жилые дома ксендзов, землю и хозяйственные постройки.

К обвинениям католического клира и мирян в политически враждебном поведении, на основании которых администрация принимала решения о закрытии костелов, монастырей и каплиц, духовенство присовокупило свои, конфессиональные. В прошениях епископата и приходского духовенства, поданных администрации, появляется универсальная формулировка о том, что существование костела или каплицы в данной местности представляет собой «соблазн», и является «вредным» для интересов Православной церкви¹⁴².

¹⁴⁰ Сталюнас Д. Роль имперской власти в процессе массового обращения католиков в православие в 60-е годы XIX столетия // *Lietuvių kataliku mokslo akademijos. Metraštis XXVI*. Vilnius. 2005. С. 344; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1898. Д. 101. Л. Г. Л. 37-38.

¹⁴¹ Высочайшими повелениями от 23 июня 1864 г., от 14 апреля 1866 г. и от 3 сентября 1866 г. генерал-губернатор Северо-Западного края получал право закрывать монастыри, костелы и каплицы «существование коих оказывается особенно вредным и закрытие коих будет признано генерал-губернатором необходимым», с предварительным уведомлением об этом министра внутренних дел. РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 298 а. Л. 1-3, 60-61, 111-112, 118.

¹⁴² Хроника моей жизни. Автобиографические записки высокопреосвященнейшего Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Т. 4. (1868-

Как правило, речь шла о проявлениях «враждебной православию и правительству латино-польской пропаганды» среди «доверчивого» православного сельского населения¹⁴³.

Эти распространенные миссионерские и этнические аргументы приобретали политическую окраску и становились столь же весомыми для судебных костелов, как и обвинения духовных лиц, монашествующих и мирян в антиправительственных мятежных действиях. Единомыслие в оценках католицизма, проявленное администрацией и частью активного православного духовенства, позволило осуществить массовую конфискацию католической церковной собственности, что существенным образом ослабило институциональные позиции католичества в крае.

Поводом для закрытия католических храмов и часовен были не только вышеупомянутые обвинения в государственных преступлениях и противоправном прозелитизме, но и массовые переходы католиков в православие, происходившие в 1864-1868 гг., частью добровольно, частью с использованием административного ресурса. В случае, если переходил весь приход, иногда даже с ксендзом-настоятелем, или его большая часть, тогда костел закрывался и передавался в ведение Православной церкви. Иногда инициатива о закрытии костелов исходила от новообращенных в православие прихожан¹⁴⁴.

Результаты были впечатляющими. По подсчетам Д. Сталюнаса в пяти губерниях Северо-Западного края с 1864 г. по 1 июня 1869 г. были закрыты 377 костелов, монастырей и каплиц¹⁴⁵.

1874 гг.). Святотроицкая Сергиева Лавра. 1902. С. 54; НИАБ. Ф.136. Оп.1. Д. 31343. Л. 1-2; Ф. 136. Оп. 1. Д. 31330. Л. 11; Ф. 136. Оп. 1. Д. 31181. Л. 17; Ф.136. Оп.1. Д. 31347. Л.1-4.

¹⁴³ НИАБ. Ф.136. Оп.1. Д. 31365. Л. 1-9; Ф. 295. Оп.1. Д. 2170. Л. 6-11.

¹⁴⁴ НИАБ. Ф. 295. Оп.1. Д. 1917. Л. 1-2; Ф. 295. Оп.1. Д. 1926. Л. 259; Ф.136. Оп.1. Д. 31356. Л.1-2, 7; Ф.136. Оп. 1. Д. 31828. Л. 21.

¹⁴⁵ Сталюнас Д. Роль имперской власти в процессе массового обращения католиков в православие в 60-е годы XIX столетия // *Lietuvių kataliku mokslo akademijos. Metraštis XXVI*. Vilnius. 2005. С. 331; ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1869. Д. 946. Л. 1-29.

Участие в борьбе за независимость Польши в форме вооружённой борьбы, и противоправная миссионерская деятельность отдельных групп духовенства привели к тяжёлым негативным последствиям для Католической церкви как религиозного и социального института. В результате предпринятых администрацией чрезвычайных мер по закрытию костёлов и монастырей, институциональные позиции католичества на территории края, — религиозные, социальные, экономические и этнокультурные, к началу 70-х гг. XIX в. были значительно ослаблены¹⁴⁶.

Следует отметить, что политические репрессии против ксендзов за преступления против государства, закрытие костёлов, часовен и монастырей, кампания по обращению католиков в православие, то есть, чрезвычайная конфессиональная политика, была продиктована непосредственной реакцией правительства на вооружённый мятеж. Несмотря на столь впечатляющие проявления *политической* враждебности части католической иерархии и клира к российскому государству и православию, эта политика не исходила из общей *правовой* оценки Католической церкви как религиозно нетерпимой или преступной политической организации.

Предпринятые меры, несмотря на их масштабы и жесткость, носили *ситуативный и ограниченный* характер. Они не изменили, и не могли изменить легального положения Католической церкви как религиозного института, продолжавшего функционировать на основе статей 44-45 «Основных законов» Российской империи и действовавшего законодательства о веротерпимости. Католическая церковь в государстве по-прежнему сохраняла правовой статус «терпимой», государственной, находившейся под покровительством императора, её духовенство и епископат получали жалованье из каз-

¹⁴⁶ РГИА. Ф. 821. Оп.150. Д.7. Л. 62-68; ЛГИА. (Политическое отделение) Ф. 378. Оп.1867. Д. 147. Л.7, 13, 22; Ф. 378. Оп. 1869. Д.1289. Л.1-26; Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. (далее - ОР РНБ). Ф.16. Ед. хр. 51. Л.13. *Брянцев П.Д.* Польский мятеж 1863 г. Вильна, 1892. С. 67.

ны, пользовались всеми установленными законом правами и сословными привилегиями¹⁴⁷.

В конечном итоге, в результате действий администрации и православного духовенства, влияние Римско-католической церкви на формирование идентичности Северо-Западного края было сокращено до размеров, политически безопасных для целостности Российской империи.

11. Подведем итоги

В завершение следует сказать, что задачи реформирования края, которые пришлось решать М.Н. Муравьеву в связи с попыткой насильственного отторжения края от России, привели к переменам в характере управления этой особой территориально-административной единицей империи. Одновременное осуществление разнонаправленных политических проектов, определяемых нами как модернизация, деколонизация и реконкиста, представляли собой систему мер, которые обеспечивали адресную практику репрессий и ограничений в отношении польско-католической элиты, с одной стороны, и столь же адресные решения, обеспечивавшие развитие русского крестьянского населения, с другой. В результате, польское дворянство и католическое духовенство, которые традиционно формировали представление о польской идентичности Северо-Западного края, перестали восприниматься правительством как политически лояльные высшие сословия.

В качестве социальной опоры российской власти М.Н. Муравьевым выдвигается крестьянское, в первую очередь, русское (православные белорусы, малороссы и старообрядцы) население края и православное духовенство. Правительственная ориентация на поддержку и развитие низших социальных сословий, и представлявшую их Православную церковь, придала представлениям о русской идентичности края новое по-

¹⁴⁷ Основные государственные законы // Свод законов Российской империи. Т. 1, ч.1. СПб., 1857. Ст. 44-45; Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и инопольных // Свод законов Российской империи. Т. 11, ч.1. СПб., 1857.

литическое и статусное измерение. Русское самосознание белорусского населения и его православная вера стали рассматриваться в качестве ведущих социальных и политических факторов, способных в долгосрочной перспективе обеспечить целостность империи на ее западных рубежах.

Поэтому выстроенная М.Н. Муравьевым «система» управления краем получила дифференцированно направленный, целевой характер. По отношению к польско-католическому обществу оно выступало как проявление *внешнего* господства с присущими ему ограничениями, языковыми запретами, принудительными финансовыми сборами и административным контролем. Муравьев заставил колониальную элиту края оплатить из собственных финансовых средств издержки, понесенные правительством при подавлении восстания, и в дальнейшем использовал эти средства в качестве ресурса своих реформ в пользу жертв колониальной зависимости и эксплуатации — «православия и русской народности».

По отношению же к русскому и литовскому населению Северо-Западного края администрация Муравьева выполняла *внутреннюю* регулирующую роль, направленную на его социально-экономическое, культурное и этническое развитие.

Практическим результатом осуществленных реформ и последующего действия введенной Муравьевым «системы» управления краем, стала радикальная ломка отмеченных выше *колониальных* отношений, вызванных длительным господством польско-католической элиты. Победа, одержанная графом Муравьевым в споре об идентичности Северо-Западного края, ввела в действие институты и социальные группы, работающие на сужение возможностей колониальной эксплуатации крестьянства в новых рыночных условиях. В свою очередь, деятельность таких субъектов деколонизации как Православная церковь, система народного просвещения и западнорусская интеллигенция сделали возможным этническое и культурное развитие крестьянства на основе традиций православия и ценностей общей русской культуры.

Глубокие преобразования, проведенные М.Н. Муравьевым за весьма короткий исторический срок, изменили историчес-

кий вектор развития Белоруссии и Литвы. Ползучей польской колонизации этого региона, продолжавшейся и после отмены крепостного права в 1861 г., впервые были противопоставлены не только твердость российской государственной власти, но и новые субъекты модернизации, формировавшиеся на местной этнической и религиозно-культурной почве.

В общем русле российских «Великих реформ» императора Александра II, региональные реформы графа Муравьева занимают особое место. Это, по сути, второе освобождение крестьян Северо-Западного края, предпринятое после издания манифеста 1861 г. Причем освобождение не только экономическое, социальное, но и национальное, культурное, движимое новыми идейными мотивами и ценностными установками. Уникальность М.Н. Муравьева как реформатора заключается, прежде всего, в том, что он сумел преодолеть сословную ограниченность, характерную для высшей российской бюрократии, и установил новые приоритеты в своей реформаторской деятельности. Виленский генерал-губернатор сумел привлечь внимание правительства и российского общества к Северо-Западному краю, как средоточию не только интересов государственных, но и интересов этнических, патриотических и церковных, основанных на исторической памяти, социальной ответственности и общерусской солидарности. Массовое проявление этнической и церковной поддержки белорусов и местного православия со стороны российского общества и российской государственной власти стало катализатором для подъема патриотизма и общерусского национального сознания середины 60-х годов XIX в.

Обширная деятельность М.Н. Муравьева, направленная на защиту интересов «униженных и оскорбленных», его истинный патриотизм, могучий реформаторский талант и непреклонная решимость, проявленная при защите Отечества, снискали ему благодарную память потомков в России и Белоруссии. И теперь, в год 150-летия со времени кончины Михаила Николаевича Муравьева, мы чтим светлую память великого реформатора, выполняя свой гражданский и патриотический долг.

РУССКИЙ МИР В БОРЬБЕ ЗА ВЫЖИВАНИЕ: ЗАПАДНОБЕЛОРУССКИЕ ЗЕМЛИ В СОСТАВЕ ПОЛЬШИ В 1919-1939 гг.

Кирилл Владимирович Шевченко,

доктор исторических наук, профессор кафедры
гражданского права и процесса минского филиала
Российского государственного социального университета
(Минск)

В статье содержится анализ национальной политики властей Польши в 1919-1939 гг. на западнобелорусских землях, вошедших в состав Второй Речи Посполитой. Данная политика, конечной целью которой являлась полная ассимиляция белорусов, была направлена в первую очередь против общерусского компонента белорусской национальной идентичности, что польская элита считала главным препятствием для полонизации белорусского населения. Борьба польских властей с общерусской идентичностью белорусов нашла свое выражение в попытках полонизации православной церкви, в преследовании русской прессы в восточных воеводствах Польши, а также в сфере образования и культуры.

Ключевые слова: общерусская идентичность, полонизация, межвоенная Польша, этносоциальная инженерия.

The article focuses on national policy of interwar Poland in 1919-1939 towards Byelorussian national minority in Eastern provinces of the Polish state. The primary goal of this policy was complete assimilation of Byelorussians. In the first place, this policy was aimed at extermination of the Common Russian component of Byelorussian identity, which was considered by Polish authorities as the main obstacle in the process of polonization of Byelorussian population. Struggle of the Polish authorities against Common Russian identity of Byelorussians was manifested in their attempts to polonize Orthodox Church, in a widespread discrimination of the Russian press in the Eastern provinces of interwar Poland as well as in the sphere of education and culture.

Keywords: Common Russian identity, polonization, interwar Poland, ethnic and social engineering.

В конце XIX — начале XX вв. общественно-политическое положение в белорусских губерниях Российской империи определялось идеями западнорусизма, трактовавшего белорусов как составную часть триединого русского народа в составе великороссов, малороссов и белорусов. Различные обществен-

ные и политические организации на белорусских землях, стоявшие на позициях западнорусизма, имели «оригинальные подходы к определению прошлого, современности и будущей судьбы белорусского народа. Часть западнорусов разделяла общеполитические установки крайне правых и умеренно правых партий... часть занимала позиции, близкие партиям либеральным и либерально-консервативным»¹. Однако, несмотря на подчас существенные партийные различия, сторонники западнорусизма, признавая этноязыковое и культурное своеобразие белорусов, исходили из цивилизационной общности великороссов и белорусов, трактуя их как части единого народа. Западнорусизм, таким образом, являлся конкретной формой выражения принадлежности белорусских земель и их коренного восточнославянского населения к Русскому миру.

Белорусские националистические группы, выступавшие против идеи общерусского единства и рассматривавшие белорусов как отдельный от русских народ, в начале XX в. представляли собой маргинальный общественный слой, не пользовавшийся широкой популярностью. Однако с началом Первой мировой войны и с последующей оккупацией западнорусских земель Германией этнокультурная и политическая ситуация изменилась. В отношении белорусов и литовцев немецкая оккупационная администрация проводила политику «поддержки их национальных устремлений для создания противовеса доминировавшим здесь полякам... В период немецкой оккупации была создана система белорусского образования, охватывавшая значительную часть молодежи»². В ходе разработки будущей модели белорусского государственного устройства белорусские деятели «ориентировались на заявление канцлера Германии Бетман-Гольвега о том, что оккупированные территории больше никогда не будут возвращены России»³.

¹ Лавринович Д.С. Эволюция стратегии и тактики западнорусских либеральных организаций // Русский Сборник. Исследования по истории России. Том XII. Москва, 2012. С. 220.

² Мірановіч Я. Беларусы у Польшчы (1918-1949). Вільня, Беласток, 2010. С. 17.

³ Луцкевіч А. Да гісторыі беларускага руху. Мінск, 2003. С. 14.

С возрождением независимой Польши, которая в результате военных действий на востоке включила в свой состав обширные западнобелорусские земли, что было закреплено Рижским мирным договором, подписанным 18 марта 1921 г., политика искоренения идей западнорусизма и общерусской идентичности на белорусских землях была продолжена и творчески развита официальной Варшавой. Польские власти рассматривали этнические белорусские области, вошедшие в состав Второй Речи Посполитой, как исконно польские земли, трактуя их существенное этнокультурное своеобразие и отличия от собственно Польши как достойный сожаления результат русификации. Подобная установка позволяла Варшаве трактовать любые отклонения от канонической «польскости» как аномалию, вызванную ассимиляторской политикой российских властей, легитимизируя тем самым официальный курс на полонизацию этнически непольского населения восточных воеводств межвоенной Польши. Весьма примечательную оценку политике Польши в отношении белорусов уже в 1921 г. дало правительство БНР, которое в своем мемориале Патриарху Московскому и Всея Руси Тихону от 27 января 1921 г. констатировало, что «на деле польская толерантность есть ни что иное, как самая дикая нетерпимость национальная и религиозная... Всем белорусам в польской дельнице грозит национальная смерть...»⁴

Яркой иллюстрацией отношения польской политической элиты к белорусам может служить высказывание известного польского политика и крупного «кресового» землевладельца А. Мейштовича, который в январе 1922 г. в беседе с представителями Рабочего союза в Вильно подчеркнул, что «Белоруссия самой историей предназначена быть мостом для польской экспансии на Восток. Белорусская этнографическая масса должна быть переделана в польский народ. Это приговор истории и мы должны этому способствовать»⁵. По поводу белорусского на-

⁴ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 325. Оп. 1. Д. 128. Л. 35.

⁵ НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 177. Л. 32.

ционального движения Мейштович заявил, что «мы не должны допустить и не допустим усиления этого движения на польской земле»⁶. Таким образом, по сути отрицалась сама легитимность существования белорусов как самобытного этноса и их этнокультурного присутствия на западнобелорусских землях, которые попросту объявлялись польскими. Основные направления практической политики польских властей в отношении белорусского меньшинства, сложившиеся в 1919–1921 гг., были по существу реализацией идей Мейштовича и с некоторыми косметическими изменениями продолжались в течение всего межвоенного периода.

Широко распространенное среди польских властей и общественности нежелание видеть в белорусах самобытный этнос с собственной культурой и языком, а также частые проявления высокомерно-культуртрегерского отношения к белорусам вызывали резкую критику на страницах белорусских печатных изданий. «Отношение к белорусам со стороны многих начальников и определенной части общественности очень пренебрежительное. Нас считают то москалями, то большевиками, то вообще людьми второго сорта, — констатировали виленские «Белорусские ведомости» 10 октября 1921 г. — Беларусь, частично попавшая под власть Польши, поделена на провинции-воеводства, и не видно, чтобы в этих воеводствах проводилась политика по принципу, объявленному в первые дни польского господства в нашем крае: «равные с равными, вольные с вольными...»⁷.

Ощущение себя «людьми второго сорта» вполне соответствовало реалиям и, что примечательно, прямо перекликалось с мыслью лидера польской национальной демократии Р. Дмовского, который в одной из своих работ еще в начале XX века откровенно отзывался о белорусах, литовцах и украинцах как о «поляках низшего сорта», неспособных к собственной государственности⁸. Отрицание Варшавой какого-либо права белорусов на собственную государственность или даже на автоно-

⁶ Там же.

⁷ Беларускія ведамасці. 1921. № 5.

⁸ См.: Mironowicz E. *Bia?orusini i Ukrai?cy w polityce obozu pi?sudczykowskiego. Bia?ystok: Trans Humana, 2007. S. 8.*

мию логично вытекало из общего восприятия белорусов польским общественным мнением как «этнографического материала, который следовало проглотить и переварить»⁹. При этом польская политическая элита отдавала себе отчет в том, что самым эффективным механизмом противодействия полонизации «белорусского этнографического материала» является общерусская идентичность и культурное наследие, предлагавшие убедительную, привлекательную для белорусского населения и альтернативную польской интерпретацию исторического прошлого белорусов и их места в цивилизационной системе координат. Именно по этой причине общерусское самосознание белорусов, выраженное в идеях западнорусизма, воспринималось официальной Варшавой как цивилизационный враг и потенциальная угроза безопасности польского государства, которую следовало ликвидировать.

Официально заявляя о восточных областях Второй Речи Посполитой как об исконно польских землях, польские власти в то же время были вынуждены признать широкое распространение и укоренённость русской культуры среди значительной части населения восточных воеводств. В отчете референта отдела общественной безопасности Полесского воеводства, подготовленного 29 января 1933 г., с сожалением отмечалось, что «в городах и крупных населенных пунктах местное население в период царизма было русифицировано. Это особенно касается интеллигенции и полуинтеллигенции, воспитанной в русских школах... Выпускники этих местных школ даже отправлялись в Королевство Польское на должности чиновников... как урожденные русские... Процесс возврата к польскости как среди этих местных полуинтеллигентов, так и среди застенковой шляхты проходит очень медленно...»¹⁰

Наличие общерусской идентичности у значительной части белорусской интеллигенции и населения, остававшихся либо

⁹ Zaprudnik J. Belarus at a Crossroads in History. Boulder-San Francisco-Oxford: Westview Press, 1993. P. 86.

¹⁰ Государственный архив Брестской области (ГАБО). Ф.1. Оп.8. Д.347. Л. 19.

сознательными, либо стихийными приверженцами западнорусизма, вызывало серьезную озабоченность польских властей, политика которых с самого начала была направлена на его искоренение. В борьбе с западнорусизмом на белорусских землях Варшава использовала различные методы этнокультурной инженерии, стремясь в конечном счете к полонизации белорусского населения. По словам белорусского историка А. Загидулина, первый пункт программы польской национальной политики на белорусских землях, разработанной чиновником министерства иностранных дел Польши М. Арцишевским в 1921 г., предусматривал «проведение размежевания между белорусами-католиками и белорусами-православными... Первых надлежит ограждать от белорусизации и окружать атмосферой польской культуры. Вторых надлежит предохранять от русификации, привлекая для этого белорусские силы»¹¹. Таким образом, белорусы-католики рассматривались Варшавой как «потенциальные поляки» и поэтому подлежали первоочередной и безусловной полонизации, в то время как православных белорусов предполагалось вырвать из лона общерусской культуры для создания предпосылок их последующей полонизации. Польские власти и польская католическая церковь крайне подозрительно и враждебно относились к деятельности тех католических ксендзов, которые участвовали в белорусском национальном движении или симпатизировали ему. Католические ксендзы-белорусы, «скомпрометировавшие» себя подобным образом в глазах польской администрации, преследовались, часто лишались своих приходов и высылались за пределы белорусских земель. По справедливому замечанию польского историка из г. Белосток Е. Мироновича, «государственную власть раздражало само присутствие белорусского элемента в католическом костеле. Во время санации власти не допускали самой возможности появления белорусского движения в костеле...»¹²

¹¹ Загідулін А. Беларускае пытанне у польскай нацыянальнай і канфесійнай палітыцы ў Заходняй Беларусі (1921-1939). Гродна, 2010. С. 40.

¹² Mironowicz E. Bia?orusini i Ukrai?cy w polityce obozu pi?sudczykowskiego. Bia?ystok: Trans Humana, 2007. S. 56.

Поскольку общерусская идентичность среди белорусского населения была теснейшим образом связана с православием, традиционно воспринимавшимся белорусами как «русская вера», польские власти активно использовали конфессиональный фактор для ослабления русского самосознания православных белорусов и создания предпосылок для их последующей полонизации.

Несмотря на негативно-враждебное отношение к православной церкви со стороны польских властей, воспринимавших ее как наследие Российской империи и «реликт времен разделов Речи Посполитой»¹³, Варшава, руководствуясь прагматическими соображениями, энергично стремилась не только ослабить православную церковь путем ревиндикаций и искусственного сокращения числа приходов, но и использовать ее в качестве инструмента в своей этнокультурной политике. Это, в частности, нашло свое выражение в «подчинении структур православной церкви государственному аппарату и в стремлении использовать ее для ассимиляции непольского населения восточных «кресов»¹⁴. Именно эти соображения определяли политику Варшавы, направленную на провозглашение автокефалии православной церкви в Польше в 1925 г., что было негативно воспринято православным населением и большинством православного духовенства¹⁵, и на ее последующую полонизацию, активно проводимую в 1930-е годы. Насильственное навязывание автокефалии большинству противившегося ей духовенства и прихожан со стороны Варшавы было открытым нарушением статьи VII Рижского договора, которая содержала обязательство сторон «ни прямо, ни косвенно не вмешиваться в дело, касающееся уст-

¹³ Papierzyńska-Turek M. Historyczne uwarunkowania ogłoszenia autokefalii Kościoła Prawosławnego w Polsce w 1925 r. // Autokefalie Kościoła Prawosławnego w Polsce. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2006. S. 152.

¹⁴ Ibidem. S. 151.

¹⁵ Цымбал А. Становішча праваслаўнай царквы ў Заходняй Беларусі (1921-1939) // Беларускі гістарычны часопіс. 2012. № 10. С. 36.

ройства и жизни церкви и религиозных обществ, находящихся на территории другой страны»¹⁶.

С самого начала политика полонизации православной церкви и ее прихожан отличалась системностью и последовательностью; при этом инициатива полонизационных акций часто исходила от руководства восточных воеводств Второй Речи Посполитой. Так, 20 января 1930 г. полесский воевода в своем обращении к старостам Полесского воеводства потребовал от них «строгого соблюдения правил польского написания имен православного населения», до этого указывавшихся в соответствии с правилами русского языка. К документу прилагался список церковнославянских имен в переводе на польский язык, одобренный Православной консисторией¹⁷. В соответствии с данным списком, имя «Аввакумъ» должно было указываться как «Abbakum», имя «Авдій» как «Abdjusz», имя «Авксентій» как «Auksentjusz» и т.д.¹⁸ В очередном обращении к старостам 15 мая 1933 г. полесский воевода напоминал о данном распоряжении и требовал его неукоснительного соблюдения при указании имен в метриках и выписках из метрик, выдаваемых православным духовенством. В документе подчеркивалось, что «метрики и выписки из них обязаны быть исключительно на польском языке. Духовенство обязано строго соблюдать правила указания православных имен в польском написании. Документы, содержащие имена, указанные с нарушением правил их польского написания, приниматься не будут»¹⁹. Документ аналогичного содержания был издан позднее и новогрудским воеводой, который в инструкции старостам Новогрудского воеводства от 24 мая 1934 г. требовал от них обеспечить «запись актов гражданского состояния исключительно на государственном языке. Главы православных приходов обязаны также обеспечить соблюдение чистоты польского языка особенно при

¹⁶ Польша—Беларусь. Сборник документов и материалов. Минск, 2012. С. 34.

¹⁷ ГАБО. Ф.1. Оп.1. Ед.хр.508. Л.22.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

записи имен непольского происхождения... Виновные в несоблюдении данной инструкции будут привлечены к дисциплинарной ответственности...»²⁰ С середины 1930-х годов реализация механизма полонизации православной церкви переходит на более высокий организационный уровень, поскольку этот вопрос стал предметом внимания польского правительства.

Созданный в 1935 г. Комитет по национальным вопросам при Совете министров Польши на своем заседании в декабре 1935 г. принял решение о том, что «православная церковь должна стать инструментом для распространения польской культуры на восточных землях»²¹. Для реализации данной цели было запланировано ликвидировать православные духовные семинарии в Вильно и Кременце и перевести подготовку православного духовенства в Варшаву; ввести польский язык в церковное делопроизводство, проповеди и преподавание религии; организовать издание церковной литературы на польском языке и перевести православную церковь с юлианского на григорианский календарь²². С ликвидацией православных духовных семинарий в Вильно и Кременце и с переносом центров подготовки православного духовенства в Варшаву, где главную роль в этом процессе играл факультет богословия Варшавского университета с преподаванием на польском языке, начинает распространяться практика проповедей на польском языке в православных храмах, активно поддерживаемая властями. В 1935 г. в г. Белосток при поддержке местных властей было создано «Общество православных поляков имени Пилсудского», которое развернуло энергичную деятельность, направленную на полонизацию православных церковных служб. Аналогичная организация под названием «Дом православных поляков имени Стефана Батория» была создана и в Гродно²³. Процесс полониза-

²⁰ Там же. Л.112.

²¹ Загідулін А. Беларускае пытанне у польскай нацыянальнай і канфесійнай палітыцы у Заходняй Беларусі (1921-1939). С. 117.

²² Цымбал А. Становішча праваслаўнай царквы у Заходняй Беларусі (1921-1939) // Беларускі гістарычны часопіс. 2012. № 10. С. 40.

²³ Загідулін А. Беларускае пытанне у польскай нацыянальнай і канфесійнай палітыцы у Заходняй Беларусі (1921-1939). С. 124.

ции православной церкви в Польше был окончательно институализирован с созданием в декабре 1938 г. в Гродно польского Научно-издательского православного института, призванного «распространять среди населения Западной Беларуси идею православия как польской государственной религии»²⁴. Содействовать достижению данной цели должен был издававшийся институтом ежемесячный журнал на польском языке «Православный обзор» (*Przegląd Prawosławny*). Хотя кампания полонизации православной церкви и введение польского языка в церковные службы встречали сопротивление и неприятие верующих и части духовенства старшего поколения, они были поддержаны многими молодыми представителями православного духовенства — выпускниками Варшавского университета, которые активно использовали польский язык в проповедях. В отличие от властей Российской империи, попытка которых ввести русский язык в дополнительные католические богослужения в Северо-Западном крае для белорусов-католиков во второй половине XIX в. потерпела неудачу по причине «непоследовательности обрусительной политики правительства»²⁵, кампания польских властей по полонизации православной церкви в Польше в 1930-е годы в целом достигла некоторых успехов в силу своей системности, наступательности и последовательности, вытекавших из их уверенности в собственном цивилизационном превосходстве.

Однако, несмотря на столь масштабные меры, призванные лишить православную церковь её традиционной роли защитника общерусской идентичности и превратить её в инструмент полонизации белорусов, значительная часть православного духовенства оставалась оплотом русского самосознания на белорусских землях. Примечательно в этой связи, что в отчете референта отдела общественной безопасности Полесского воеводского управления от 29 января 1933 г. православные священники, причем в основном местные уроженцы, указывались

²⁴ Там же. С. 125.

²⁵ Бендин А.Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863-1914 гг.) Минск, 2010. С. 109.

как наиболее активные деятели русского движения в ряде поветов Полесья. Особую озабоченность референта общественной безопасности Полесского воеводства вызвало то обстоятельство, что православные священники в г. Давид-городок развернули энергичную деятельность во время переписи 1931 г., «призывая население указывать русский язык в качестве родного»²⁶.

Свое разочарование православной церковью как возможным инструментом полонизации белорусов выразил на совещании воевод северо-восточных воеводств Польши в г. Гродно 24 апреля 1937 г. полесский воевода Де Траммекур, весьма эмоционально назвавший православных священников «паскудным» и «негативным элементом», ведущим пропаганду «в русском духе», и заявивший, что «необходимо отнять у попа возможность оказывать нежелательное влияние на верующих»²⁷. Тем самым один из высокопоставленных польских политиков в конце межвоенного периода был вынужден признать, что вопреки широкомасштабным преобразованиям православной церкви в Польше, призванным превратить ее в орудие полонизации православного непольского населения, православная церковь сохраняла свою традиционную роль защитника русской идентичности и культуры.

Важным средством борьбы с русской идентичностью населения западнобелорусских земель были преследования и дискриминация русской прессы со стороны официальной Варшавы. Дискриминация прессы на русском языке польскими властями имела разнообразные формы, включая прямые запреты на распространение некоторых изданий в Польше. Так, 23 августа 1937 г. управление Полесского воеводства информировало старост всех поветов данного воеводства о решении министерства внутренних дел Польши запретить подписку на издававшуюся в г. Ужгород (Чехословакия) «Русскую народную

²⁶ ГАБО. Ф.1. Оп.8. Д.347. Л. 20.

²⁷ ГАБО. Ф.1. Оп.8. Д.1091. Л. 5.

газету», а также на «Евразийскую хронику», издававшуюся на русском языке в Берлине. В документе несколько туманно объяснялось, что запрет на распространение данных изданий связан с тем, что «их содержание обнаруживает признаки преступлений, предусмотренных в Уголовном кодексе»²⁸. Ранее был введен запрет на ряд газет, журналов и книг, изданных в СССР.

Крайне подозрительный и откровенно дискриминационный подход польские власти демонстрировали и в отношении периодических изданий на русском языке в восточных воеводствах Польши, опасаясь их нежелательного для Варшавы влияния на местное белорусское население. Ярким примером подобного отношения польской администрации к русской прессе является попытка активиста русского движения в г. Пинск П. Хинича начать издание русскоязычной газеты «Под небом Полесья». Официальная декларация Хинича о намерении издавать подобную газету была направлена старосте Пинского повета Полесского воеводства 12 октября 1931 г., при этом в документе указывалось, что газета будет содержать информацию экономического, общественного и культурного характера, что издание будет стоять на почве польской государственности и что местом издания будет г. Пинск²⁹.

Спустя два дня после получения данной декларации староста Пинского повета В. Болдок направил 14 октября 1931 г. полесскому воеводу донесение, в котором характеризовал редактора будущей газеты П. Хинича как активиста русских организаций, принимавшего участие в выборах в сейм в 1928 и 1930 гг., и как корреспондента русской виленской газеты «Наше время». Особое внимание староста обращал на стремление Хинича расширить с помощью газеты свое влияние на местное сельское население. По словам старосты, свою агитацию среди населения Хинич проводит «в национально русском духе»³⁰. В своем следующем донесении полесскому вое-

²⁸ ГАБО. Ф.1. Оп.8. Д.879. Л. 37.

²⁹ ГАБО. Ф.1. Оп.8. Д.939. Л. 2.

³⁰ Там же. Л. 1.

воде от 28 октября 1931 г. пинский староста сообщал о том, что первоначально он «не препятствовал» Хиничу в организации его издания, поскольку это могло бы создать впечатление у местного русского общества об административном преследовании русской национальной жизни со стороны польского правительства, тем более что Хинич декларировал намерение стоять на почве польской государственности. «По этим сообщениям я принял решение, не препятствуя появлению газеты со стороны властей, уничтожить её путем деструктивных мер... и тем самым навсегда парализовать ее существование в будущем»³¹, — откровенно делился своими планами с полесским воеводой пинский староста.

Содержание первых нескольких номеров газеты «Под небом Полесья» не могло не вызвать сильнейшего раздражения польской администрации. Так, в статье о населении г. Пинска указывалось, что из 30470 жителей города 19597 составляют евреи, 7249 — поляки, остальные — русские, к числу которых газета отнесла «белоруссов, украинцев и великоруссов»³². Таким образом, белорусы вполне в духе западнорусизма трактовались газетой как составная часть единого русского народа, что было неприемлемо для польских властей. Немалую озабоченность местной польской администрации вызвало и опубликованное на страницах газеты сообщение её редакции о том, что успех издания «превзошел все наши ожидания... В первый же день мы приобрели весьма значительное число подписчиков. В редакцию нашу ежедневно поступают приветственные и сочувственные письма...»³³.

Однако самой неприемлемой для польских властей, судя по всему, стала статья о предстоящей в Польше переписи населения, опубликованная в третьем номере газеты. Констатируя, что «для нас, русских, предстоящая 9 декабря сего года всеобщая перепись населения... будет иметь огромное зна-

³¹ Там же. Л. 12.

³² Под небом Полесья. Орган русской мысли на Полесье. Пинск, 8 ноября 1931. №2.

³³ Там же.

чение», газета самокритично замечала, что «русские теперь, при польской власти, являются гораздо менее устойчивыми национально, чем были поляки даже в самую тяжелую для них пору национальных и религиозных преследований»³⁴. В связи с этим газета призывала своих читателей указывать в ходе переписи в качестве родного только русский язык: «Пусть же каждый русский знает и помнит, что указания агентам по переписи языка русского (rosyjskiego) как родного не является чем-то маловажным, а исполнением долга перед лицом национальных и культурных интересов русского меньшинства в Польской республике»³⁵.

Пинский староста сдержал свое слово об уничтожении газеты «Под небом Полесья» путем деструктивных мер. В результате отказа местных типографий печатать газету несколько ее номеров вышли в белорусской типографии имени Скорины в Вильно, что было сразу замечено местными структурами безопасности. В своем донесении полесскому воеводе 18 ноября 1931 г. отдел безопасности управления Виленского воеводства отмечал «пророссийскую направленность» издателей газеты «Под небом Полесья», которая выразилась в том, что белорусы, украинцы и великорусы трактуются как части единого русского народа. «Подобную позицию, — отмечалось в донесении, — занимает и виленская газета «Наше время», которая утверждает, что языки белорусский и украинский находятся в таком отношении к русскому языку, как мазурский язык к языку польскому»³⁶. Автор донесения отмечал также «не только идеологические, но и персональные связи» между виленской газетой «Наше время» и пинским «Под небом Полесья». В документе подчеркивалось, что меры по недопущению издания газеты «Под небом Полесья» в Вильно труднореализуемы, поскольку издание газеты осуществляется в белорусской типографии имени Скорины, которая контролируется бе-

³⁴ Под небом Полесья. Орган русской мысли на Полесьи. Пинск, 15 ноября 1931. №.3.

³⁵ Там же.

³⁶ ГАБО. Ф.1. Оп.8. Д.939. Л. 30.

лорусской христианской демократией и близкими к ней группами, включая группу бывшего сенатора и «российского монархиста» В. Богдановича³⁷. Тем не менее, польской администрации в начале 1932 г. удалось блокировать издание неуютной для неё газеты. Уже в первом номере «Под небом Полесья» за 1932 г. редакция, намекая на усложнившиеся условия работы, сообщала своим читателям о переносе печатания газеты в другую типографию и связанной с этим задержкой издания; со второго номера «по независящим от редакции причинам» газета стала выходить непериодически³⁸ и, наконец, ее издание было прекращено.

В конце 1932 г. в Пинске представителем местной русской общины Н. Березницким была предпринята попытка издания русской церковно-общественной газеты «Пинский голос». Первоначально планировалось издание «Пинского голоса» как ежедневной газеты, однако полесский воевода запретил выпуск газеты как ежедневника, ссылаясь на нежелательность подобного печатного органа в силу местных обстоятельств³⁹. Примечательно, что, как и в случае с газетой «Под небом Полесья», владельцы пинских типографий как по команде отказались от печати данной газеты, объясняя это «независящими от них обстоятельствами»⁴⁰. В итоге выпуск данной газеты, стремившейся «объединить всех русских людей на Полесьи и стать для них доступным печатным органом»⁴¹, был прекращен из-за противодействия местной польской администрации. В своем конфиденциальном донесении министру внутренних дел в Варшаве 4 ноября 1932 г. полесский воевода В. Костек-Бернацки указывал на то, что издатель «Пинского голоса» Березницкий является убежденным русским монархистом и активистом русского движения в Пинске, «проводящим на дан-

³⁷ Там же.

³⁸ Под небом Полесья. Орган русской мысли на Полесьи. Пинск, 7 февраля 1932. №2.

³⁹ Пинский голос. Еженедельный церковно-общественный орган. 11 декабря 1932. №1.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

ной территории вредную русификаторскую деятельность»⁴². «Принимая во внимание опасность русификаторской акции среди несознательного в национальном отношении местного населения, — указывал в документе полесский воевода, — я запретил Березницкому издание русской газеты в Пинске...»⁴³

Издание газет на русском языке в восточных воеводствах Польши и их популярность среди местного населения вызывали крайне негативную реакцию польской общественности и прессы. Так, издававшаяся в Полесском воеводстве польская газета «Экспресс полески» с неудовольствием констатировала в одной из своих статей, что «хотя на Полесьи нет русских, тут выходят издания на русском языке»⁴⁴. В ответ на попытки издания газет на русском языке польская администрация в Полесском воеводстве во второй половине 1930-х годов активизировала попытки создания популярной «Полесской газеты» на польском языке для местного крестьянского населения, объясняя это как необходимостью распространения информации экономического характера, так и политическими соображениями. Так, представитель Полесского воеводства С. Беневски в своем обращении к министерству сельского хозяйства откровенно указывал на то, что при наличии «подходящей газеты» местного полешука «можно относительно легко полонизировать»⁴⁵.

Важным инструментом борьбы официальной Варшавы с русской идентичностью на западнобелорусских землях была образовательная и культурная политика. Уже в ходе немецкой оккупации белорусских областей во время Первой мировой войны германская оккупационная администрация энергично содействовала развитию образования на белорусском и литовском языках в противовес доминировавшим здесь русской и польской культуре. С инкорпорацией данных территорий в

⁴² ГАБО. Ф.1. Оп.8. Д.940. Л. 35.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Expres Poleski. 13.10.1932. №294.

⁴⁵ ГАБО. Ф.1. Оп.8. Д.968. Л. 161.

состав возрожденной Польши официальная Варшава, трактуя свои этнически непольские восточные провинции как исконно польские земли, с самого начала проводила тут системную кампанию полонизации. Это сразу отразилось в сфере образования, где, с одной стороны, насаждались польские школы, а с другой стороны, открытые при поддержке немецкой оккупационной администрации белорусские школы постепенно ликвидировались.

Однако главным объектом преследования были русские школы, поскольку Варшава преследовала цель полной «дерусификации» исконно польских, по её мнению, земель, утративших свою «польскость» только в результате разделов Речи Посполитой и политики властей Российской империи. Примечательно, что Товарищество белорусских школ в г. Вильно в своем циркуляре учителям белорусских школ осенью 1919 г. откровенно указывало, что «если Вы откажетесь быть белорусским учителем, то пользы белорусскому народу Вы этим не принесете, так как открыть в Вашем селе не белорусскую, а... русскую школу при нынешних условиях нельзя, поскольку польские власти этого не позволят...»⁴⁶ Данный документ красноречиво свидетельствует о том, что местные педагогические кадры на западнобелорусских землях в известной степени были вынуждены становиться белорусскими учителями, не имея возможности преподавать в русских школах.

Явное предпочтение к русской школе обнаруживала значительная часть коренного населения белорусских областей, оказавшихся в составе Польши. Так, 25 октября 1919 г. в Белорусскую Центральную Раду Виленщины и Гродненщины поступило обращение от жителей местечка Острин бывшей Виленской губернии, в котором прямо говорилось о том, что «все мы и наши дети привыкли к школе русской и такую школу мы считаем сейчас наиболее для нас подходящей... В нашем местечке Острине открыта польская школа, но в этой школе наши дети ничего не могут понять, потому что они не говорят по-польски»⁴⁷.

⁴⁶ НАРБ. Ф.878. Оп.1. Д.15. Л.3.

⁴⁷ НАРБ. Ф.878. Оп.1. Д.15. Л.25.

Предпочтение русскому образованию отдавали даже жители Белостока — самой западной этнически белорусской области. Направленный Белорусской Центральной Радой Виленщины и Гродненщины в Белостокский повет в качестве белорусского учителя П. Костюк в своем отчете в школьный отдел рады сообщал 12 сентября 1919 г. о том, что «жители и комитет в Белостоке сказали: нам нужны школы русские или же польские, но не белорусские. Комитет в Белостоке не белорусский, а русский. Этот Комитет уже открыл в Белостоке две школы: одну с преподаванием русского языка и частную за свои средства с преподаванием русского языка и Закона Божьего. Учителя у них свои... Услышав это, мы все и разъехались...»⁴⁸

С окончательным утверждением польского господства на западнобелорусских землях в результате политики полонизации образовательной сферы число белорусских учебных заведений резко сократилось. Если в 1922/1923 учебном году существовало 32 белорусские начальные школы в Западной Беларуси, то к 1938/1939 учебному году их число сократилось всего до 5 — и это примерно на 2 миллиона населения!⁴⁹

Кадровая политика польских властей в образовательной сфере диктовалась прежде всего интересами полонизации. Так, например, на территории Гродненской губернии в сентябре 1919 г. польские школьные инспекторы заявляли белорусским учителям, что на работу в местные белорусские школы могут быть приняты только те учителя, которые окончили польские учительские курсы. Однако, как сообщали учителя из Гродненской губернии в Центральную Белорусскую Радку Виленщины и Гродненщины 26 сентября 1919 г., «учителям, окончившим польские учительские курсы, но сознательным белорусам или православным, никаких школ все равно не дают»⁵⁰.

В предложениях полесского воеводы о мерах поднятия образовательного уровня населения Полесского воеводства,

⁴⁸ Там же. Л. 49.

⁴⁹ Вабішчэвіч А. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1919-1939). Брэст, 2008. С. 60.

⁵⁰ НАРБ. Ф.878. Оп.1. Д.6. Л.7.

направленного министру внутренних дел Польши в феврале 1937 г., подчеркивалось, что «учительские кадры для полесских сел должны набираться исключительно из коренных поляков, осознающих важность своей миссии... Не может быть и речи о том, чтобы в течении как минимум 10 ближайших лет учителем на территории Полесья мог бы быть русский, украинец, белорус или даже местный полешук. Учитель-полешук православной веры чаще всего русифицируется или украинизируется и вместо активной деятельности на благо государства попадает под влияние окружения — либо пассивного, либо настроенного враждебно по отношению к польскости...»⁵¹ В этом же документе полесский воевода призывал существенно увеличить число общеобразовательных школ в Полесском воеводстве и улучшить материальные условия учителей. Аргументируя необходимость данных мер, воевода подчеркивал, что «пробуждение чувства принадлежности к польскому народу у несознательного в национальном отношении полешука не даст ожидаемых результатов до тех пор, пока это не получит основание в широком развитии польского школьного просвещения»⁵². Польские власти, таким образом, прекрасно понимали важность системы образования для воспитания населения в духе лояльности государству. После вхождения Западной Белоруссии в состав СССР в сентябре 1939 г. работники агитационных бригад ЦК КП(б)Б, работавшие с местным населением, сообщали в своих отчетах о том, что многие местные жители — учителя по профессии были уволены с работы польскими чиновниками по причине своей этноконфессиональной принадлежности. В частности, начальник агитбригады ЦК КП(б)Б М. Фридман, работавший на Виленщине с 24 сентября по 26 октября 1939 г. указывал в своем отчете, что «многие из присутствующих крестьян заявили, что они раньше работали учителями, но потому, что они русские, их из школы выгнали»⁵³.

⁵¹ ГАБО. Ф.1. Оп.8. Д.1656. Л.16.

⁵² Там же. Л.15.

⁵³ НАРБ. Ф.4п. Оп.1. Д.13978. Л.99.

Однако даже немногочисленные белорусские гимназии использовали польскими властями для полонизации учащихся; при этом польские школьные власти тщательно следили за тем, чтобы гимназии готовили лояльных польских граждан и чтобы преподавание в белорусских гимназиях ни в коем случае не велось на русском языке. Разрешение на деятельность белорусской гимназии в г. Гродек Вилейски Виленского воеводства в 1922-1923 учебном году было обусловлено введением польского языка как предмета в объеме не менее 4 часов в неделю и истории Польши на польском языке объемом не менее 2 часов в неделю⁵⁴. Вскоре бдительные школьные власти выявили в работе данной гимназии ряд недостатков. Местный школьный инспектор сообщал куратору Виленского школьного округа 4 ноября 1923 г. о том, что «гимназию посещают в основном евреи и православные. Учителя польского языка в гимназии нет. Предметы преподаются на русском языке...»⁵⁵. За подобные прегрешения куратор Виленского школьного округа принял оперативное решение о прекращении занятий в данной гимназии. В числе условий продления разрешения на деятельность белорусской гимназии в г. Клецк в 1927-1928 учебном году местными школьными властями было указано преподавание предметов «исключительно на белорусском языке, а не на русском. То же касается и школьных учебников»⁵⁶. Таким образом, недопущение русского литературного языка в образовательный процесс в белорусских учебных заведениях было принципиальной позицией и предметом особой заботы со стороны польских школьных властей.

Противодействие русской культуре со стороны польских властей нашло выражение и в театре. Полесский воевода Крахельский 19 ноября 1930 г. вменил в обязанность подчиненным ему старостам поветов усилить контроль над представлениями театров национальных меньшинств. Выполняя указание воеводы, староста Пружанского повета сообщал 14 января

⁵⁴ Lietuvos Centrinis Valstybes Archyvas (LCVA). F.172. Ap.1. B.753.

⁵⁵ Ibidem.

⁵⁶ LCVA. F.172. Ap.1. B.5519.

1931 г. о гастролях русского драматического театра «Тард» из Вильно на территории вверенного ему повета. Признавая высокие художественные качества данного театра, староста, тем не менее, замечал, что «поскольку театр в определенной мере способствует распространению русской культуры на кресах восточных, его необходимо отнести к числу нежелательных»⁵⁷.

* * *

Многочисленные высказывания польских политических деятелей разного уровня и открыто озвучиваемые ими планы полной ассимиляции непольского населения северо-восточных воеводств, а также практические действия польской администрации в данных воеводствах Второй Речи Посполитой позволяют говорить о том, что политика Варшавы в отношении восточнославянских национальных меньшинств обнаруживала явные признаки «косвенного геноцида» или этноцида, понимаемого как «уничтожение культуры народа, ведущее к его исчезновению путем ассимиляции»⁵⁸. «Ориентация польского правительства на возможность решения белорусской проблемы путем ассимиляции белорусов и ликвидации белорусских структур оказалась противоречащей интересам государства... Не только советская пропаганда, но и практическая политика властей привела к усилению среди белорусского населения тенденций радикальной антигосударственной оппозиции»⁵⁹, — справедливо отмечает Е. Миронович. Все это в значительной степени объясняет поведение населения Западной Беларуси, восторженно встречавшего появление на западнобелорусских землях частей Красной Армии в роковой для польского государства день 17 сентября 1939 года. При этом Красная Армия воспринималась белорусами восточных воеводств Польши не только как «красная», но и как «русская».

⁵⁷ ГАБО. Ф.1. Оп.8. Д.248. Л.116.

⁵⁸ Черновицкая Ю.В. «Косвенный» геноцид в современном обществе (социально-философские аспекты) // Вопросы философии. 2008. № 10. С. 167.

⁵⁹ Mironowicz E. Bia?orusini i Ukrai?cy w polityce obozu pi?sudczykowskiego. S. 125.

ЖЕРТВЫ, ГЕРОИ И ВРАГИ В МИФОЛОГИИ БЕЛОРУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Александр Дмитриевич Гронский,

кандидат исторических наук, заместитель руководителя
Центра евразийских исследований минского филиала
Российского государственного социального университета
(Минск)

В статье рассматривается формирование белорусским национализмом образа врага, жертвы и героя. Указывается, что эти образы направлены в основном на создание антироссийского дискурса. Именно Россия или русские выступают в образе врага, белорусы — в образе жертвы, а в образе белорусских героев выступают поляки, боровшиеся с Российской империей за возрождение Польши. Делается вывод, что данный взгляд характерен для активного меньшинства белорусов, пассивное большинство относится к истории более адекватно, однако меньшинство имеет возможности транслировать свою мифологию на массу, что может привести к формированию конструированной исторической памяти, которая заменит естественную историческую память.

Ключевые слова: враг, жертва, герой, Российская империя, Россия, Белоруссия, А.В. Суворов, К. Калиновский, польские восстания

The article dwells on the shaping of the images of the enemy, the victim and the hero by the Belarusian nationalism. It is pointed out that these images are mostly aimed at the creation of the anti-Russian discourse. It is Russia and the Russians that are presented as the enemy, the Belarusians as the victim, and the Poles that fought against the Russian Empire for the national revival of Poland as the Belarusian heroes. The author concludes that such an approach is typical of the active minority of the Belarusians, and the passive majority treats the history more adequately, but the minority has got opportunities to convey their mythology to the masses. This can lead to the formation of the constructed historical memory which can replace the natural historical memory.

Key words: the enemy, the victim, the hero, Russian Empire, Russia, Russian Empire, Byelorussia, A. V. Suvorov, K. Kalinowski, Polish rebellions

Формирование политических идей связано с представлениями о себе как о группе, выделяемой из иных групп. Для выделения собственной группы существует достаточно много способов. В частности, заинтересованные лица могут формировать некие маркеры, которые будут формировать представления о принад-

лежности к данной группе, о границах между своей группой и другими группами, а также давать оценку тому или иному событию, персонажу или явлению. Для таких целей подходят различные способы, в том числе и формирование образов врагов, жертв и героев, актуальных для данной группы. Эти образы вплетаются в существующие или создаваемые идеи, освящая их различными представлениями о прошлом и настоящем, о своих и чужих, о героях, врагах и жертвах. Однако иногда происходят сбои в формировании идей, т.к. члены группы, на которых эти идеи направлены, не принимают их в силу собственных представлений, житейского опыта, исторической памяти, политических влияний и других факторов. Причём оценки, используемые в формировании характеристики врага, жертвы или героя, могут быть как относительно объективными, так и сугубо субъективными, базирующимися на предположениях и фальсификациях. Часто эти образы (врага, героя и жертвы) формируется в настоящем, а потом переносится на ранние периоды истории, даже если в те времена нынешние отношения отсутствовали. Образы врага, героя и жертвы формируется заинтересованной группой лиц, которой может выступать государственная элита, партийная номенклатура, активисты общественных объединений, представители творческой интеллигенции, публицисты, писатели, учёные и псевдоучёные, политики. Эти люди любят говорить не только от своего имени, а от имени всех и часто не видят «ничего зазорного в том, чтобы своё мнение выдавать за мнение народа»¹.

Всё же собственную группу необходимо как-то выделять из остальных. Выделение своей группы из остальных похожих групп строится на придании последним негативных характеристик. Один из таких методов — закрепление за определённой группой или человеком образа врага. «Образ врага — это качественная (оценочная) характеристика (имидж), сформированная в общественном сознании»².

¹ Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. Москва, 2008. С. 456.

² Козырев Г.И. «Враг» и «образ врага» в общественных и политических отношениях [Электронный ресурс] // Федеральный образовательный портал ЭСМ. Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/881/626/1219/kozyrev.pdf> (дата обращения: 17.02.2016).

Определение кого-то как врага ведётся разными путями. В более простых случаях кого-либо попросту называют врагом. При этом заинтересованные в формировании образа врага лица предлагают поверить такому определению на слово, ссылаются на определённые авторитеты или общественное мнение, иногда готовят доказательную базу, состоящую обычно из подобранных определённым образом источников, знакомство с которыми заставляет сделать вывод о том, что некто есть враг. В этом случае, знакомясь с предложенными документами, человек попросту подтверждает сам для себя те выводы, которые сделали до него. Таким образом ведётся любая современная этнофобская пропаганда, когда на показ выставляются лишь негативные исторические примеры и характеристики, большая часть из которых (а может и все) попросту выдумана. К тому же негативные характеристики, свойственные одному лицу, можно распространить на целую группу. И если для одного лица эти характеристики будут верны, то для всей группы они могут быть вообще незначительными или практически отсутствующими. Так формировался образ врага из противников в гражданской войне, когда научные исследования и сборники документов отражали лишь одну сторону явления, а содержание документов подводило читателя к определённому выводу.

Иногда врага врагом не называют, а просто намекают, описывая качественные характеристики потенциального кандидата на роль врага. Естественно, что такие характеристики должны вызывать у читателей и слушателей определённое негативное отношение к объекту. Таким образом представление о враге формируется исподволь. Ведь инициаторы создания образа врага прямо не заявляли о том, что определённый объект и есть враг. Они лишь предлагают применить к кому-то определённый набор характеристик и сделать вывод. Например, таким образом формируются идеологические штампы, когда носитель конкретных характеристик — допустим, приверженец определённой идеи — определяется как враг. А приверженцем может быть любой человек, независимо от пола, возраста, социального происхождения и т.д. Главное, что оп-

ределённое лицо соответствует заданным характеристикам, этого достаточно.

И ещё более тонкий вариант формирования образа врага — это вообще отсутствие каких-то негативных характеристик. Взамен описывается некий герой или герои, их описание сугубо положительное, иногда даже подчёркивается их жизненная наивность, некая искренность, порой доходящая до инфантилизма, что оправдывает иногда неоднозначные, а иногда и откровенно отрицательные поступки героя. Обычно эти герои борются за «светлые идеалы». В таких случаях противники героев автоматически воспринимаются как враги, характеристики которых уже не важны. Главное, что они выступают против героя. Вот тут уместно вспомнить участников киевского майдана, поступки которых оправдывались борьбой за европейские, а значит положительные идеалы фразой «они же дети». А детям многое простительно. Они же якобы не по злему умыслу, а по наивности и искренности. Соответственно, противники «онижедетей» — «титишки», «Беркут», «москаля» и любые другие лица и группы, независимо от своих характеристик, воспринимаются как враги.

Более серьёзную опасность представляет поиск врага в прошлом, исходя из представлений о том, кто является врагом в настоящем. В таком случае враг приобретает черты вечного, исторического, который представляет опасность сейчас так же, как и в прошлом. «Самое худшее — это конструирование национальных версий прошлого на основе создания враждебного образа других народов и государств или на основе коллективной травмы, ответственность за которую возлагается исключительно на внешние силы»³, — пишет российский академик В.А. Тишков. Заинтересованным группам, стремящимся навязать своё видение большинству, необходимо провести негативную мобилизацию общества. И этим группам не важно, на-

³ Тишков В.А. История и историки в современном мире [Электронный ресурс] // Мир истории. Электронный журнал. 2010. №1. Режим доступа: <http://www.historia.ru/2010/01/tishkov.htm> (дата обращения: 15.02.2016)

сколько их конструкции соответствуют реальности. Важна «не столько реальность, сколько мнения и иллюзии субъектов политических действий»⁴.

Врагов стоит разделить на две категории: враг побеждённый и враг победивший. Первый тип врага не так страшен, он проиграл и опасности представлять не должен. К таким врагам в России, видимо, относятся предки современных турок, которые были задействованы в многочисленных русско-турецких войнах, шведы, проигравшие России Северную войну и т.д. Для народов постсоветского пространства, которые не подверглись мании пересмотра истории, такими побеждёнными врагами являются немцы. Несмотря на память о последней войне и понимание того, что доставили немцы оккупированным территориям, современных немцев в массе врагами не считают ни белорусы, ни россияне. Немцы как враги всё же остались в 40-х гг. XX в. Т.е. потомки врагов, побеждённых ранее, врагами не считаются. И даже, если в современности потомки побеждённых врагов опять вступают в конфликт с победителями, победители их не очень боятся, т.к. историческая память отсылает к прошлому опыту, в котором враги были побеждены. В частности, если проанализировать реакцию российского общества на введение европейских санкций в 2014 г., последовательным сторонником которых была Германия, то реакция россиян оказалась достаточно спокойной, серьёзных опасений введение санкций не вызвало, но появились шутки, напоминающие о прошлых конфликтах России и Германии. После того, как турецкий истребитель сбил российский бомбардировщик в Сирии, российское общество было возмущено, но страха перед Турцией никто не испытывал. В качестве персональных побеждённых врагов можно представить того же Наполеона. С образом А. Гитлера, как врага побеждённого, сложнее. Всё-таки А. Гитлер сделал очень много для того, чтобы сохраниться в памяти как носитель идеального зла. И этот шлейф будет тянуться за его образом очень долгое время.

⁴ Гозман Л.Я. Психология перехода // Вопросы философии. 1995. № 5. С. 20.

Враг победивший воспринимается по-другому. Он когда-то оказался сильнее, и упрощённый взгляд проигравших на исторические события требует отмщения если не в отношении победившего врага, то хотя бы в отношении его потомков. Враг победивший представляется опасным противником, противником до сих пор существующим и не побеждённым и поэтому очень раздражающим национальную гордость потомков побеждённых. Для современных поляков или турок на роль врага победившего вполне подходит генералиссимус А.В. Суворов. Ведь именно он в прошлом доставил много неприятных моментов для национальной гордости современных польских или турецких граждан.

Для белорусской ситуации образы врагов зачастую представляют странную картину. Поскольку белорусское национальное сознание стало оформляться лишь в первой половине XX в., то именно XX в. стал тем временем, когда на исторической арене присутствовали носители именно белорусской идентичности, а не польской или иной другой, которые белорусские исследователи часто любят выдавать за белорусское самосознание. Именно при советской власти стали впервые массово конструироваться образы белорусских врагов. Причём, благодаря национальной политике, проводимой большевиками, у новых образов и символов появился административный ресурс, с помощью которого происходило внедрение образов. Именно поэтому, те персонажи, которые были оценены как враги для советской идеологии, стали восприниматься врагами и для локальных версий большевистской идеи, в том числе и белорусской. Так, генерал-губернатор М.Н. Муравьёв, который вывел белорусских крестьян из временнообязанных отношений, т.е. лишил влияние помещиков на крестьянскую массу, превратился во врага, поскольку он также подавил польское восстание 1863-1864 гг., воспринимаемое в советской трактовке положительно. Русская армия также оценивалась негативно, поскольку подавляла восстание. В то же время повстанцы, на совести которых жертвы не только среди русских солдат, подавлявших восстание, но и среди обычных крестьян, воспринимались как борцы за народное счастье.

Некоторые персонажи прошлого в СССР не потеряли актуальности. В частности, великие полководцы периода Российской империи. Например, не проигравший ни одного сражения А.В. Суворов, которому, несмотря на его не очень трудовое происхождение, воздали дань уважения и в СССР, учредив орден его имени и создав ряд музеев. Однако разрушение советской идеологической конструкции вызвало в идеологическом восприятии людей пустоты, которые быстро заполнились самодельными интеллектуальными протезами. Для новых идеологов было необходимо разрушить до конца старые идеологические стереотипы. Новая локально-национальная идея создавалась по простейшему сценарию — опровергнуть всё, что было до неё. А поскольку в конце 1991 г. Советский Союз перестал существовать и бывшие союзные республики стали независимыми государствами, пришлось создавать новые представления о реальности по упрощённому сценарию — на основе негативных коннотаций. Самый простой вариант рассуждений был примерно следующим: мы сейчас независимы — это положительный момент; ранее были зависимы — это отрицательный момент; от кого раньше мы были зависимы? — от Москвы, т.е. от России. Вывод из таких рассуждений опять же был очень простой — в том, что мы страдали от отсутствия независимости, виновата Россия. Реальная проблема в том, что в период, когда эти территории включались в состав России, на них не было национальной государственности. Не было в конце XVIII в. белорусской, украинской, прибалтийских и др. государственностей. Государственность этих территорий вызрела в период гражданской войны 1918-1922 гг. Но, если учитывать все эти моменты, тогда нельзя на скорую руку создать эффективно-эмоциональную национальную идею. В белорусском случае образчиком такой ускоренной работы, когда идеологическое мировоззрение лепилось из набора не просто мифов, но откровенных фальсификаций, служит небольшая книга «100 пытанняў і адказаў з гісторыі Беларусі»⁵. То, что эта книга является не откровением истори-

⁵ 100 пытанняў і адказаў з Гісторыі Беларусі / Уклад. І. Саверчанка, Зм. Санько. Мінск, 1993. 80 с.

ческой правды, а попыткой быстрого способа создать новую национальную мифологию, говорит уже то, что в ней нет ни одного упоминания о Великой Отечественной войне — самом важном событии, с точки зрения исторической памяти, которое до сих пор переживается людьми. Несколько раз упомянута Вторая мировая война, но лишь как фон для описания событий или персонажей⁶. Естественно, не обошлось в книге и без упоминания о «врагах», например, о том же Суворове. Ему была посвящена статья⁷, также его имя упоминалось в статье, выдающей польские восстания за белорусские⁸. Суворов поставлен в один ряд с В.И. Лениным, И.В. Сталиным и Л.П. Берией. В данном случае проявляется извечная попытка создать миф о том, что у белорусов всегда существовал враг с Востока. Этот «враг с Востока» олицетворяет собой некую общность, монолит, поэтому в дискурсе белорусского национализма обычно нет анализа того, что разные «враги белорусского народа» вообще-то в отношении друг друга также были врагами. Например, русские монархисты и большевики. Поэтому ставить на одну доску например, Ленина, объявившего право наций на самоопределение, и того же Суворова, жившего тогда, когда идея белорусской нации ещё не существовала, бессмысленно с точки зрения логики и здравого смысла, но очень эффективно с точки зрения создания представлений о постоянной угрозе с Востока.

Для более негативной окраски врага победившего необходимо демонизировать его образ. И не важно, что реальность не соответствует тем обвинениям, которые обращены к формирующемуся образу врага. Самое главное, объявить о том, что «враг» пролил много крови, лучше всего, если эту кровь сделают «кровью наших предков». Так и появляются утверждения, что кобринское имение Суворову было пожаловано «за пролитую бе-

⁶ Біч М. Хто такі Вацлаў Іваноўскі // 100 пытанняў і адказаў з Гісторыі Беларусі. С. 59; Тарасаў К. Якія войны прынеслі найбольшыя страты народу Беларусі? // Там же. С. 73.

⁷ Тарасаў К. Які след у гісторыі Беларусі пакінуў Суворав? // Там же. С. 50-51.

⁸ Арлоў У. Як беларусы змагаліся супраць расейскага панавання? // Там же. С. 52.

лорусскую кровь»⁹. А «весь его [Суворова — А.Г.] вклад в белорусскую историю — кровь наших предков»¹⁰. Однако, все утверждения, относительно «белорусской крови», пролитой Суворовым, обычно не сопровождаются какими-то отсылками к источникам. Если же такие отсылки появляются, то указывают на единственное кровавое событие — штурм Праги (например, см. одну из «антисуворовских» работ, в которой имеются ссылки под авторством Е. Анищенко¹¹), т.е. эти ссылки не дают возможности обвинить Суворова в пролитии именно белорусской крови. Однако у поляков свои взгляды на Суворова и собственные претензии к нему. За постоянными упоминаниями варшавских событий теряется самый главный смысл белорусских споров вокруг Суворова: был ли генералиссимус «палачом белорусского народа»?

Зачастую при создании образа врага конструкторы не обращают внимание на отсутствие логики. В частности, в блоге Н. Лось появилась заметка «Суворов в Беларуси»¹². Это пересказ статьи «Храм-памятник вешателю Суворову» (газета «Секретные исследования» №3 2007 г.), которую, если говорить мягко, можно назвать средоточием самых дремучих мифов и исторического невежества. Там сказано, что при штурме варшавского предместья Прага «солдаты и казаки Суворова вырезали все население, сопровождая погром массовыми изнасилованиями и пытками, а ради устрашения стали носить на пиках и штыках трупы мертвых младенцев». Если солдаты вырезали всё население, кого они собирались устрашать? Друг друга или своего военачальника?

«Суворов никогда не участвовал в освободительных войнах, он был тем полководцем, который старательно исполнял волю и пожелания Екатерины II и Павла I в расширении границ российс-

⁹ Тарасау К. Які след у гісторыі Беларусі пакінуў Сувораву? С. 50.

¹⁰ Там же. С. 50.

¹¹ Анищенко Е. Имперский реликт [Электронный ресурс] // Інстытут беларускай гісторыі і культуры. Режим доступа: <http://inbelhist.org/imperski-j-reликт/> (дата обращения 10.02.2016).

¹² Лось Н. Суворов в Беларуси [Электронный ресурс] // Дневник Batik-Los. Режим доступа: <http://www.liveinternet.ru/users/batik-los/post293562953/> (дата обращения 11.02.2016).

кой империи, подавлении восстаний Пугачёва, Костюшко, противодействии войскам республиканской Франции в Европе. Боевыми действиями в Белоруссии Суворов помог исполниться вечной мечте русских царей о захвате белорусских земель. Те белорусы, кто ценит Суворова, ценят завоевателя нашей земли. Официальное же участие в культе Суворова — свидетельство верности имперскому хомуту»¹³, — пишет белорусский мифотворец.

Однако Суворов сражался с «войсками республиканской Франции» не во Франции, а на территории Италии и Швейцарии. Что на этих землях делали французы? Суворов в Итальянском и Швейцарском походах победил, как бы сейчас сказали, французских оккупантов. Т.е. Суворова можно воспринимать как освободителя, тогда получается, что Суворов всё-таки участвовал в освободительных войнах. И поэтому фразу о том, что «закалённая в захватнических походах царская армия, во главе которой стоял А. Суворов, подавила восстание»¹⁴, можно воспринимать лишь как элемент пропаганды, при котором говорится не вся правда, а лишь её часть, причём в той интерпретации, которая выгодна производителям мифа о врагах. Стоит привести обратный пример. Руководитель польского восстания 1794 г., которое подавлялось в том числе и Суворовым, А.Т.Б. Костюшко, принимал участие в войне за независимость Северной Америки. Его можно воспринимать или как сторонника американской независимости, или как человека, поддерживавшего сепаратизм и выступавшего против территориальной целостности Британской империи.

Ещё один образ, которым пользуются для создания идеологических конструкций — жертва. Если существует враг, то существует и жертва. На роль жертвы могут претендовать невинно пострадавшие, в первую очередь дети, женщины, старики¹⁵. Жертвой также могут себя объявить и те, кто всего

¹³ Там же. С. 51.

¹⁴ Арлоу У. Указ. соч. С. 52.

¹⁵ Козырев Г.И. Жертва и конфликт: социально-антропологический анализ [Электронный ресурс] // Геннадий Козырев. Персональный сайт. Режим доступа: <http://kozyrev-gi.ru/pages/zhertva-i-konflikt/> (дата обращения: 08.03.2016).

лишь примеряет на себя возможный подобный статус, даже если они не соответствуют критериям жертвы¹⁶. В частности, как потенциальные жертвы с 2014 г. ведут себя страны Прибалтики, которые не только активизировали представление о России как о враге, но и заявили о якобы желании России напасть на Прибалтику, хотя Россия никакого повода для таких выводов не давала. Определённые люди, группы или даже государства попросту могут объявлять себя потенциальными или реальными жертвами, пользуясь им одним ведомой системой логических, а чаще алогичных рассуждений. В данном случае, речь не идёт о том, что самодеятельные жертвы или псевдожертвы обязательно станут реальными. Сторона, которая выбрана в качестве врага, вообще может не реагировать на жертвенное поведение соседей и даже не замечать его. Конструирование жертвы один из способов управления конфликтом, стремление с помощью выставления на показ трагедии создать выгодную для себя в текущем конфликте ситуацию и добиться своих целей. Иногда трагедия уже случилась или случается в данный момент, а иногда трагедия всего лишь предполагается как возможное и часто нереальное будущее.

Формирование образа жертвы определяется существующей традицией, текущей ситуацией, конкретными целями и задачами. Чем жертва более серьёзна, чем более она совмещает в себе признаков жертвы, тем, по мнению тех, кто создаёт образ жертвы, она ценнее. А значит, враг, тот, кто якобы допустил насилие в отношении жертвы, должен заплатить за это соответствующую цену, компенсировать страдания¹⁷. Чем серьёзнее, значимее жертва, тем большая виновность лежит на враге и тем большая компенсация ожидается от него. Также наличие жертвы стимулирует желание наказать виновных, т.е. совершить в отношении их

¹⁶ Козырев Г.И. Конструирование «жертвы» как способ управляемой конфликтной ситуации // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 64, 65.

¹⁷ Козырев Г.И. Жертва и конфликт: социально-антропологический анализ [Электронный ресурс] // Геннадий Козырев. Персональный сайт. URL: <http://kozyrev-gi.ru/pages/zhertva-i-konflikt/> (дата обращения: 08.03.2016).

акт отмщения, т.е. сделать жертву из виновных. Такая реакция бывает как заслуженной, так и не заслуженной, когда некто сам определяет себя как жертву, соответственно, сам назначает ответственного за такое своё состояние, т.е. выбирает врага, а потом совершает по отношению к нему акт агрессии. В этом случае получивший статус врага становится жертвой, т.к. на него было совершено нападение. Но эта жертва-враг становится таковой, поскольку нападение на неё объясняется превентивными мерами. Самым известным примером конструирования жертвы-врага, видимо, является заявление Берлина о нападении на немецкую радиостанцию польских пограничников в 1939 г., что дало повод к началу Второй мировой войны. В данном случае Польша подверглась нападению, т.е. стала жертвой, потому, что из неё сначала был сформирован образ врага, напавшего на радиостанцию.

Также жертва-враг может являться заместительной жертвой, на которую взваливаются все собственные неудачи¹⁸. Т.е. человек, группа лиц или страна становится жертвой якобы обоснованно, потому что она заранее представляет угрозу, т.е. является врагом. Например, когда после мирового экономического кризиса 2008 г. белорусская экономика просела, по мнению некоторых белорусских бюрократов, в этом оказалась виновата Россия, которая якобы перестала покупать белорусские товары, тем самым сократив приток валюты в страну. Т.е. давно назревшие по собственной вине проблемы в белорусской экономике были списаны на Россию. Заместительная жертва позволяет оправдывать созданные по причине собственной деятельности проблемы, перекладывая вину за них на другую сторону. Также жертва-враг даёт возможность обосновать агрессию в отношении неё как превентивные меры, направленные против якобы готовящихся попыток жертвы-врага к нападению.

Наличие жертвы позволяет идентифицировать людей как своих или чужих по принципу отношения к жертве (признание не признание геноцида армян и геноцида русинов в Первую мировую войну, «голодомора», сталинских репрессий и т.д.). Те, кто разделяет представление о жертве, становится союзни-

¹⁸ Там же.

ком, кто не разделяет — противником или даже врагом. В данном случае не важна объективность в отношении наличия или отсутствия страданий, важен идеологический посыл, одобренный эмоциональными переживаниями. Также наличие жертвы позволяет создать образ врага из того, кто якобы стал виновником такой ситуации, и консолидировать общество на борьбу с этим виновником. Если же на памяти о жертвах воспитывают подрастающее поколение в духе того, чтобы не допустить повторения жертв в будущем, то виновный в жертвах может приобрести черты вечного врага. Также образ вечного врага может сформироваться, если образ жертвы станет стереотипным через появление его в культуре и массовом сознании.

При сознательном конструировании жертвы всегда существует то, что обозначается как «рентная функция», когда состояние жертвы обменивается на определённые блага или выгоды¹⁹. Т.е. жертва создаётся для того, чтобы получить доступ к ресурсам или благам. Пример — мать украинской лётчицы Н. Савченко, обвинённой в России и воспринимаемой как герой на Украине, захотела земельный участок не где-нибудь, а в Киеве, а когда ей предложили участок, она попросила другой, более престижный. Жертва — мать, которая долго не увидит дочь, пытается благодаря положению жертвы получить доступ к благам определённого, не самого низкого уровня. В данном случае это жертва не социальная, а игровая. В некоторых случаях позиционировать себя жертвой выгодно, т.к. можно иметь прогнозируемое будущее, если постоянно поддерживать в якобы виновных чувство вины, которое будет компенсироваться определёнными компенсациями.

Реальная жертва и её конструируемый образ могут быть очень далеки друг от друга. При конструировании учитываются многие факторы, чтобы жертва получила образ социально значимый как для своих, так и для чужих или сторонних наблюдателей. В ходе конструирования могут как появляться отсутствующие у реаль-

¹⁹ Одинцова М.А. Функциональный аспект манипулирования в поведении индивида с установкой «жертвы» // Вестник Чувашского университета. 2011. № 1. С. 201.

ной жертвы черты, так и удаляться присутствующие, которые невыгодны для создания образа жертвы. В частности, в белорусском учебнике истории для 9 класса есть такая цитата: «Манифест 17 октября 1905 г. отменил все запреты, которые тормозили развитие национальных языков в Российской империи»²⁰. Однако объявленные свободы не выполнялись. Летом 1906 г. в деревне Николаевщина Минского уезда произошло нелегальное собрание народных учителей. [...] Собрание было раскрыто полицией. Его участникам, среди них и Я. Коласу, довелось отсидеть в Минской тюрьме»²¹. По сути, данная цитата обвиняет российскую полицию в преследовании учителей, которые говорили о переводе образования на белорусский язык после того, как был издан Манифест, в котором якобы отменялись запреты на использование языков. Однако обратим внимание на то, что съезд был нелегальным, т.е. он нарушал законодательство в любом случае, и не важно, о чём на нём говорилось. Таким образом, восстановление административного порядка подаётся как борьба с белорусским языком и невыполнение императорского Манифеста, а нарушители становятся жертвами.

Жертвами России стали и польские (в белорусских представлениях — белорусские) магнаты, не имевшие в Российской империи возможности занимать должности губернаторов и генерал-губернаторов, которые «занимали только чиновники, которые верой и правдой служили самодержавию»²². Однако, если учитывать, что польские магнаты были настроены не очень

²⁰ Нужно заметить, что Манифест 17 октября 1905 г. не отменял запреты, тормозившие использование «национальных языков». Манифест давал свободу слова, но не разрешение на использование «национальных языков». отмена распоряжений «стесняющих употребление местных языков в Западном крае» произошла согласно Закону от 1 мая 1905 г. См. Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. Т. XXV. 1905. Отделение I. От № 25605—27172 и дополнения. Санкт-Петербург, 1908. С. 287 (закон № 165).

²¹ Марозава С.В., Сосна У.А., Паноу С.В. Указ. соч. С. 122

²² Марозава С.В., Сосна У.А., Паноу С.В. Гісторыя беларусі, канец XVIII — пачатак XX ст.: вучэбны дапаможнік для 9 га кл. устаноу агульнай сярэдняй адукацыі з беларускай мовай навучання. 2 е выд., дап. і перагледж. Мінск, 2011. С. 7.

лояльно к своей новой Родине, был ли смысл назначать их в руководство новой региональной администрации? Такая политика российских властей не была каким-то стремлением создать из польских магнатов жертв российской администрации, а происходила от желания обезопасить себя от нелояльных чиновников на высших должностях. Черты жертв, пострадавших от России, приписываются также и белорусским крестьянам, которые «как и другие податные сословия, интересовали власти Российской империи в первую очередь с точки зрения пополнения доходов казны»²³. Однако в описании жизни белорусских крестьян в Польше такие указания на массовую эксплуатацию отсутствуют. Именно поэтому у учеников может возникнуть убеждение, что только в Российской империи белорусских крестьян рассматривали с точки зрения доходов казны, а в Польше в основном всё было хорошо. И всё же белорусов действительно можно представить в виде жертвы, но виновником этого будет выступать не Россия. Представление о белорусах как о жертве было сформулировано и навязано самими белорусскими националистами. Причём в период белорусизации 20-х гг. XX в. белорусским крестьянам откровенно навязывали новые нормы идентичности, речи и прочих признаков, чему белорусы сопротивлялись²⁴. Несмотря на то, что отношение к белорусизации в отдельных регионах было отрицательным у большинства населения, а положительное лишь у одиночек²⁵, белорусизация продолжалась. Получается, что над теми, кто был против белорусизации, совершалось насилие, их заставляли быть жертвами. И делали это не «русские оккупанты» или «русификаторы», а белорусизаторы.

²³ Там же. С. 12

²⁴ См., например, подборку документов в разделе «Противоречия белорусизации» из сборника: Беларусізацыя. 1920-я гады: Дакументы і матэрыялы. / У. К. Коршук, Р. П. Платонаў, І. Ф. Раманоўскі, Я. С. Фалей; Пад агульнай рэд. Р.П. Платонава і У. К. Коршука. Мінск, 2001. 270 с.

²⁵ Белорусизация. 1920-е годы: Документы и материалы (дополнение) [Электронный ресурс] // Западная Русь. Режим доступа: <http://zapadrus.su/bibli/arhbib/82-2012-12-19.html> (дата обращения 7.04.2016)

Жертвы можно разделить на пассивные, которые пострадали случайно — жертвы природных катаклизмов, гражданские жертвы войн, т.е. те, кто просто случайно оказался в эпицентре трагедии. Кстати, белорусский народ в целом можно отнести как раз к пассивной жертве. Люди, сами того не желая, оказались на той территории, которая подверглась административному давлению в виде белорусизации. И на активные жертвы, те, которые пострадали по причине наличия у них определённой политической, религиозной, социальной или иной позиции и пытались навязать её другой стороне. Если добавить к образу жертвы информацию о её борьбе за справедливость, тогда жертву можно героизировать. Жертва-герой не является жертвой в полном смысле, т.к. она является стороной конфликта, но в массовом сознании такой герой является жертвой, т.к. он пожертвовал жизнью или статусом ради высокой цели и общего блага.

Вообще, героизация прошлого — один из основных элементов создания национальной идеи. Героизация показывает то, что за эту идею боролись предки, т.е. героизация освящает нынешнюю борьбу и придаёт этой борьбе исторический смысл. Обычно героизация прошлого соответствует реалиям современности: чем более потенциален национализм, тем более «боевые» герои появляются в прошлом. Героизируются совершенно различные персонажи, а если их деятельность не вызывает прямых ассоциаций с героикой национальной борьбы, тогда эти ассоциации конструируются. Националисты берут на себя труд дешифровать исторические реальности, но дешифруют они их в собственной системе знаков, чаще всего перекодируя, а не расширявая.

Национализмы рассматривают прошлое как некую современность, но существовавшую ранее, из-за чего прошлое нагружается различными современными символами, знаками, идеями, одним словом происходит модернизация прошлого. Именно поэтому национальная героика прошлого конструируется с учётом представлений современности. Это делается по двум причинам. Во-первых, нужно доказать любому обывателю, что национальный герой прошлого — это именно национальный ге-

рой, поэтому ему придаются именно те черты, которые являются актуальными для современного национализма. Во-вторых, собственно националистам нужно чувствовать сопричастность с прошлым, быть уверенными, что их идеи — это не нововедения XIX–XX вв., а длительная национальная традиция. Это нужно для фанатиков и для искренних националистов, для тех, кто в восприятии других является представителями нации.

Национализм, базирующийся на интеллигентской околонучной или научной пропаганде, будет искать в прошлом национальную борьбу в виде текстов, которые сами по себе несут совершенно конкретный смысл, но при анализе их заинтересованными лицами приобретают совершенно другое, «нужное» наполнение. Те националисты, которые не хотят нагружать себя интеллектуальной работой, стремятся искать в прошлом героев-бойцов, тех, кто не писал книги, которые можно трактовать двояко, а конкретно действовал на благо нации. Хотя в реальности «герой» мог решать собственные задачи, а современные интерпретаторы наполнили его поведение национальным смыслом.

Актуализация героев-бойцов может происходить под воздействием не только агрессивного национализма, но и агрессивной внешней среды, например, в период войны. В военное время на первый план в виде позитивной, а значит, значимой информации выходят рассказы о подвигах, таким образом, «правильные» герои это те, которые защищают свою родину, подвергая опасности свои жизни. В общем, национализм чётко реагирует на внешнюю среду и выдвигает героев, адекватных нынешнему состоянию общества для того, чтобы общество почувствовало как можно более тесную связь со «своим историческим прошлым». Если национальные герои будут соответствовать бытующему в современном обществе стереотипу, тогда их легче принять обывателю в качестве «своих».

До сих пор очень часто в спорах о том, кто же на самом деле является белорусским национальным героем, используется достаточно размытый набор критериев. Некоторые считают белорусскими героями белорусов по крови, тогда встаёт вопрос, как быть с историческими персонажами, жившими до

появления белорусов. Другие видят «своих» во всех, кто здесь родился, а прославился за пределами Белоруссии. Третьи считают своими тех, кто жил и действовал на благо Белоруссии, хотя понятие о благе для белорусского народа тоже у каждого своё. В начале XX в. белорусскими героями пытались представить белорусов, действующих на благо Белоруссии. Причём самой большой проблемой было как раз определение кого-либо как белоруса. Объявить какого-либо исторического персонажа белорусом и создать систему доказательств этого — вот что являлось одной из главных задач белорусского национализма начала XX в.

Для становления и развития любой нации нужны национальные герои — люди, на которых будут равняться остальные представители нации. Белорусский национализм начала XX в. таких героев сразу предложить не смог. Герой, литературный или национальный, представляет собой не конкретного человека, а некий идеальный образ, который является эталоном для представителей нации. Национальный герой быстро обрастает легендами и мифами и воспринимается уже как некий сверхчеловек с идеальной биографией, не делающий ошибок. Именно идеальный образ, а не его реальный прототип является национальной гордостью. Образ героя начинает транслироваться в художественной литературе, восприятие этого образа становится шаблоном, а этот шаблон как объективную реальность начинают использовать околонучные исследователи-популяризаторы и даже иногда серьёзные учёные. Мифы о героях полнее свидетельствуют о героическом образе, чем строчки реальных биографий²⁶. К тому же реальные национальные герои, как и любой человек, обладают рядом неидеальных черт. Пока такой «герой» жив, «баланс героического и негероического в нём колеблется и не предreshён. Однако смерть всё ставит на свои места»²⁷. Живущий претендент на звание национального героя может повести себя неподобающим обра-

²⁶ Сапронов П.А. Феномен героизма / Сапронов П.А. Изд. 2-е исправ. и доп. Санкт-Петербург, 2005. С. 12.

²⁷ Там же. С. 11.

зом, чем дискредитировать саму «национальную» идею, тем более, если она находится в зачаточном состоянии и практически не имеет шансов выжить.

Первые белорусские националисты не могли найти «национальных героев», способных удовлетворить всем требованиям. Инициатор белорусского национализма Ф. Богушевич, призывая крестьян к идентификации Великого княжества Литовского с Белоруссией, тем не менее, не называл конкретных белорусских героев, сражавшихся за родину в средние и иные века²⁸. В начале XX в. белорусский национализм начал эксплуатировать образы великих князей литовских как белорусских правителей. Эта привычка была вычищена советским периодом, но осталась в среде белорусской эмиграции, а в период перестройки опять вернулась в белорусскую историографию и эксплуатируется до сих пор, что вызывает логичные обвинения со стороны некоторых российских учёных²⁹. Однако героизация средневековых князей оказалась для начала XX в. неудачным проектом. Крестьянин попросту не замечал никакой логической или другой связи между деяниями, например, великого князя литовского Витовта и современной крестьянину начала XX в. ситуацией. Кроме того, сами крестьяне не являлись носителями какого-то регионального патриотизма. Причём такая ситуация тянулась достаточно давно, с периода первых уний Великого княжества Литовского с Польшей. Польское влияние на жизнь западнорусского населения привело к тому, что постепенно у высших слоёв героические русские образы трансформировались в польские, т.е. поменялся пантеон героев. Огромная же масса крестьянства своим положением вообще была выведена за рамки циркуляции различных государственно и территориально ориентированных высоких эмоций. Таким образом, для западнорусских/белорусских крестьян,

²⁸ Текст «Предисловия» к «Дудке белорусской» см. в: Багушэвіч Ф. Творы / Ф. Багушэвіч; Уклад. і прадм. Я. Янушкевіча; Камент. У. Содала, Я. Янушкевіча. 2-е выд. Мінск, 2001. С. 21-22.

²⁹ Володихин Д. История России в мелкий горошек / Д. Володихин, О. Елисеева, Д.Олейников. Москва, 1998. С. 4.

патриотизм был ненужной эмоцией, которая была актуальна для других социальных групп, но не для крестьянства. Постепенно народная масса стал забывать русский героический эпос, бытовавший ещё со времён Древнерусского государства, поскольку он оказался не нужен крестьянам для существования в своей социальной нише, а для перешедших в другую, более высокую нишу, актуальными были уже не русские, а польские герои. Академик Е.Ф. Карский в своей работе «Белорусы» указывал, что от богатырских былин остались лишь несвязные воспоминания. Сами русские былины были попросту вытеснены польской героикой, на которую в своё время переориентировалась шляхта Великого княжества Литовского³⁰. С конца XVIII в., когда восточные земли Польской Речи Посполитой вошли в состав Российской империи, у белорусских крестьян стала появляться общерусская имперская героика. Это было связано в первую очередь со службой в российской армии. Если крестьяне в Польше никогда не имели статуса защитников Родины, этим занималась шляхта, то в Российской империи служба в армии не давала абсолютно всем перспектив перейти в другой социальный слой. Белорусские крестьяне, отслужившие в императорской армии, возвращались к себе в деревни и, рассказывая о боевых действиях против других государств, подспудно формировали у крестьянской молодёжи уверенность в том, что крестьяне также причастны к защите Родины, которая в этом случае начинала представляться не как небольшой регион, а как большая страна. Судя по всему, российский имперский патриотизм у белорусских крестьян уже начал формироваться ко второй половине XIX в. Видимо, именно поэтому польские повстанцы в 1863 г. расправлялись с отставными солдатами, вернувшимися в свои деревни, даже если эти отставники были католиками. Общерусский имперский патриотизм блокировал эффективность как польской, так и появившейся в начале XX в. белорусской пропаганды.

³⁰ Карский Е.Ф. Белорусы: в 3 т. / Е.Ф. Карский. Т. 3. Кн. 1. Очерки словесности белорусского племени. Минск, 2007. С. 492.

Себя на роль героев белорусские националисты того времени выдвинуть не могли по вполне тривиальным причинам — они вряд ли пошли бы на верную смерть ради идеала свободной и независимой Белоруссии. Ведь герой должен обладать, кроме всего прочего, элементом трагизма: умереть за родину, сражаясь с превосходящими силами врагов, погибнуть под пытками, но не отречься от великой идеи, наконец, просто потерять семью из-за своей общественной деятельности на благо Отечества. Вариантов трагизма множество. Трагедия — результат и смысловой предел героизма³¹. Ничем из перечисленного набора трагизмов белорусские националисты не обладали. Они были обычными интеллигентными людьми своей эпохи, не желавшими резких перемен и готовых удовлетвориться хотя бы признанием своей региональной значимости. Первые белорусские националисты не имели харизмы, они не были вожаками масс и не могли ради идеи пойти на смерть. Они предпочитали приспосабливаться к изменяющейся ситуации, чтобы выжить и продолжать действовать. Естественно, что, сохраняя себе жизнь в любых условиях, белорусские националисты получали возможность и дальше вести пропаганду, однако никто из них не решился на смерть ради идеи, чтобы его образ оставшиеся в живых могли эксплуатировать как героический. В итоге коллаборационистское поведение представителей белорусского национализма, его заигрывания с любой доминирующей в регионе силой отталкивали от него крестьянскую массу, не привыкшую понимать тонкости высокой политической игры и уступок ради достижения своих целей.

Нужно заметить, что белорусский национализм старался не конфликтовать с реальной властью. Так, в период до Первой русской революции разговор шёл о культурной автономии, во время революции прозвучали более радикальные призывы (например, свержение самодержавия). Это произошло потому, что власти в 1905 г. были растеряны и инициативу в идеологической доминанте в Северо-Западном крае Российской империи переняли польские националистические и революционные партии,

³¹ Сапронов П.А. Указ. соч. С. 15.

выступавшие за ликвидацию монархии. С 1906 г. белорусский национализм вновь переходит на более лояльные по отношению к имперской власти позиции и становится больше культурно-просветительским явлением, чем общественно-политическим. В период Первой мировой войны националисты, оказавшиеся под немецкой оккупацией, зафиксировали свою лояльность оккупационным властям, а в 1918 г., после того, как немецкие войска вошли в Минск, белорусские националисты даже отправили телеграмму кайзеру с благодарностью за избавление от большевизма³². После того, как вместо немцев Минск оккупировали поляки, националисты приветствовали нового «освободителя из-под российского империализма» Ю. Пилсудского³³. А позже, когда Литва и Польша спорили о том, кому должно принадлежать Вильно, белорусские националисты, оказавшиеся в Литве, в обмен на финансовую поддержку литовского правительства обязались в случае референдума признать Вильно литовской, а не польской территорией, хотя сами претендовали на этот город как на центр белорусской культуры и националистической деятельности³⁴. Достаточно ярко коллаборационистскую составляющую белорусского национализма вскрыла Великая Отечественная война. Отчасти последняя проблема затронута, например, в диссертации А.В. Беяева³⁵.

Другой проблемой разработки белорусской национальной героики стало стремление найти таких персонажей, которые бы могли своей жизнью и поведением подчёркивать отдельность белорусов от русских или поляков. Декларирование так называемого «литвинского патриотизма», когда польская по самосознанию элита Великого княжества Литовского подчёркивала

³² Текст телеграммы см. в: Турук Ф. Белорусское движение. Очерк истории национального и революционного движения белоруссов / Ф. Турук. Москва, 1921 [Репринт]. С. 124.

³³ Мірановіч Я. Найноўшая гісторыя Беларусі / Я. Мірановіч; Навук. рэд. А. Краўцэвіч. Санкт-Пetersбург, 2003. С. 43.

³⁴ Там же. С. 50.

³⁵ Беяев А.В. Местная вспомогательная администрация в системе немецко-фашистского оккупационного режима в Беларуси (1941-1944 гг.). Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А.В. Беяев. Минск, 2005. 132 с.

некоторые свои отличия от жителей собственно Польши, не могло служить примером, поскольку все эти различия в предках могли быть постигнуты людьми интеллигентных профессий. Для крестьян же всё должно представляться более просто.

Националистическая (а с точки зрения националистов — национальная) героика стала оформляться достаточно поздно — во время Первой мировой войны. Пожалуй, первым «белорусским национальным героем» стал Викентий Константин Калиновский — один из руководителей польского восстания 1863–1864 гг. в Северо-Западном крае. Впервые, судя по всему, «белорусскость» Калиновского сконструировал активный деятель «нашенивского» белорусского движения В.У. Ластовский в своей статье «Памяці Справядлівага» в газете «Гоман» № 1 от 15 февраля 1916 г.³⁶ В этой статье проявились первые попытки составить биографию идеального белорусского героя³⁷. Причём объяснение некоторых черт его идеальности, скорее всего, следует искать в ситуации, которая сложилась на западе Российской Империи в 1916 г., а именно — часть Империи была оккупирована немецкими войсками, и там в тот момент находился Ластовский. Поэтому для поддержания имиджа национального героя, хорошо было подчеркнуть антирусскую направленность деятельности Калиновского. Она заметна невооружённым глазом, но было необходимо придать этой антирусскости белорусские черты, наверное, поэтому Константин (или в польском варианте Констант) стал у Ластовского Касцюком³⁸. Таким образом, первый миф — белорусское имя Калиновского — родился в 1916 г. на оккупированной немцами территории. Позже Игнатовский трансформировал «Касцюка»

³⁶ Ластоўскі В. Выбраныя творы / В. Ластоўскі; Уклад., прадмова і каментарыі Я. Янушкевіча. Мінск, 1997. С. 306–308.

³⁷ Подробнее о механизме создания из Калиновского белорусского национального героя см. в: Гронский А.Д. Конструирование национального символа: К. Калиновский / А.Д. Гронский // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы: материалы IV международной научной конференции, Гомель, 26–27 мая 2005 г., / ГГТУ им. П.О. Сухого; под ред. В.В. Кириенко. Гомель, 2005. С. 269–271.

³⁸ Ластоўскі В. Указ. соч. С. 306.

в «Кастуся», что и закрепилось до наших дней³⁹. Деятельность Касцюка/Кастуся стала постепенно наполняться мифической борьбой за независимость белорусского народа. На самом деле ничего белорусского в деятельности Калиновского не было, а апеллирование к тому, что он писал листовки на белорусском языке несостоятельно только потому, что, например, немцы в период Великой Отечественной войны тоже выпускали листовки на белорусском языке, но немцев не считают ни белорусским патриотами, ни белорусскими националистами⁴⁰. Образ Калиновского-белоруса был выгоден националистической пропаганде того времени, поскольку на тот момент являлся очень конъюнктурным.

Ярким примером формирования образа врага не из конкретного персонажа, а из целого народа служит интервью профессора А. Грицкевича о К. Калиновском, в конце интервью были приведены «самые известные цитаты Калиновского», например, эта: «Толькі тады, народзе, заживеш шчасліва, калі над табою Маскаля ужэ ня будзе!»⁴¹ Достаточно чёткое указание на тех, кто мешает жить счастливо, и неважно, что Калиновский боролся за польское государство и писал, обращаясь к белорусским крестьянам: «Мы, кто живет на земле Польской, кто ест хлеб Польский, мы, Поляки с веков вечных»⁴².

³⁹ Кастуся Калиновского на самом деле звали Викентий. Интервью с А. Грицкевичем [Электронный ресурс] // Салідарнасць. Режим доступа: <http://www.gazetaby.com/cont/print.php?sn-nid=11203>. (дата обращения: 8.02.2016).

⁴⁰ Подробнее о деятельности Калиновского и его интерпретациях в белорусской исторической науке см.: Гронски А. Национально-религиозни погледи В.К. Калиновског и ?ихови одѣци у «Мужичко: истини» за време по?ског устанка 1863-1864. године / А. Гронски // Српска политична мисао. 2004. С. 243-264; Гронский А.Д. Конструирование образа белорусского национального героя: В.К.Калиновский // Белоруссия и Украина: История и культура. Ежегодник 2005/2006. Москва, 2008. С.253-265.

⁴¹ Кастуся Калиновского на самом деле звали Викентий.

⁴² Текст листовки, в которой использована данная фраза, см.: Письмо Яськи-гаспадара из-под Вильны к мужикам земли польской [Электронный ресурс] // Западная Русь. Режим доступа: <http://zapadrus.su/bibli/arhbiб/1320-pismo-yaski-gaspadara-iz-pod-vilny-k-muzhikam-zemli-polskoj.html> (дата обращения 10.02.2016).

Когда фактов мало, приходится привлекать не имеющие отношения к конкретной проблеме. В частности, среди «самых известных цитат Калиновского» есть и такая:

«— Каго любіш?

— Люблю Беларусь.

— Так узаемна!»⁴³

Во-первых, эта цитата построена в форме диалога. Т.е. получается, что это беседа К. Калиновского с самим собой? Интересным человеком был «белорусский герой», если сам с собой беседовал.

Во-вторых, в скобках за этой цитатой указано, что она является паролем повстанцев. Т.е. это не цитата Калиновского. Это пароль. Кстати, нет никаких указаний на то, что пароль как-то был связан с К. Калиновским. Пароль был получен В. Парфиановичем в Могилёве и использован им в Вильно на явочной квартире Ю. Баневича⁴⁴. То, что хозяйка квартиры позже связала В. Парфиановича с К. Калиновским, абсолютно не говорит о том, что К. Калиновский мог знать этот пароль или хоть как-то принимать участие в его разработке.

Так что, когда фактов мало, их разбавляют похожими и интерпретируют. «Факты никогда не говорят сами за себя. Возможность говорить *за них* составляет предмет некой постоянной подспудной войны, войны языков. Поступая в распоряжение её победителей, факты могут внушать гордость, причинять боль, могут убивать наповал»⁴⁵.

Любой текст, в том числе и любой текст К. Калиновского, имеет ещё и подтекст. «Методологический и мировоззренческий уровень исследователя существенно влияет на выделение и понимание этого подтекста, а значит, и на понимание всего текста документа. В таких ситуациях трудно ожидать одного варианта интерпретации самого исторического события (прак-

⁴³ Там же.

⁴⁴ Каліноўскі К. За нашу вольнасць. С. 351.

⁴⁵ Ремизов М. Война, язык и невращения [Электронный ресурс] // Русский журнал. Режим доступа: <http://old.russ.ru/politics/meta/20000309-remizov.html> (дата обращения 11.02.2016).

тически этого достигнуть сложно)»⁴⁶. Именно поэтому в конструировании образа врага субъективное мировоззрение всегда будет играть важнейшую роль. Соответственно, акценты будут расставляться, исходя из идеологических соображений.

Белорусские учёные не акцентируют внимание на том, что сам повстанец называл восстание польским⁴⁷ и не мыслил категориями, появившимися позже. Казнённый в 1864 г. Калиновский попросту не мог знать и даже предположить тех лозунгов, которые позже поставит на повестку дня белорусский национализм. Конструирование мифа о героических белорусских повстанцах во главе с белорусом Калиновским началась ещё в 1916 г. С этого момента прошло сто лет. Однако, несмотря на всю мощь советской пропагандистской машины, освящавшей белорусские мотивы в деятельности Калиновского, на всю мощь постсоветских мифов о «белорусском национальном герое Кастусе Калиновском», в народе образ польского повстанца остался невостребованным. Ярким примером этому может служить соцопрос, проведённый в марте 2013 года (это был год 150-летия польского восстания и 175-летие самого Калиновского). Соцопрос выяснял, какие политики прошлого и настоящего вызывают наибольшие симпатии. Рейтинг «белорусского героя», который в лучшие годы (это был 2012 г.) был равен 15,1 %, в юбилейный период не поднялся, как было бы логично предположить, глядя на широко развернувшуюся пропаганду и очередную попытку актуализации мифа о Калиновском-белорусе, а упал до 11,7%⁴⁸.

⁴⁶ Любичанский В.А., Любичанский С.В. Можно ли устранить многовариантность интерпретации одних и тех же исторических событий? (Методологический анализ) [Электронный ресурс] // Credo new. Теоретический журнал. Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/463/57/> (дата обращения: 16.02.2016).

⁴⁷ Giller A. Historja powstania narodu polskiego w 1861-1864 r. Pary?, 1867. S. 328.

⁴⁸ Белорусские герои: Калиновский и другие [Электронный ресурс] // Независимый институт социально-экономических и политических исследований. Режим доступа: <http://www.iiseps.org/analitica/544> (дата обращения: 18.02.2016).

Образ Калиновского как белорусского национального героя был весьма подходящим для националистов по ряду причин.

Во-первых, для мобилизации этноса нужен символ. Желательно символ из прошлого, так как ныне живущий символ может дискредитировать себя, да и реального лидера белорусского движения в то время попросту не существовало.

Во-вторых, символ должен быть «идеальным белорусом», поэтому современники символа не должны были рассказывать о нём правду. К 1916 г. участников восстания 1863-1864 гг. практически не осталось, поэтому никто не мог возразить против придуманной «белорусскости» Калиновского.

В-третьих, белорусский символ должен был иметь явную антирусскую направленность, чтобы обосновать в новой белорусской идее противодействие широко бытовавшему тогда утверждению о триединстве русской нации.

В-четвёртых, конструирование образа проходило под немецкой оккупацией, т.е. на территории, контролируемой противниками России, а Калиновский имел как раз антироссийскую направленность своей деятельности.

В-пятых, на оккупированной территории очень активно вёл свою пропаганду польский национализм, которому тоже нужно было противостоять, поэтому вырывание польских героев и перевод их в белорусские были необходимы, чтобы застолбить для обывателя их образы именно как белорусских героев.

В целом же, попытка создания пантеона белорусских героев в начале XX в. оказалась безуспешной. Видимо, белорусские националисты так и не смогли связать деятельность конкретного персонажа истории с обоснованием того, что эта деятельность была на благо суверенного белорусского народа. Также безуспешна и современная героизация тех, кто сражался против России. Однако следует понимать, что процесс конструирования и транслирования русофобских мифов не прекращается и даже усиливается, что увеличивает шансы замены естественной исторической памяти белорусов, в которой Россия не рассматривается как враг, сконструированной исторической памятью, которая в настоящий момент характерна

для небольших групп белорусских националистов, но имеет ресурсы для распространения и навязывания в качестве псевдоестественной исторической памяти.

Бытование образов героев, врагов и жертв является процессами полностью взаимосвязанными. Если есть жертва, значит должен быть и тот, кто её довёл до такого состояния, т.е. враг, а если есть враг, то должен быть борец с ним и защитник жертвы, т.е. герой. Но пока все попытки представить русских или Россию в образе врага наталкиваются на то, что этот образ востребован лишь в небольшой группе, но не в обществе в целом. В этом смысле, видимо, прав Л. Гудков, который указывает, что эффективность риторики врага зависит не от «изобретения» элитой факторов угрозы, а от актуализации образа в массе. Элита лишь тиражирует и конкретизирует «врага», если образ появился в обществе⁴⁹. Образ русских или России как врага в белорусском массовом сознании отсутствует. Также отсутствует образ белорусского народа как российской жертвы. А образы героев связаны в массе с борьбой против внешнего врага — в частности, гитлеровской Германии. Антироссийские образы актуальны лишь для некоторых групп, исповедующих определённую идеологию. Вера в миф о русской угрозе и белорусской жертве является уделом немногих. Расширится или сузится круг этих немногих, зависит от ряда факторов, обсуждение которых выходит за рамки данной статьи.

⁴⁹ Гудков Л. Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага. Москва, 2005. С. 13.

РУССКИЙ ПАНТЕОН БЕЛОЙ РУСИ

Кирилл Юрьевич Аверьянов-Минский,
эксперт фонда «Народная дипломатия» (Москва)

В статье предпринята попытка составить перечень исторических личностей, значимых как для Белой Руси, так и для всего Русского мира. По мнению автора, этот перечень должен стать основой русской идентичности белорусов. История Белоруссии в статье разделена на четыре этапа: древнерусский, литовско-польский, имперский и советский. В каждом из них автор прослеживает единую нить общерусской историко-культурной традиции.

Ключевые слова: исторические личности, Белая Русь, русская идентичность белорусов, Русский мир.

The article attempts to compile a list of historical figures, important for White Russia as well as for the entire Russian world. According to the author, this list should be the basis of Russian identity of Belarusians. History of Belarus in the article is divided into four stages: ancient Russian, Lithuanian-Polish, imperial and Soviet. In each of them the author traces the thread of a single all-Russian historical and cultural tradition.

Keywords: historical figures, White Russia, Russian identity of Belarusians, Russian world.

Основой любой национальной идентичности служит героический пантеон, состоящий из культовых исторических персоналий, именами и образами которых заполняется символическое пространство того или иного государства (об этих персоналиях снимаются фильмы, пишутся книги, им ставятся памятники, в их честь называются улицы, учебные заведения и т.д.). Обычно у народов, недавно обзаведшихся собственным государством, возникают серьёзные трудности с конструированием национального пантеона. Не имея достаточного количества своих выдающихся личностей, такие народы, как правило, стремятся присвоить себе героев из пантеонов других наций (пожалуй, наиболее анекдотичный пример такого присвоения — «таджикский поэт Омар Хайям»).

Белорусский национальный проект окончательно сформировался в советский период, а потому изрядную часть самостоятельного белорусского пантеона составляют персоналии, яв-

лявшиея гражданами СССР: поэты Янка Купала и Якуб Колас, советские партизаны периода Великой Отечественной войны, партийные деятели типа Петра Машерова и др. На этих личностях делает акцент нынешний белорусский официоз.

Что касается местечковых националистов, которые стоят на антисоветских позициях, то они при конструировании героического пантеона используют метод, удачно названного А.Д. Гронским «белорусоморфизмом», т.е. наделяют нормативными белорусскими чертами лиц, не связанных напрямую с участием белорусском национальном проекте¹. По сути, в белорусы записываются все исторические личности, так или иначе связанные с территорией нынешней Республики Белоруссия, за исключением разве что самых рьяных сторонников общерусского единства. Получается причудливый винегрет из древнерусских просветителей, литовских князей, польских шляхтичей и еврейских художников. Данный подход нашёл отражение в пока не реализованном проекте памятника «1000-летие белорусской государственности». По замыслу минских властей, мемориальная композиция должна объединить в себе скульптуры Евфросинии Полоцкой, Льва Сапегы, Тадеуша Костюшко и Марка Шагала². Учитывая логику авторов проекта, можно посоветовать им добавить в список столпов белорусской государственности Шимона Переса, родившегося в белорусской деревне.

Эклектичность белорусского национального пантеона обусловлена прежде всего тем, что Белая Русь издавна представляла собой арену борьбы различных государственных образований и культур. В век национализма на территорию Белоруссии претендовали аж четыре национальных проекта — русский,

1 Гронский А.Д. Методы национализации белорусской истории // Русский Сборник: исследования по истории России. Ред.-сост. О.Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М.А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. Том XII. Москва, 2012. С. 349.

2 В Минске планируется поставить памятник «тысячелетию белорусской государственности» [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Регнум». Режим доступа: <http://regnum.ru/news/polit/1459054.html> (дата обращения: 27.03.2016).

польский, литовский и белорусский, и это при том, что бо́льшую часть населения крупных городов Белоруссии составляли евреи, поддерживавшие в разное время то один, то другой проект. Прекрасной иллюстрацией упорного соперничества различных национальных активистов за Белоруссию является тот факт, что родившиеся на Гродненщине братья Ивановские избрали в начале XX века три разные национальные идентичности: Юрий (Ежи) стал поляком, Вацлав — белорусом, Тадеуш — литовцем. Причём все трое сыграли определённую роль в деятельности избранных ими национальных движений. Отец же братьев Ивановских — Леонард, скорее всего, имел русскую идентичность, поскольку был лояльным русской власти учёным, к тому же долгое время прожил в Великороссии.

Таким образом, если оставить за скобками метод «белорусоморфизма», можно составить четыре героических пантеона Белоруссии по числу традиционно претендующих на её территорию национальных проектов. В рамках данной статьи мы остановимся на том, как, с нашей точки зрения, должен выглядеть русский пантеон. Для удобства разделим историю Белой Руси на четыре периода: древнерусский, литовско-польский, имперский и советский, проследив в каждом из них единую нить общерусской историко-культурной традиции.

Древнерусский период

В самостийной белорусской историографии Древняя Русь рассматривается как «не своё» государство, с которым Полоцкое княжество, позиционируемое в качестве (древне)белорусской державы, было связано лишь формально или не связано вовсе. В белорусских учебниках истории и научно-популярной литературе Полоцк предстаёт столицей самобытного нерусского государства, которое всеми силами отбивалось от агрессии киевских князей и их союзников. Соответственно, центральное место в истории «Древней Беларуси» занимают полоцкие князья, участвовавшие в междоусобных войнах, — Брячислав Изяславич, Всеслав Чародей и др. (об их принадлежности к роду Рюриковичей, как правило, скромно умалчивается).

На наш взгляд, педалирование темы княжеских междоусобиц, являвшихся обычным делом для всех крупных европейских государств средневековья, категорически неприемлемо. Древнерусский этап в истории Белой Руси должны олицетворять не удельные князьки, преследовавшие свои корыстные интересы, а местные просветители, выступавшие за духовное и политическое единство Русской земли. Таковыми просветителями на территории нынешней Белоруссии были Кирилл Туровский и Евфросиния Полоцкая. Их, впрочем, пытаются «обелорусить» точно так же, как и полоцких князей, однако выглядит это совсем уж карикатурно.

В национальной концепции истории Белоруссии Кирилл Туровский — «белорусский Златоуст», произведения которого «издавались в Беларуси, Украине и России». То есть современные представления о белорусах как отдельной нации переносятся в глубокую древность. В качестве образного примера можете себе представить ситуацию, при которой в СССР сказали бы, что советском князе Александре Невском, разбившем на льду Чудского озера немецко-фашистских псов-рыцарей.

На самом деле туровский епископ Кирилл был одним из создателей высокой русской культуры средневековья, ставшей тем плавильным тиглем, который преобразовал конгломерат разношёрстных восточнославянских племён в единое этнокультурное сообщество — Русь. Написанные Кириллом поучения, торжественные слова и молитвы многократно переписывались во всех без исключения княжествах Древней Руси. Как отмечал академик Е.Ф. Карский, «произведения Кирилла, еп. Туровского XI в., по своему языку ничем не отличаются от сочинений других русских писателей того времени»³.

Будучи сторонником единства Русской земли, Кирилл резко осудил попытки ростовского епископа Феодора отделить северо-восточную епархию от остальной Русской церкви. Церковное почитание Кирилла Туровского началось практически сразу после его кончины и одновременно по всей Древней Руси.

³ Карский Е.Ф. Белорусы. Т. III. Очерки словесности белорусского племени. Ч. 2. Старая западнорусская литература. Петроград, 1921. С. 3.

В первом житии св. Кирилла, написанном, что показательно, в Ростове, содержались такие строки:

«Съй бе блаженный Кирил рождение и възпитание *града Турова, в Русей стране* (здесь и далее курсив — наш. К.А.М.) тако нарицаема, богату родителю сын»;

«Приидете днесь, братие, похвалим своего святителя, глаголюще ему: Радуйся, святителю честный и учителю нашъ, другий Златоуст, *иже нам в Руси* паче всех восиа, радуйся, святителю, иже пресветлым учением своим *конца рускыа просветив*»⁴.

Евфросиния Полоцкая, жившая с Кириллом в одно время, также воспринималась современниками и потомками как общерусская просветительница. «Из корене благородна благородством и многими добротами плод процвела еси, возрастши лоза *по всей земли Русской и в Полотске граде*, осеняющи и вином веселия напояющи, Евфросиние, присно молящих ти ся», — написано в одном из канонов, составленных после прославления Евфросинии в лике святых. В том же каноне чётко отражена позиция полоцкой монахини по поводу братоубийственных междоусобиц князей из рода Рюриковичей: «Князем сродником, друг на други держающим подъяти меч, возбранила еси, яко оружием обоюдоострым, пресекающим, словом Божиим устрашающим»⁵.

Подобно образу Кирилла Туровского, образ Евфросинии в наши дни подвергается «белорусизации» со стороны местечковых националистов, в том числе весьма радикальных. Так, крест с двумя перекладинами разной длины, представляющий собой изображение напрестольного креста, который был изготовлен по заказу Евфросинии, является центральным элемен-

⁴ Житие Кирилла Туровского [Электронный ресурс] // Библиотека Якова Кротова. Режим доступа: <http://krotov.info/acts/12/2/kirill-tur-00.htm> (дата обращения: 27.03.2016).

⁵ Служба на преставление преподобной Евфросинии Полоцкой [Электронный ресурс] // Сайт Полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря. Режим доступа: <http://spas-monastery.by/st-euphrosyne-of-polotsk/liturgical-texts/service-on-repose-st-euphrosyne-of-polotsk.php?print=Y> (дата обращения: 27.03.2016).

том эмблемы крайне русофобского движения «Молодой фронт». «Свядомый» историк Владимир Орлов в одной из своих книг называет сей «крыж» символом «древней государственности белорусов»⁶.

Между тем напрестольный крест Евфросинии Полоцкой всегда был святыней общерусского значения. Его изготовил мастер Лазарь Богша (уроженец Юго-Западной Руси) для Спасо-Преображенской церкви основанного Евфросинией женского монастыря. Крест был сделан из кипариса, покрыт золотыми и серебряными пластинами и украшен различными драгоценными камнями; внутри него, в специальных гнездах, хранились привезённые из Византии реликвии, в числе которых была частица креста Иисуса Христа. За свою более чем восьмивековую историю крест Евфросинии не раз перемещался из одной русской обители в другую: сначала его перевезли из Полоцка в Смоленск, затем — в Москву, на своё изначальное место крест вернулся лишь по распоряжению Ивана Грозного. С той поры, как король польский и великий князь литовский Стефан Баторий передал здание Спасо-Преображенской церкви в распоряжение иезуитского коллегіума, полочане хранили святыню в Софийском соборе, пресекая многочисленные попытки иезуитов забрать её себе. В 1841 году по инициативе полоцкого епископа Василия (Лужинского) состоялось принесение креста в Москву и Санкт-Петербург. В соборной церкви Зимнего дворца древнерусскую реликвию осмотрел император Николай I. После пребывания в столице крест вернулся в Полоцк и был торжественно перенесён из Софийского собора в храм Спаса, для которого он и был изготовлен. В 1920-х годах большевики отобрали у церкви шедевр Лазаря Богши, сделав его экспонатом исторического музея. После Второй мировой войны крест Евфросинии бесследно исчез, и сегодня он входит в число самых ценных пропавших произведений искусства.

Таким образом, крест Евфросинии Полоцкой может быть символом вышедшей из древнерусской колыбели Белой Руси,

⁶ Орлов В.А. Тайны полоцкой истории. Минск, 2012. С. 113.

но никак не «самостоятельной Беларусі», опирающейся на литовский миф, к которому древний Полоцк идёт лишь довеском.

Литовско-польский период

В отличие от Древней Руси, Великое княжество Литовское (ВКЛ) и Речь Посполитая (РП) считаются в белорусской национальной историографии «своими» государствами. ВКЛ и РП входят в школьную и вузовскую программу по истории Белоруссии, а Древняя Русь (за вычетом Полоцкого и Туровского княжеств) изучается в курсе всеобщей истории.

Русский взгляд на историю Литвы и Речи Посполитой (который, к сожалению, почти не представлен в интеллектуальной жизни РБ и РФ) мы можем воссоздать по работам дореволюционных русских учёных, в основном уроженцев Северо-Западного края Российской империи (М.О. Кояловича, И.В. Турчиновича, Е.Ф. Карского и др.). Тезисно обозначим подход к пониманию ВКЛ и РП, господствовавший до революции:

— Образование ВКЛ обусловлено, прежде всего, вторжением войск Монгольской империи на Русь в 1237-1240 годах, нарушившим нормальное развитие Древнерусского государства

— До конца XIV века ВКЛ было преимущественно русским государством: русские (предки белорусов и малорусов) занимали 90% его территории. Кроме того, литовская правящая элита стремительно «русифицировалась», поскольку по уровню культурного развития русские значительно превосходили литовцев.

— В 1386 году, после женитьбы литовского князя Ягайло на польской королеве Ядвиге и провозглашения его польским королём, начинается процесс сближения ВКЛ с Польшей, который в итоге приводит к заключению в 1569 году Люблинской унии и образованию Речи Посполитой. Для ВКЛ соединение с Польшей означало постепенную полонизацию и превращение в польскую провинцию.

— Большинство русских подданных ВКЛ и РП, не подвергшихся ополячиванию, связывали свои надежды на избавление от польского господства с единоплеменной Великороссией.

Исходя из предложенной концепции истории ВКЛ, в русский пантеон Белой Руси может быть включён такой персонаж, как литовский князь Ольгерд. В дореволюционной историографии этот князь рассматривался как обрусевший литовец, намеревавшийся объединить в своём государстве все земли Древней Руси. Отметим, что в желании Ольгерда сделать Вильну центром собирания русских земель учёные императорской России не видели ничего предосудительного: Великое княжество Литовское было в XIV веке таким же русским государством, как Новгородская республика, Великое княжество Тверское или Великое княжество Московское, поэтому литовский князь имел полное право участвовать в борьбе за первенство в объединении Руси.

Среди всех князей Литовско-русского государства (так в дореволюционной науке именовалось ВКЛ допольского периода) Ольгерд был наиболее «русифицированным». М.О. Коялович писал: «Особенно явно и решительно следовал русскому направлению преемник Гедимины — Ольгерд (1340—1377). Под его власть перешли Киевская и Волынская области. Он подвинул свои владения далеко за Днепр. Они примыкали к Можайску и даже Коломне. Под его покровительством были Новгород, Псков, Тверь. Он два раза женат был на русских княжнах — витебской Марии и тверской Иулиании, был крещён в православную веру задолго до смерти Гедимины и перед своей смертью принял даже схиму. При нём русский язык стал языком высшего литовского сословия и даже языком государственным. Не подлежит сомнению, что в Литовском княжестве признаны были для русского населения древние русские законы — Русская Правда и устав св. Владимира»⁷.

О восприятии Ольгерда в качестве русского правителя красноречиво свидетельствует изображение его на знаменитом новгородском памятнике «Тысячелетие России»:

⁷ Коялович М. Чтения по истории Западной России. Чтение V [Электронный ресурс] // Сайт научно-просветительского проекта «Западная Русь». Режим доступа: <http://zapadrus.su/bibli/geobib/ist-zr/1344-ist-zr-5.html> (дата обращения: 27.03.2016).

Ещё одним знаковым персонажем литовско-польского периода истории Белой Руси является первопечатник Франциск Скорина, которого, начиная с советских времён, упорно записывают в «свядомыя беларусы». Скорина родился в конце XV века в Полоцке, одном из крупнейших городов ВКЛ, и прославился тем, что перевёл на язык своих земляков ряд книг Священного Писания, а также основал типографии для их издания.

Сегодня язык, на котором Скорина печатал свои книги, принято называть «старобелорусским», в связи с чем одиозная организация «Таварыства беларускай мовы», занимающаяся в РБ популяризацией белорусского языка, носит имя полоцкого первопечатника. При этом сам Франциск считал, что пишет на русском языке, понятном по обе стороны тогдашней литовско-московской границы. Разумеется, русский язык Скорины существенно отличался от современного русского языка, однако от «беларускай мовы» он отличался ещё больше. Анализ написанного Скориной предисловия к «Библии русской» показывает, что в нём 52 слова, сохранившихся в современном русском языке и отсутствующих в белорусском, и только 20 слов, которые сохранились в современном белорусском языке и отсутствуют в русском (в основном это полонизмы).

В большинстве источников этническая принадлежность Скорины определяется как «русин» или «рус», а его родной язык — как «русский». Лишь в актовой записи Краковского университета о присвоении Скорине степени бакалавра он назван «литвином». В данном случае этот термин обозначал не этническое происхождение, а принадлежность к полиэтническому Литовскому государству (термин «литвин» в то время был примерно таким же политонимом, как сегодняшний «россиянин»).

Отдельное внимание хотелось бы обратить на то, что русское самосознание Франциска Скорины сочеталось с его католическим, а затем протестантским вероисповеданием; следовательно, формула «русский значит православный» была неактуальна уже в XVI веке.

Католическая вера не позволила Скорине наладить книгоиздательскую деятельность в Москве, откуда он был изгнан как еретик. Однако это удалось сделать другому уроженцу

Западной Руси — Петру Мстиславцу. Вместе с Иваном Фёдоровым (который, скорее всего, также имел западнорусское происхождение) он издал первую в Москве печатную книгу — «Апостол» (1564 г.), а позже — «Часовник» (1565 г.) и «Псалтирь» (1567 г.). Впоследствии Мстиславец переехал в Вильну, где разработал новый шрифт с киноварью, крупной уставной буквой великорусского почерка. Именно этим шрифтом на протяжении десятилетий печатались книги, расходившиеся как в ВКЛ, так и в Русском царстве.

Если Пётр Мстиславец и особенно Франциск Скорина предстают в белорусском историческом нарративе как «сознательные белорусы», то Симеон Полоцкий (Самуил Петровский-Ситнянович), являющийся, с нашей точки зрения, главным героем литовско-польского периода истории Белой Руси, нередко обвиняется белорусскими националистами в «предательстве Родины». Дело в том, что родившийся в Полоцке и получивший образование сначала в Киево-Могилянской коллегии, а затем — в Виленской иезуитской академии Самуил Петровский-Ситнянович был одним из тех подданных Речи Посполитой, которые всецело ориентировались на Москву и видели будущее Белой и Малой Руси в государственном единстве с Великой Русью.

Его биография весьма характерна для западнорусских книжников XVII-XVIII веков. Получив хорошее образование в Киеве и Вильне, Самуил вернулся в Полоцк, принял монашество под именем Симеон и стал учителем-дидакалом братской школы полоцкого Богоявленского монастыря. При этом главным увлечением монаха была поэзия. В 1656 году, во время визита русского царя Алексея Михайловича в ненадолго захваченный в ходе русско-польской войны Полоцк, Симеон преподнёс московскому государю приветственные стихотворения собственного сочинения, одно из которых содержало такие строки:

Жий, другий Константине, второй Владимиру,
Разшыр православную во всех краях веру.

Церков ты ныне, цару восточный, лобзает,
Пришествием бо ся ты от враг свободждает.

Лобзает и отчыный Полоцк нареченный,
Град твой благочестием ясно просвещенный.

Лобзает вся Росия, Белая з Малою,
Веры просветившись светом под тобою⁸.

Алексей Михайлович запомнил талантливое полоцкого монаха и, когда тот спустя восемь лет переехал в Москву, поселил его рядом с царскими палатами, зачислил на государственное обеспечение и поручил создать в Заиконоспасском монастыре школу для обучения молодых русских чиновников латинскому языку, необходимому для общения России с Западной Европой. Полочанин прекрасно справился с поставленной задачей: выпускники его школы успешно работали в Посольском приказе и выполняли дипломатические функции за рубежом. Впоследствии Симеон Полоцкий составил первоначальный проект устава первого в России высшего учебного заведения — Славяно-греко-латинской академии.

Во второй половине 1660-ых годов Полоцкий активно участвовал в подготовке и проведении Московского собора по низложению патриарха Никона. Он был секретарём и переводчиком двух вселенских патриархов — александрийского и антиохийского, а также написал трактат «Жезл правления», обличающий раскольников.

Следующей ступенью в карьере Симеона стало назначение его воспитателем и наставником царских детей. Известно, что он непосредственно воспитывал и обучал детей Алексея Михайловича от Марии Милославской: Фёдора, Алексея и Софью, а также наблюдал за воспитанием царевича Петра. Симеону было поручено проэкзаменовать дьяка Никиту Зотова на предмет того, способен ли он быть учителем будущего русского императора.

⁸ Симеон Полоцкий. Ранние стихи [Электронный ресурс] // Сайт «Гісторыя Беларусі IX-XVIII стагоддзяў. Першакрыніцы». Режим доступа: <http://starbel.narod.ru/sp/metry.htm> (дата обращения: 27.03.2016).

При этом в историю России Симеон Полоцкий вошёл, прежде всего, как крупнейший русский поэт XVII века, введший русскую литературу в русло общеевропейского художественного процесса эпохи барокко. Его перу принадлежит множество силлабических виршей на самые разные темы — от воспевания событий из жизни царской семьи до религиозно-нравственной проблематики. Пожалуй, главным литературным произведением Симеона стала «Псалтирь рифмотворная» — первое в России стихотворное переложение библейских псалмов. Данную книгу высоко оценил Михаил Васильевич Ломоносов, указав, что она открыла для него «врата учёности»; последователем Ломоносова в литературе был, в свою очередь, Гавриил Романович Державин, который, как известно, благословил юного Пушкина. Таким образом, Симеон Полоцкий стал в определённом смысле творческим прадедом великого русского поэта.

Имперский период

В результате трёх разделов Речи Посполитой (1772, 1793, 1795 гг.) вся территория Белоруссии была возвращена в лоно русской государственности. С этого времени Белая Русь вступила в имперский период своей истории, который, с нашей точки зрения, является для белорусов «золотым веком», то есть эпохой, на воспоминаниях о которой следует строить историческое самосознание и национальную идентичность. Не Великое княжество Литовское, не Речь Посполитая, а именно Российская империя, воспринимаемая как преемница Древней Руси, должна стать тем идентитарным зеркалом, глядя в которое белорусы увидят, кто они есть.

Несмотря на то, что за столетия польского господства Белая Русь почти полностью лишилась высшего сословия (отрекшегося от своей русскости и ставшего частью польской шляхты), уроженцы Белоруссии вписали в историю императорской России немало славных и героических страниц. Крестьяне белорусских губерний храбро сражались с «Великой армией» в 1812 году, активно помогали русскому правительству усмирять польский мятеж в 1863 году, из среды белорусского крестьянства и низшего духовенства во второй по-

ловине XIX века вышли известные учёные, военные и общественные деятели.

Сегодня в Белоруссии незаслуженно забытыми являются белорусские герои 1812 года. С нашей точки зрения, память о них должна быть восстановлена. Для этого необходимо обратиться к работам дореволюционных русских историков, которые писали о белорусских партизанах, бивших дубиной народной войны армию двенадцати языков. К примеру, В.Г. Краснянский в своей работе «Минский департамент Великого княжества Литовского» (1902 г.) писал: «Православные крестьяне-белорусы, составляющие коренную массу населения Минской губернии, совсем иначе относились к французскому владычеству, чем поляки. Для белорусов, этих вековых страдальцев за русскую народность и православие, владычество французов и торжество поляков являлось возвращением к столь ненавистному недавнему прошлому. Ещё двадцати лет не прошло, как они свободно вздохнули, избавившись от польско-католического гнёта, и теперь снова грозила им та же опасность; с другой стороны, их испытанное в горниле страданий национальное чувство никоим образом не могло примириться и с французским, иноземным и иноверным, владычеством. Вот почему неприятель, проходя по Минской губернии, на всём её пространстве встречал лишь опустелые деревни. Казалось, всё сельское население вымерло; оно бежало от ненавистных французов и поляков в глубь своих дремучих и болотистых лесов... В этой глуши, скрытые от чужих глаз, белорусские мужички по-своему обсуждали настоящее положение дел и принимали свои средства к борьбе с врагом. Здесь среди них мы встречаемся с первыми героями партизанской войны... Стоило только отдельным французским солдатам неосмотрительно удалиться в сторону от движения армии, как они попадали в руки крестьян; расправа с ними была коротка: их беспощадно убивали»⁹.

Помимо народных ополченцев уроженцами Белоруссии были десятки тысяч рекрутов, несших боевую службу в рядах рус-

⁹ Краснянский В.Г. Минский департамент Великого Княжества Литовского (эпизод из истории войны 1812 г.). Санкт-Петербург, 1902. С. 47.

ской армии. Сформированные на Витебщине четыре полка 3-ей пехотной дивизии защищали на Бородинском поле знаменитые Багратионовы флеши, а 24-ая дивизия, состоявшая из крестьян Минской губернии, героически сражалась у батареи Раевского.

Белорусским героем 1863 года, с нашей точки зрения, является генерал-губернатор Северо-Западного края граф Михаил Николаевич Муравьёв-Виленский, усмиривший польский мятеж и защитивший белорусов от бесчинств польских инсургентов. Усмиряя поляков, граф М.Н. Муравьёв опирался на белорусское крестьянство, которое снова, как и в 1812 году, выступило надёжной опорой русского престола. Из крестьян Северо-Западного края были сформированы сельские вооружённые караулы, сражавшиеся вместе с правительственными войсками против мятежников. Особо отличившиеся крестьяне были награждены медалями «За усмирение польского мятежа».

Активное участие белорусских мужиков в подавлении польского восстания поставило точку в ведшейся более полувека дискуссии об идентичности Северо-Западного края. Если раньше некоторые российские чиновники и представители интеллигенции считали Белоруссию польской провинцией (из-за того, что высшее сословие в крае составляли поляки), то после событий 1863 года Белоруссия стала восприниматься как исконно русская территория, подвергшаяся искусственному ополячиванию в период нахождения в составе Речи Посполитой. Известный белорусский журналист начала XX века Л.М. Солоневич по этому поводу писал: «Последний польский мятеж открыл глаза на действительное положение вещей и русскому правительству, и русскому обществу. Простой народ остался верен русскому правительству и этою верностью заставил обратить внимание на свою национально-русскую старину, на своё право считаться русским не только в силу территориальной принадлежности к России, но и по существу — по историческим преданиям, вере, языку и чисто русскому укладу общественной и семейной жизни»¹⁰.

¹⁰ Солоневич Л.М. Краткий исторический очерк Гродненской губернии за сто лет её существования. 1802-1902. Гродно, 1901. С. 17.

После усмирения польского мятежа граф М.Н. Муравьёв инициировал проведение в Белоруссии системных реформ, целями которых были деполонизация данного региона и улучшение жизни белорусского народа. Основные направления своей реформаторской деятельности Михаил Николаевич изложил в «Записки о некоторых вопросах по устройству Северо-Западного края», поданной императору Александру II 14 мая 1864 года:

«1) Упрочить и возвысить русскую народность и православие так, чтобы не было и малейшего повода опасаться, что край может когда-либо сделаться польским. В сих видах в особенности заняться прочным устройством быта крестьян и распространением общественного образования в духе православия и русской народности.

2) Поддержать православное духовенство, поставив его в положение независимое от землевладельцев, дабы совокупно с народом оно могло твёрдо противостоять польской пропаганде, которая, без сомнения, ещё некоторое время будет пытаться пускать свои корни...

3) В отношении общей администрации принять следующие меры: устроить таким образом правительственные органы в крае, чтобы высшие служебные места и места отдельных начальников, а равно все те, которые приходят в непосредственное соприкосновение с народом, были заняты чиновниками русского происхождения»¹¹.

Следует отметить, что по своему содержанию реформы М.Н. Муравьёва выходили за рамки господствовавшего в то время донационального сословно-династического мышления, логика которого предполагала задабривание правительством высшего сословия в лице польской шляхты, а не опору на низы общества, коими тогда являлись русское (белорусское) крестьянство и духовенство. По сути, генерал-губернатор Се-

¹¹ Политические записки графа Муравьева императору Александру II [Электронный ресурс] // Сайт научно-просветительского проекта «Западная Русь». Режим доступа: <http://zapadrus.su/bibli/arhbib/962-politicheskie-zapiski-grafa-muraveva-imperatoru-aleksandru-ii.html> (дата обращения: 28.03.16).

веро-Западного края стал первым русским реформатором, взявшим на вооружение принцип национализма. А.Ю. Бендин справедливо отмечает: «Реформы М.Н. Муравьева, соответствовавшие критериям модернизации (образование, социально-экономическая и административно-правовая эмансипация), представляли собой политическую форму идеологии русского национализма, в качестве идеологов которого выступали М.Н. Катков, А.Ф. Гильфердинг и И.С. Аксаков. В качестве идейной мотивации для проведения реформ в пользу русского населения края эти публицисты и учёные указывали на общерусскую этническую солидарность, конкретным проявлением которой должно было стать восстановление исторической справедливости по отношению к угнетённому белорусскому народу»¹².

Осуществлённые графом М.Н. Муравьёвым преобразования дали мощный импульс развитию западнорусской национальной идеологии, рассматривающей белорусов как субэтнос русского народа. Во второй половине XIX — начале XX веков в Белоруссии появилась целая плеяда выдающихся историков, этнографов и лингвистов, работавших в русле западнорусизма (М.О. Коялович, А.П. Сапунов, А.С. Будилович, Л.М. Солонович, Е.Ф. Карский и др.).

Ведущим представителем западнорусского движения является историк Михаил Осипович Коялович, уроженец Гродненской губернии, ставший в Санкт-Петербурге заслуженным ординарным профессором. В своих работах Михаил Осипович последовательно отстаивал общерусское триединство: «Если отправиться в западную Россию из русского средоточия, то придётся неизбежно и самым наглядным образом убедиться, что западная Россия, несомненно, русская страна и связана с

¹² Роль графа М. Н. Муравьева в русско-польском споре об идентичности Северо-Западного края Российской империи. Часть вторая [Электронный ресурс] // Сайт научно-просветительского проекта «Западная Русь». Режим доступа: <http://zapadrus.su/bibli/geobib/graf-muravev-v-russko-polskom-spore/992-rol-grafa-m-n-muraveva-v-russko-polskom-spore-ob-identichnosti-severo-zapadnogo-kрая-rossijskoj-imperii-chast-vtoraya.html> (дата обращения: 28.03.16).

восточной Россией неразрывными узами, именно придётся чаще всего самым нечувствительным образом переходить от великорусов к белорусам или малороссам; часто даже нелегко будет заметить, что уже кончилось великорусское население и началось белорусское или малорусское, но во всяком случае придётся признать, что всё это — один русский народ, от дальнего востока внутри России до отдалённого запада в пределах Польши и Австрии»¹³.

Крайне любопытна оценка М.О. Кояловичем современного ему положения дел в Белоруссии (речь идёт о начале 60-х годов XIX столетия): «В настоящее время перед нами уже в надлежащей полноте логическое, естественное развитие народной западнорусской жизни. Произнесён приговор над политической, религиозной и социальной зависимостью западнорусского народа от Польши. Народ этот теперь стоит на прямом пути к восстановлению своего древнего единства с Восточною Россией. Но мы знаем, что этот шаг достался ему очень и очень дорого. Он потерял своё высшее и даже среднее сословие и остался в массе простых земледельцев, запертых на пути цивилизации сверху польскими панами, в середине евреями. Создать ему из себя свой верхний и средний класс людей, своих руководителей очень трудно, да едва ли и возможно. Ему необходима помощь со стороны того же восточнорусского народа, к которому он стремился в течение стольких веков. Из Великой России должна прийти Западной России подмога к образованию высшего образованного класса и среднего»¹⁴.

Благодаря реформам М.Н. Муравьёва к началу XX века в Белоруссии появилась своя интеллигенция, придерживавшаяся в основном западнорусских взглядов. Одним из главных рупоров белорусской интеллигенции стала монархическая газета «Северо-Западная жизнь», основанная в 1911 году Лукьяном Михайловичем Солоневичем. Его сын, Иван Лукьянович, позже вспоминал: «Народ остался без правящего слоя. Без интел-

¹³ Коялович М.О. Чтения по истории западной России. Минск, 2006. С. 9.

¹⁴ Коялович М.О. Шаги к обретению России. Минск, 2011. С. 220.

лигенции, без буржуазии, без аристократии — даже без пролетариата и без ремесленников. Выход в культурные верхи был начисто заперт польским дворянством. Граф Муравьев не только вешал. Он раскрыл белорусскому мужику дорогу хотя бы в низшие слои интеллигенции. Наша газета опиралась на эту интеллигенцию — так сказать, на тогдашних белорусских штабс-капитанов: народных учителей, волостных писарей, сельских священников, врачей, низшее чиновничество»¹⁵. Впоследствии И.Л. Солоневич стал одним из главных мыслителей русской эмиграции, написал популярные по сей день книги «Россия в концлагере» и «Народная монархия», а также основал в Аргентине выходящую до сих пор газету «Наша страна».

Из среды белорусского крестьянства вышел также Михаил Антонович Жебрак — офицер Русской императорской армии, геройски прошедший Русско-японскую и Первую мировую войны, затем — участник Белого движения на Юге России. Знаменитый командующий Дроздовской дивизии А.В. Туркул в своих воспоминаниях писал: «Седой Жебрак, командир 2-го офицерского стрелкового полка, был, кажется, самым пожилым среди нас. Он вызывал к себе общее уважение. В офицерской роте было до двадцати георгиевских кавалеров, все перераненные, закалённые в огне большой войны; рядовыми у нас были и бывшие командиры батальонов, но Жебрак ввёл для всех железную дисциплину юнкерского училища или учебной команды. В этом он был непреклонен. Он издавал нас заново. Он заставлял переучивать уставы, мы должны были снова узнать их до самых тонкостей... Вскоре все хорошо поняли полковника Жебрака, и 2-й офицерский стрелковый полк стал образцовым полком, может быть, до того и не бывалым ни в одной армии мира»¹⁶.

Советский период

Отношение автора статьи к советскому периоду в целом негативное. После прихода к власти большевиков западнорусский национальный проект был объявлен вне закона (его сто-

¹⁵ Цит. по: Солоневич И.Л. Народная монархия. Москва, 2011. С. 5.

¹⁶ Туркул А.В. Дроздовцы в огне. Москва, 2013. С. 25-26.

ронники стали шельмоваться как «великодержавные шовинисты»), а белорусский местечковый национализм — легитимирован. Большевики создали на территории Западной России де-юре суверенное национальное государство — Белорусскую Советскую Социалистическую Республику (БССР) и провели на его территории насильственную «белорусизацию», предусматривавшую внушение жителям Белоруссии нерусского самосознания, внедрение в общественную жизнь искусственного белорусского языка, а также создание и тиражирование национального мифа, основанного на идее этнической обособленности белорусов от великорусов. Несмотря на то, что в преддверии Великой Отечественной войны советское руководство отказалось от радикальных форм «белорусизации», формула «белорусы — не русские» внедрялась в общественное сознание на протяжении всего времени существования СССР.

При этом некоторые исторические личности и явления периода БССР всё-таки могут быть инкорпорированы в русский пантеон Белой Руси. Прежде всего речь идёт о партизанском движении в Белоруссии во время Великой Отечественной войны. Белорусские партизаны сражались в 1941—1945 годах не за Республику Белоруссия (как утверждают некоторые современные белорусские идеологи¹⁷), а за большую страну со столицей в Москве. Ввиду того, что жители трёх восточнославянских республик — РСФСР, УССР и БССР внесли решающий вклад в Великую Победу, после войны окончательно оформилась концепция «трёх братских народов», связанных общими этнокультурными корнями и являющихся стовым хребтом Советского государства. С определенными оговорками можно сказать, что в послевоенном СССР произошёл частичный возврат к общерусской доктрине, рассматривавшей восточнославянское население как единой национальный организм и основной оплот государства.

¹⁷ См.: Гронский А.Д. Методы национализации белорусской истории // Русский Сборник: исследования по истории России. Ред.-сост. О.Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М.А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. Том XII. Москва, 2012. С. 355.

Также в русский пантеон Белой Руси, с нашей точки зрения, следует включить многолетнего министра иностранных дел Советского Союза — Андрея Андреевича Громыко. Помимо всего прочего, личность Громыко примечательна тем, что он был выходцем из белорусских крестьян и исключительно благодаря своим талантам занял высокий пост в советском руководстве, став одним из тех, кто вершил судьбы мира. Биография Андрея Андреевича ярко свидетельствует о том, что в Советском Союзе у белорусов была возможность раскрыть свой профессиональный потенциал не только на своей малой родине, но и в масштабах огромной страны.

Итак, в нашу версию русского пантеона Белой Руси входят: древнерусские просветители Кирилл Туровский и Евфросиния Полоцкая, обрусевший литовец Ольгерд, русские уроженцы Великого княжества Литовского и Речи Посполитой — Франциск Скорина, Пётр Мстиславец и Симеон Полоцкий, белорусские герои 1812 и 1863 годов, генерал-губернатор Северо-Западного края граф М.Н. Муравьёв-Виленский, ведущий представитель идеологии западнорусизма М.О. Коялович, публицист И.Л. Солоневич, офицер-белогвардеец М.А. Жебрак, белорусские партизаны периода Великой Отечественной войны и советский дипломат А.А. Громыко. На основе этого героического пантеона мы предлагаем воссоздавать русскую идентичность Белоруссии, подорванную в советскую и постсоветскую эпоху.

БЕЛОРУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ И МАССЫ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

Алексей Александрович Еловик,
эксперт фонда «Народная дипломатия» (Москва-Минск)

Статья посвящена проблеме взаимоотношений между белорусскими националистами и широкими народными массами Белоруссии на основе исследования документального материала новейшей истории. Анализируются события, персоналии и исторические процессы, связанные с ключевыми периодами истории Белоруссии в XX веке (революция, гражданская война, становление белорусской государственности, Великая Отечественная война, послевоенный период). Дается комплексная характеристика идеологии белорусского национализма, выявляются ее базовые черты и специфика, раскрываются особенности восприятия белорусского национализма белорусским населением.

Ключевые слова: Белоруссия, национализм, национальные движения, национальное строительство.

The article discusses the relationship between the Belarusian nationalists and the broad masses of the people in Belarus based on the analysis of documentary material of recent history. The events, personalities and historical processes related to key periods of the history of Belarus in the twentieth century (revolution, civil war, the development of the Belarusian statehood, the Great Patriotic War, post-war period) are identified. A comprehensive description of the ideology of Belarusian nationalism is given, its basic features and specific character are revealed, specific features of perception of Belarusian nationalism among the Belarusian population are shown.

Keywords: Belarus, nationalism, national movement, national building

Исследователь, сталкивающийся с изучением национальных движений XIX-XX вв., как правило, вынужден констатировать то, что оно имеет полную поддержку в народе или хотя бы пользуется существенной поддержкой народных масс. В ситуации с белорусским национализмом ситуация прямо противоположная: с момента своего возникновения и вплоть до сегодняшнего дня «свядомае кола» белорусского общества находится в меньшинстве, его ценности и взгляды на исторический путь Беларуси всё ещё не являются доминирующими в общественном дискурсе.

Белорусский национализм зародился в конце XIX века. Своеобразным национальным манифестом стала выпшедшая в 1891 году в Кракове «*Dudka bia?aruskaja*» за авторством Франциска Бенедикта Богушевича. В предисловии к сборнику чётко обозначены границы проживания отдельного белорусского этноса, брошен призыв не забывать родного языка, который является таким же языком, как и другие литературные языки Европы. Интересно отметить то, что сам Богушевич был носителем польского самосознания. По свидетельству Ф. Оскерки, близкого соседа и знакомого Богушевича, последний — «горячий патриот — поляк, который в личных и достаточно частых... беседах утверждал, что единственной причиной, которая побуждала его и его предшественников писать на том говоре (т.е. по-белорусски. — Прим. авт.), было опасение возможной русификации тамошнего люда»¹. Этот момент очень важен для понимания этнокультурной пропасти между националистами и широкими народными массами Беларуси.

В начале XX века произошла институционализация белорусского национализма. В 1902 году возникает партия «Белорусская революционная громада», переименованная в 1903 году в «Белорусскую социалистическую громаду» (БСГ), а в 1906 году — газета «Наша нива». Несмотря на то, что в современной учебной и научной литературе значение данного периодического издания всячески преувеличивается, следует отметить её малотиражность (всего лишь 2891 экземпляра)².

О том, каково было реальное влияние местечковых националистов на белорусов, красноречиво свидетельствуют события революции и гражданской войны. В тяжелые годы общероссийской смуты белорусские националисты оказались одними из главных аутсайдеров на политическом поле белорусских

¹ На путях становления украинской и белорусской наций. Факторы, механизмы, соотнесения [Электронный ресурс] // Сайт Института славяноведения РАН. Режим доступа: <http://www.inslav.ru/images/stories/pdf/2004-Na-put'ax-stanovlenija-ukrainskoj-i-belorusskoj-nacij.pdf> (дата обращения: 25.03.2016).

² Унучак А. «Наша Нива» и белорусское национальное движение начала XX в. *Acta humanitarica universitatis Saulensis*. Т. 12. 2011. С. 178.

губерний. По результатам выборов в Учредительное собрание (ноябрь 1917 г.) белорусские национальные партии получили менее 0,5% голосов избирателей, в то время как общероссийские партии набрали огромное количество голосов. Так, в Минском избирательном округе БСГ (организация, которая станет костяком Белорусской Народной Республики) набрала 0,3%, большевики — 63%, в численном выражении в 194 раза больше. Вопрос об итогах этих выборов подробно рассмотрен в монографии А.А. Воробьёва «Выборы в Всероссийское Учредительное собрание на территории Беларуси и соседних российских губерний».

Показательно и то, что белорусское крестьянство — основная масса населения нашей страны в начале XX века — не хотело не то что независимости, но протестовало даже против автономии. Главными требованиями трудового люда были земля, мир и хлеб — этого чаяли все народы России. Крестьяне Глуской волости Бобруйского уезда писали в газету «Советская правда» (от 1 января 1918 г.): «Нам не нужны их королевства, нам нужно всеобщее единство, мир, свобода и земля; если же они нас поделят на партии и отдельные королевства, то тогда они нас своими щупальцами так обовьют, что все равно, как паук муху в свою паутину». В том же январе 1918 года Погорельский волостной земельный комитет Игуменского уезда принял постановление: «Быть отдельно с Россией мы не желаем, ибо мы белорусы и наш весь белорусский край малый, и если мы, белорусы, отделимся, то мы попадем в руки помещиков и буржуев» («Звезда» от 17 января 1918 г.).

Большой интерес представляет резолюция собрания крестьян Ряснянской волости Чаусского уезда Могилёвской губернии. Как записано в протоколе собрания, состоявшегося в конце декабря 1917 года, был «произведен доклад» делегата от волости, ездившего в Минск на Белорусский съезд. В связи с докладом был поднят вопрос о том, «желает ли население волости, чтобы Белоруссия была выделена в особую автономную республику». После обсуждений была вынесена следующая резолюция: «Вся Ряснянская волость всеми силами поддерживает Петроградский Совет рабочих, солдатских и крес-

стьянских депутатов и все время будет идти рука об руку с народными комиссарами, пока последние будут защищать интересы всего трудового народа, и вторично на съезд Белорусской рады делегатов от Ряснянской волости не посылать»³. Крестьяне села Кривичи Минского уезда записали в своей резолюции: «Автономия Белоруссии крайне нежелательна»⁴.

На губернских съездах Советов в Минске, Витебске, Могилёве в ноябре 1917 — январе 1918 г. автономия Беларуси была также отвергнута. Рассмотрев вопрос о краевом управлении, 3-й съезд крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний подчеркнул в своей резолюции, «что Беларусь есть нераздельное целое великой революционной России» («Советская правда» от 3 декабря 1917 г.). 4-й губернский съезд крестьянских депутатов Могилевской губернии, состоявшийся в январе 1918 года, постановил в своей резолюции провести Всебелорусский съезд Советов для «утверждения власти трудового народа во всей Белоруссии и её безусловной неразрывности и неотторжимости от матери-России»⁵.

Принимавший участие в 1-м съезде крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний, который открылся 20 апреля 1917 года, Е.С. Канчер писал о том, что когда на трибуне появились представитель «Белорусской социалистической громады» П. Алексюк и товарищ минского губернского комиссара К.М. Демидович-Демидецкий для приветственной речи на «родной мове», «они были прерваны шумом и протестами съезда против белорусского языка»⁶.

Враждебность белорусского крестьянства по отношению к искусственно формируемому языку и автономии подтверждалась и самими местечковыми националистами: «Нашы селяне

³ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 2. Минск, 1957. С. 662.

⁴ Там же. С. 863.

⁵ Документы и материалы по истории Белоруссии. Т. IV. Минск, 1954. С. 355.

⁶ Канчер Е.С. Из истории общественных, национальных и революционных движений белорусов. Часть II. Петроград. 1918. С. 15.

на з'ездах выслаудліся у тым сэнсі, што ім ні патрэбна аўтаномія, але ж рабілі яны гэта па нідаўмству і цямнаце сваёй, а найбольш па падашуканству, бо разам з гэтым яны казалі, што і мова іх ім ні патрэбна. Ніхто на сьвеці ні адрэкаецца ад свае мовы, — і немцы, і пранцузы, і палякі, і расійцы, чэхі і баугары шануюць і любяць сваю мову, а нашы селяне — адрэкаюцца. Значыць, — робяць яны гэта па нідаўмству і цёмнаце»⁷.

Вот что писал тот же Лёсик в статье «Нацыянальны ўціск» (1917 г.): «Дошло до того, что на крестьянском съезде крестьяне перед всем миром отреклись от самих себя, и от языка своего, и от всего белорусского. «Не нужно нам белорусов, долой белорусов!» — кричали крестьяне и учителя-белорусы, сжимая кулаки и сверкая глазами. Достаточно было произнести слово «белорус», чтобы все засуетились, заревели, как тот бык от красной тряпки. Особенно старались учителя, или, как их называют у нас, наставники. Нужно было заговорить об белорусчине, как они буквально начали реветь, как то неразумное быдло, унюхав кровь...»⁸

Совершенно очевидно, что речь в данном пассаже идёт не об оценке белорусами самих себя, а об отношении народных масс к инородному и чуждому им местечковому национализму. К 1917 году этноним «белорусы» всё ещё оставался книжным и, как отмечал в своих трудах академик Е.Ф. Карский, не имел широкого распространения в крестьянской среде.

Полной неудачей закончилась попытка создать на немецких штыках Белорусскую Народную Республику (БНР) в 1918 году. Местечковые националисты, которые за несколько месяцев до провозглашения БНР получили 0,5% голосов избирателей, не имели фактически никакой поддержки белорусского народа. Большевистский агент летом 1918 года свидетельствовал: «По дороге вечером проходил через деревню Гудка в 15 верстах от Бобруйска. Меня окружила на улице толпа молодежи крестьянской и старики лет 50, начали меня спрашивать,

⁷ Лёсик Я. Аўтаномія Беларусі. Мінск, 1917. С. 5.

⁸ Я. Лёсик. Творы: Апавяданні. Казкі. Артыкулы. Мінск, 1994. С. 133.

что делается в России, скоро ли русские войска придут к нам на помощь. Я их успокоил... Они приняли мои советы с удовольствием и мне передавали, что имеют связь с городом и многими деревнями, но одно несчастье, что у них нет оружия, не более одной винтовки на три деревни, которую сумели запрятать... В 10 часов утра я пришел в местечко Любоничи (ныне в Кировском районе Могилевской области. — Прим. авт.) в 25 верстах от Бобруйска, где видел, как немецкий унтер-офицер истязал плеткой крестьянина, опоздавшего на один час представить немцам подводу. В этом же местечке, когда я зашел взять к коменданту пропуск идти дальше, видел, что у него в комнате на коленях стояло два крестьянина...

Не успел я войти в дом своих родителей, как у меня в доме уже ждало молодежи человек с 50 и спрашивали, что им делать и куда деваться от этого немецкого бича и безработицы. Когда я завел с ними разговор насчет восстания, они говорили, как один в любой момент мы готовы отдать жизнь за родину, но одно и то же несчастье — нет у них оружия, все оружие конфисковано польскими и немецкими властями...

Крестьянское имущество все описано немецкими властями. Крестьяне ежедневно должны приносить к коменданту яички, масло и другие съестные продукты. В местной речке Ольсе крестьянам бесплатно воспрещено ловить рыбу даже удочками, кто хочет ловить, должен уплатить 25 руб. в год. За пастьбу скотины на помещичьем поле каждый крестьянин обязан платить за каждую штуку по 7 руб., некоторые из деревень не уплатили, немецкие солдаты приходили и угоняли целые стада крестьянских коров и лошадей. *Настроение у крестьян революционное, где ни придешь, то и услышишь: если бы Россия пришла к нам на помощь, мы перебили бы всех этих проклятых немцев...*

Минская рада, которая себя именует Белорусской радой, это не люди, а немецкие прихвостники. Крестьяне про эту несчастную раду и понятия даже не имеют, что она существует, потому что распоряжение власти поступает всецело от немецкого командования в оккупированных местностях. Организаторами этой рады являются немцы и Скир-

мунт, которого единственная цель — получить гетманство в Белоруссии.

Был я также в местечках Богушевичах Игуменского уезда, Якшичах — все население настроено очень революционно и все говорят, что при первом напоре от России мы подавим всех немцев. Даже старики 50 лет это говорят и всю свою молодежь гонят в Россию, чтобы они поступали в армию»⁹.

Полным провалом окончились попытки местечковых националистов создать прообраз какой бы то ни было марионеточной государственности под гитлеровской оккупацией в годы Великой Отечественной войны. Подавляющее большинство белорусов оказало сопротивление агрессору, Белорусская ССР по праву снискала себе славу «республики-партизанки». Общая численность белорусов, сражавшихся против нацизма с оружием в руках, превышает 1,5 миллиона человек (не считая тех, кто находился в партизанском резерве, трудился в тылу, помогал партизанам и окруженцам в условиях оккупации, срывал мероприятия оккупантов и устраивал саботаж)¹⁰.

В начале 1990-х годов белорусский народ вновь продемонстрировал хроническое недоверие лозунгам местечковых националистов. На референдуме о сохранении СССР 17 марта 1991 года «за» проголосовало 82,7% жителей БССР. На первых президентских выборах 1994 года большинство голосов получили пророссийски ориентированные кандидаты, а победу во втором туре одержал Александр Лукашенко, чья предвыборная кампания строилась на обещании проводить политику интеграции с Российской Федерацией (стоит отметить, что главный соперник Лукашенко Вячеслав Кебич давал во время предвыборной гонки схожие обещания). Республиканский референдум 1995 года подтвердил желание белорусов теснее со-

⁹ Демисезон-1918. Агент красных на маршруте Орша — Могилев — Бобруйск — Минск [Электронный ресурс] // Сайт TUT.BY. Режим доступа: <http://news.tut.by/society/355346.html> (дата обращения: 25.03.2016).

¹⁰ Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т.5. Беларусь у 1917-1945 гг. Мінск. 2006. С. 525.

трудничать с Россией: интеграцию одобрило 83,3% проголосовавших, столько же проголосовало за придание русскому языку статуса второго государственного. Большинство (75,1%) выступило также за смену националистической символики — бело-красно-белого флага и герба «Пагоня» — на слегка модернизированную советскую символику.

Уместно задаться вопросом: почему же на протяжении более чем столетия взгляды белорусского народа и националистов кардинально расходятся? Белорусский историк Я.И. Трещенок справедливо отмечал искусственность белорусского национализма, его небелорусскую цивилизационную сущность. Для обозначения «свядомага кола» Трещенок использовал термин «национал-сепаратисты», то есть сторонники отрыва белорусов от их собственных цивилизационных корней, лежащих в восточнохристианской Русской цивилизации. В том числе в этом он видел причину раздраженной и весьма болезненной реакции местечковых националистов на мнение белорусского большинства: «Национал-сепаратисты готовы отречься от 4/5 собственного народа как от «манкуртов», лишь бы утвердиться в сознании хотя бы одной пятой, преимущественно католического меньшинства»¹¹. Я.И. Трещенок указывал на ошибочность отождествления местечковых националистов с истинными выразителями воли белорусского народа: «Наиболее негативным для исторической судьбы Белой Руси стал миф, что белорусская национальная идея это только и исключительно тот комплекс представлений, который на волне общеевропейского запоздалого этнического «возрождения» малых народов был выдвинут в конце XIX века выходцами из ополяченной католической шляхты Белоруссии, запоздало вспомнившими свои этнические корни... Выступая с католических неприязненных к России (а часто и с откровенно русофобских) позиций, эти люди, независимо от их субъективных наме-

¹¹ Трещенок Я.И. Две белорусские национальные идеи: католический национал-сепаратизм и православная национальная идея. Заметки историка [Электронный ресурс] // Сайт Sobor.by. Режим доступа: <http://sobor.by/7km4teni-treshenok.htm> (дата обращения: 25.03.2016).

рений, объективно противопоставляли себя не только русским и украинцам, но и самому белорусскому православному народу, на роль выразителей национальной идеи которого они претендовали. Но этот народ всегда тяготел к России»¹².

Это внутреннее осознание себя частью Русского мира живёт в большинстве белорусов и сегодня. Согласно результатам социологического опроса Независимого института социально-экономических и политических исследований (НИСЭПИ, г. Вильнюс), 73,9% респондентов считают себя более близкими к русским, а 25,8% к европейцам¹³.

Однако, проанализировав информационное-культурное поле Беларуси, которое характеризуется антироссийской направленностью и получает щедрую подпитку со стороны антиправительственных западных фондов и НКО, можно сделать неутешительный вывод о том, что пока игра идёт в одни ворота, и надежды местечковых националистов на реванш за столетие поражений в отдаленной перспективе во многом оправданы.

¹² Там же.

¹³ Важнейшие результаты национального опроса в марте 2016 г. [Электронный ресурс] // Сайт НИСЭПИ. Режим доступа: <http://www.iiseps.org/?p=3960> (дата обращения: 25.03.2016).

ТУПИКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

Серей Алексеевич Шиптенко,

главный редактор журнала «Новая экономика» (Минск)

В статье анализируются проблемы интеграции Союзного государства Белоруссии и России. Основное внимание уделено проблемам экономического объединения Союзного государства в контексте опыта постсоветской интеграции и альтернативных интеграционных проектов.

Ключевые слова: Союзное государство, экономическое объединение, постсоветская интеграция, ЕАЭС.

The article analyzes the problems of integration of the Union State of Belarus and Russia. The main attention is paid to the problems of economics unification of the Union State in the context of the experience of post-Soviet integration and alternative integration projects.

Keywords: Union State, problems of economics, post-Soviet integration, EAEU.

Союзное государство Белоруссии и России, отмечающее 20-летний юбилей своего основания, считается образцом евразийской интеграции на постсоветском пространстве. В последние годы особенно часто сравнивают Союзное государство с Евросоюзом, а также недавно образованным Евразийским экономическим союзом. До этого Союзное государство приводили в пример при создании и совершенствовании таких интеграционных структур на постсоветском пространстве, как ЕврАзЭС, Таможенный союз и Единое экономическое пространство, сравнивали СГ с СНГ.

Сегодня можно констатировать, что СНГ скорее мертво, чем живо. «Содружество» элегантно назвали «цивилизованной формой бракоразводного процесса» при расчленении нашей Родины. Ни один из новоявленных удельных правителей не собирался восстанавливать страну, делая всё для дезинтеграции и обособления не только народов, но и экономик. Каждый из них взял на себя миссию Моисея, изводя по лимитрофным пустыням поколение, помнившее Советский Союз. Тем временем победители в «холодной войне» развивали свои интеграци-

онные проекты, совершенствовали их и делали всё для того, чтобы наша Родина не объединилась, в первую очередь — экономически.

Союзное государство Белоруссии и России погубит безответственность. СНГ изначально создавалось по принципу клуба, как «площадка» для имитации интеграции на новой основе, как многоэтажная синекура для трудоустройства отставных чиновников, бездарных отпрысков «уважаемых людей» и подруг. Евросоюз совершенствовался и повышал степень ответственности — именно она является очевидным отличительным признаком данной интеграционной структуры от СНГ, СГ и ЕАЭС. Невозможно представить себе ситуацию, когда представитель Испании или Бельгии поставит в Еврокомиссии вопрос о введении параллельного режима взимания пошлин на импорт — как это сделал Казахстан, фактически поставив «друзей и партнёров» перед фактом.

Как небезосновательно отмечают эксперты, Евразийский экономический союз возник как ответ на провал интеграционных проектов в других форматах, в том числе как реакция на ступор экономической интеграции в рамках Союзного государства. ЕАЭС объединяет пять из пятнадцати республик СССР — Россию, Белоруссию, Казахстан, Армению и Киргизию. Население ЕАЭС составляет 182,1 млн чел (в т.ч. 93 млн экономически активного) — не самый большой рынок, но ёмкий и привлекательный для зарубежных компаний. Такой геоэкономический потенциал позволяет говорить о перспективах самодостаточности потенциального геополитического большого пространства.

С одной стороны, интеграции нет альтернативы — ни одна из стран ЕАЭС в одиночку не может противостоять мировому Западу и его стеллитам. С другой стороны, интеграция пугает удельных князьков, свыкшихся со статусом первых парней в своих деревнях, деградация которых прикрывалась заявлениями о «возрождении и тому подобном. В итоге ЕАЭС страдает той же болезнью, что и СНГ — безответственностью. Фактически ни Нурсултана Назарбаева, ни Александра Лукашенко нельзя принудить к исполнению каких-либо обязательств, а

они, в свою очередь, могут шантажировать саботажем своих номинальных союзников.

И Союзному государству, и Евразийскому союзу необходима смена парадигм. Выторговывание преференций должно смениться интеграционным соработничеством, на смену конкуренции должна прийти кооперация. Пока же не так уж редко возникают вопросы вроде такого, как: играет ли Белоруссия в одной команде с Россией и Казахстаном, Киргизией и Арменией или же все игроки этой команды лишь делают вид, что играют в одной команде против другой (например, ЕС), тогда как на самом деле эти игроки чувствуют себя самостоятельными командами и рассматривают партнёров как конкурентов?

Когда представители руководства Белоруссии говорят о том, что Евразийскому союзу «ещё очень далеко» до степени интеграции Союзного государства, они приукрашивают действительность. На самом деле Союзное государство как государство не состоялось. Не исполнены пункты договора об образовании Союзного государства, не реализованы заявленные намерения. В частности, интеграция в экономической сфере зашла в тупик. Не проводится единая промышленная политика, нет единой финансовой системы (нет даже единой валюты), нет согласованной внешнеэкономической стратегии.

Откровенным позором союзной интеграции в промышленной сфере стали «пять пилотных проектов»: слияния ОАО «МАЗ» и ОАО «КамАЗ» в холдинг «Росбелавто», ОАО «Интеграл» и ОАО «Российская электроника», ОАО МЗКТ и ГК «Ростехнологии», ОАО «Пеленг» и ФКА «Роскосмос», ОАО «Гродно Азот» и ОАО «Минерально-химическая компания «ЕвроХим»¹. Всего лишь пять проектов в сферах, где предприятия России и Белоруссии были наиболее готовы к объединению — ни один из них не состоялся. Вместо эффектной демон-

¹ Белоруссия снова обсуждает «пять интеграционных проектов» с РФ [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Регнум». Режим доступа: <http://regnum.ru/news/polit/1911160.html> (дата обращения: 26.03.16).

страции интеграции, наглядного примера для ЕАЭС несколько лет разыгрывался трагифарс. Стоит отметить, что изначально рассматривалось около десятка проектов и из этого списка правительства отобрали всего лишь пять для того, чтобы, заявив, не упасть лицом в грязь.

В политической сфере Союзное государство на многочисленных примерах доказало, что нет оснований считать его государством. Единство во внешней политике фактически отсутствует. Самый яркий пример — диссонанс по «украинской проблеме»². До этого было немало показательных эпизодов — например, демонстративная «посадка» госсекретаря Союзного государства Павла Бородина в американскую кутузку, формальным основанием для чего стало требование прокуратуры Швейцарии³. ЕС не претендует на статус государства, однако никому — ни в США, ни в другой стране, в голову не придёт не то что в тюрьму посадить, но даже задержать главу Еврокомиссии по требованию Ливии или Бангладеш.

Союзное государство Белоруссии и России до сих пор не приняло Конституционный акт и конституцию, не создало парламент (формально функционирует некий суррогат — «парламентское собрание»), не сформировало другие органы государственной власти и управления. Много вопросов по союзному гражданству. Не решен вопрос общесоюзной собственности. Союзная интеграция застыла.

Деградация Союзного государства является реальной перспективой. Альтернативой ей является ускорение интеграции до логического завершения. Второй вариант чреват торгом, сам факт которого выхолащивает смысл союзнических отношений. Сохранение status quo не соответствует нашим национальным интересам.

² Белоруссия в 2014 году: политические итоги [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Регнум». Режим доступа: <http://regnum.ru/news/polit/1883619.html> (дата обращения: 26.03.16).

³ Интересы Бородина будут защищать Зельцер и Фишкин [Электронный ресурс] // Газета.Ру. Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/2001/01/18/borodarest.shtml> (дата обращения: 26.03.16).

При нынешнем положении дел торговые и информационные войны будут продолжаться. «Белорусский продовольственный оффшор» не стал прецедентом, но наиболее ярким проявлением практики союзных отношений⁴. Такие оффшоры и схемы наподобие «растворительно-разбавительной» стали нормой отношений в СГ. Ещё один риск проявился в конце 2014 года историей с блокировкой транзита из Калининградской области в «большую Россию»⁵. К указанным рискам следует добавить другие — в политической, военной, гуманитарной и других сферах.

Критика ЕАЭС рикошетом бьёт по Союзному государству Белоруссии и России. Есть основания для критики Евразийского союза, однако на самом деле его проблемы являются не причиной, а следствием отсутствия важнейших интеграционных механизмов Союзного государства и несовершенства имеющихся. «Локомотив евразийской интеграции» оказался плохо отработанным прототипом, хотя отцы-основатели уверяли, что учли опыт и ЕС, СНГ, и других интеграционных образований⁶.

Дискредитация ЕАЭС бьёт по Союзному государству и наоборот. Именно дискредитация, закамуфлированная под экономические расчёты, указание на слабые стороны и откровенные провалы в практике реализации является целью противников интеграции, а не конструктивная критика. Реализация этой цели была бы менее успешной, если бы политическая воля руководства России и Белоруссии была очевидной, если бы ошибки конкретных чиновников и конкретных госорганов не давали оснований и поводов многоликому противнику.

⁴ Белоруссия в 2014 году: экономические итоги [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Регнум». Режим доступа: <http://regnum.ru/news/polit/1888015.html> (дата обращения: 26.03.16).

⁵ Калининград показал производство телевизоров, которые белорусская таможня посчитала китайскими [Электронный ресурс] // Tut.by. Режим доступа: <http://finance.tut.by/news440276.html> (дата обращения: 26.03.16).

⁶ Байнев В.Ф., Винник В.Т. Интеграционная стратегия развития промышленного комплекса стран Таможенного союза и Единого экономического пространства [Электронный ресурс] // Новая экономика. Режим доступа: <http://www.neweconomics.info/issues.php> (дата обращения: 26.03.16).

Критикуя реализацию интеграционных проектов на постсоветском пространстве, авторы многочисленных статей и заметок сосредотачиваются на СГ и ЕАЭС. Постсоветские прибалтийские лимитрофы, чей промышленный, демографический и иной потенциал также сильно деградировал, осознанно выводятся за проблемное поле. Выводятся из-под критики Грузия и некоторые другие постсоветские республики. На пропагандистский характер подобных выступлений, даже аргументированных, нет достойного контрпропагандистского ответа, не говоря уж об идеологическом или информационно-пропагандистском обеспечении союзного строительства.

Как можно продвигать идеи союзного государства при наличии перманентных информационных и торговых войн, при диссонансе трактовок идей союзного строительства, при отсутствии даже символов — на этот вопрос никто не может дать ответ ни в Москве, ни в Минске. Зато каждый студент и даже школьник не только знает символику Евросоюза, но и сходу укажет «плюсы» — даже мифические (как показала трагическая история киевского «евромайдана») «евроинтеграции».

Одним из краеугольных камней критики Союзного государства является факт падения товарооборота по итогам 2015 года между Белоруссией и Россией, между партнёрами по ЕАЭС, показателей их торговли с третьими странами. Также указывается на падение ВВП как якобы аргумент в обоснование несостоятельности интеграционных проектов в формате СГ и ЕАЭС.

Например, ВВП Белоруссии по итогам 2015 года упал на 3,9%. При этом упало и промышленное, и сельскохозяйственное производство⁷. Сокращение производства стало реакцией на резкое падение спроса на белорусские товары за рубежом — прежде всего, на основном рынке сбыта — в России.

⁷ Белоруссия: Несбывшаяся «центральноевропейская» мечта [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Регнум». Режим доступа: <http://regnum.ru/news/economy/2095746.html> (дата обращения: 26.03.16).

Заявления госагитпропа Белоруссии в духе «Россия не может себе позволить купить качественные белорусские товары», не выдерживали никакой критики. Из-под критики вообще были выведены провалы союзных программ — например, программа «Союзный телевизор»⁸ сначала продемонстрировала позитивную динамику «вала», но в конечном итоге потерпела полное фиаско, что видно по данным Белстата с 2007 года⁹ и сегодня в Белоруссии на долю отечественных телевизоров приходится менее десятой доли рынка¹⁰.

По данным Нацбанка Белоруссии, внешнеторговый оборот товаров и услуг по итогам 2015 года, рассчитанный по методологии платежного баланса, упал на 24,7% к уровню 2014 года и составил \$65,5597 млрд: экспорт составил \$32,8827 млрд млн (-24,1% к уровню 2014 года), импорт упал до \$32,677 млрд (-25,4%). Товарооборот Белоруссии с партнёрами по ЕАЭС упал на 26,7% до \$28,2045 млрд. При этом взаимная торговля с Казахстаном и Киргизией рухнула почти в два раза. Чуть меньшим было падение товарооборота с Россией — на 26,3%, до \$27,5333 млрд: белорусский экспорт сократился до \$10,3891 млрд (-31,6%), а импорт — до \$17,1442 млрд (-22,7%)¹¹.

⁸ Союзное государство Беларуси и России [Электронный ресурс] // Национальный научно-технический портал Республики Беларусь. Режим доступа: <http://www.scienceportal.org.by/cooperation/opportunities/bilateral/belarus-and-russia/> (дата обращения: 26.03.16).

⁹ Производство отдельных видов промышленной продукции в натуральном выражении [Электронный ресурс] // Официальный сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь. Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/promyshlennost/godovye-dannwe-prom/proizvodstvo-otdelnyh-vidov-promyshlennoi-produ-2/> (дата обращения: 26.03.16).

¹⁰ В октябре выпуск белорусских телевизоров достиг нулевой отметки [Электронный ресурс] // Onliner. Режим доступа: <https://people.onliner.by/2015/12/09/tv-8> (дата обращения: 26.03.16).

¹¹ Особенности внешней торговли союзной Белоруссии [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Регнум». Режим доступа: <http://regnum.ru/news/economy/2097014.html> (дата обращения: 26.03.16).

Росстат также зафиксировал падение взаимной торговли¹². Ситуация в России заметно отличалась от белорусской, но также не была идеальной. Кризис в очередной раз доказал, что самодостаточным может быть только большой геополитический организм, а искусственно созданный лимитроф обречён на деградацию, о чём предупреждали классики геоэкономики (Фридрих Лист, Фернан Бродель и др.).

«Объем взаимной торговли товарами за январь—декабрь 2015 года, исчисленный как сумма стоимостных объемов экспортных операций государств — членов Евразийского экономического союза во взаимной торговле, составил 45,4 млрд. долл. США, или 74,2% к уровню января—декабря 2014 года»¹³, — констатировали в ЕЭК.

Товарооборот с Россией и другими партнёрами по ЕАЭС продолжил падение в начавшемся 2016 году¹⁴. Всё это так, однако так ли часто и критики, и отдельные смельчаки из числа застрельщиков союзного строительства, посыпающие голову пеплом, говорят о том, что падение производства в СГ и ЕАЭС, равно как и падение оборотов взаимной торговли между ними было бы намного большим в условиях отсутствия данных интеграционных объединений?

Действительно, в 2015 году Белоруссия сократила экспорт по сравнению с предыдущим годом. Однако на тот факт, что

¹² Платежный баланс Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Режим доступа: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat-main/rosstat/ru/statistics/fttrade/#> (дата обращения: 26.03.16).

¹³ Об итогах взаимной торговли товарами Евразийского экономического союза Январь — декабрь 2015 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийской Экономической комиссии. Режим доступа: <http://eec.eaeunion.org/ru/act/integr-i-makroec/dep-stat/tradestat/analytics/Documents/Analytics-I-201512.pdf> (дата обращения: 26.03.16).

¹⁴ Экспорт и импорт со странами ЕАЭС [Электронный ресурс] // Официальный сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь. Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/vneshnyaya-torgovlya-2/operativnye-dannye-5/eksport-iport-so-stranami-eaes/> (дата обращения: 26.03.16).

снижение экспорта товаров произошло в долларовом эквиваленте из-за снижения цен, а в натуральном выражении выросло — на это почти никто не обращает внимания. Ведь на самом деле экспорт белорусских товаров в физических объёмах вырос на 2,4%, а импорт сократился на 11,3% при снижении средних цен экспорта на 27,8%, а импорта — на 15,6%¹⁵. Долларовый эквивалент экспорта очень важен, однако рассмотрение только этого показателя неправомерно в экспертном сообществе и практически не учитывается в публичных дискуссиях¹⁶.

Падение товарооборота и фиаско промышленной интеграции в целом (её «точечный» характер и уровень малого бизнеса не могут считаться достижением) снизили доверие к Союзному государству и Евразийскому союзу, создали ситуацию риска подмены интеграции в рамках Союзного государства альтернативными проектами (ЕС, «Восточное партнёрство»). Имитация интеграции создала угрозу деградации большими темпами, чем ход реализации интеграционных проектов.

Сохраняются риски торговых войн — ещё свежи воспоминания о «калийной»¹⁷ и «колбасной»¹⁸. В отсутствие «единой

¹⁵ Об итогах внешней торговли товарами в 2015 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь. Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/vneshnyaya-torgovlya-2/operativnye-dannye-5/ob-itogakh-vneshney-torgovli-tovarami/> (дата обращения: 26.03.16).

¹⁶ Макроэкономический обзор в международно сопоставимых ценах — показатель, страна и год [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейской экономической комиссии ООН. Режим доступа: <http://w3.unece.org/PXWeb2015/pxweb/ru/STAT/STAT--20-ME--1-MEOV/01-ru-MECCOverviewY-r.px/table/tableViewLayout1/?rxid=4f89c758-d176-4f21-aaef-ace879076846> (дата обращения: 26.03.16).

¹⁷ Белоруссия в 2013 году: политические итоги [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Регнум». Режим доступа: <http://regnum.ru/news/1753866.html> (дата обращения: 26.03.16).

¹⁸ «Колбасная война» как символ российско-белорусского кризиса [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Регнум». Режим доступа: <http://regnum.ru/news/1878943.html> (дата обращения: 26.03.16).

правовой системы демократического государства», прописанной в договоре о создании Союзного государства¹⁹, а также дееспособной судебной власти решить имеющиеся противоречия очень непросто. Опыт указывает на необходимость выхода из этого тупика для решения не только экономических проблем союзных отношений.

Необходимо принуждение к интеграции, прежде всего — экономической: в промышленной сфере, финансовой и других. Необходима согласованная кредитно-денежная политика, ориентированная на реальный сектор экономики, что позволит кредитовать заводы и фабрики, фермерские хозяйства и сельскохозяйственные организации на тех же условиях, на которых кредитуются конкуренты в странах-лидерах. Кредитование реального сектора должно стать главной заботой национальных правительств и наднациональных органов СГ и ЕАЭС. Одновременно следует ускорить процесс создания единой валюты — на переходный период возможен расчет в национальных валютах или ввод в обращение эрсаца типа безналичного экю. Эмиссионный центр единой валюты Союзного государства (союзного рубля) должен находиться в Москве. В рамках ЕАЭС должен быть заключён валютный союз с последующим введением единой валюты Евразийского союза, привязанной к «корзине валют» стран-участниц.

Необходима единая промышленная политика, которая позволит осуществить кооперацию промышленных комплексов в рамках стратегии реиндустриализации. Для этого требуется решить множество проблем, которые третье десятилетие откладываются в долгий ящик — тарифного и нетарифного регулирования, равного доступа к госмонополиям, единых правил субсидирования и других. Кооперацию в промышленной сфере должна дополнять кооперация НИИ, что позволит выработать стратегию инновационного развития Союзного государ-

¹⁹ Договор о создании Союзного государства [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал Союзного государства. Режим доступа: <http://www.soyuz.by/about/docs/dogovor5/> (дата обращения: 26.03.16).

ства, а её проблематика не будет ограничиваться только промышленностью.

Необходимо создать единое гуманитарное пространство, в котором должна проводиться также единая политика. Экономическая интеграция выйдет на качественно новый уровень после того, как произойдут качественные изменения в образовательном пространстве. Пока же в институтах истории и философии Академии наук Белоруссии процветает ревизионизм²⁰ (о «белорусской философии» трудно говорить без сарказма) и велика вероятность возникновения такой же ситуации, как на Украине, где после мятежа 2014 года экономическая целесообразность была принесена в жертву новой политической целесообразности.

Официальный Минск неоднократно заявлял о готовности создавать «белорусско-российские ТНК»²¹ и альянсы²². Такие намерения достойны подкрепления «связанными» российскими кредитами — как это делает Китай, которого руководство Белоруссии именуется не иначе как «стратегический партнёр»²³. Таким образом интеграция будет именно сотрудничеством, очищенным от подозрений в паразитизме, и каждый кредитный рубль пойдёт на создание конкретных станков и конкретных лабораторий, а не на «представительские расходы», «День вышиванки» и прочие несомненно вредящие

²⁰ Белоруссия в 2015 году: политические итоги [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Регнум». Режим доступа: <http://regnum.ru/news/polit/2073271.html> (дата обращения: 26.03.16).

²¹ Союзное государство создаст транснациональные компании [Электронный ресурс] // Российская газета. Режим доступа: <http://rg.ru/2015/09/18/sozdaniye-site.html> (дата обращения: 26.03.16).

²² Беларусь заинтересована в создании с Россией транснациональных альянсов в металлургии [Электронный ресурс] // Официальный сайт Республики Беларусь в Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.embassybel.ru/news/press-releases/111905024cdb.html> (дата обращения: 26.03.16).

²³ «Китай является ключевым стратегическим и торговым партнёром Белоруссии» [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Регнум». Режим доступа: <http://regnum.ru/news/economy/2104730.html> (дата обращения: 26.03.16).

базису псевдонадстроечные траты за счёт российских налогоплательщиков.

Если этот опыт будет удачным, то можно будет поставить вопрос о комплексной программе опережающего развития ЕАЭС при двухуровневом кураторстве — ЕЭК и национальных правительств. До этого следует решить ключевую проблему ЕАЭС (радикально отличающую его от ЕС), которая заключается в низкой степени полномочий наднационального органа и безответственности национальных правительств, которых элементарно невозможно наказать за саботаж. Максимум, что может сделать ЕЭК — вынести обсуждение проблемы на уровень президентов (Высший Евразийский экономический совет), каждый из которых фактически обладает правом вето. Евразийский межправительственный экономический совет нуждается в реформировании, а Евразийский межпарламентский совет ещё даже не появился. Для успешного воплощения целей данного союза необходимо в кратчайшие сроки создать планировавшиеся комиссии и наделить их реальными полномочиями.

Декоративные синекуры не спасут наши страны от кризисов и ударов зарубежных конкурентов. Экономики России и Белоруссии для преодоления отставания в два с лишним технологических уклада от стран-лидеров (не говоря уж о «хайтеке» Армении и Киргизии) нуждаются в кратно теснейшей интеграции, чем достигнуто за почти 20 лет существования Союзного государства. Этого невозможно достичь без проявления политической воли. Следует стремиться к трансформации Союзного государства в краткосрочной перспективе в полноценную конфедерацию.

МЕДИЙНОЕ И ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Николай Николаевич Малишевский,
кандидат политических наук (Гродно)

В статье рассматриваются структурно-организационный и информационно-смысловой инструментарий обеспечения интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: интеграция, организационное обеспечение, масс-медиа, интеграционные процессы, смыслы, мировоззрение, идеи, «мягкая сила», гражданское общество, управление общественными процессами.

The article deals with the problems of structurally-organizational and semantic toolkit of maintenance of integration processes on the post-soviet territory.

Keywords: integration, organizational maintenance, media, integration processes, senses, outlook, ideas, «soft power», civil society, management of public processes.

Ценностно-мировоззренческая основа любого интеграционного проекта, определяющая его притягательность, жизнеспособность и перспективы, обеспечивается двумя основными инструментами: структурно-организационным и информационно-смысловым.

Эффективность интеграции/дезинтеграции социума — это производная от совокупности трёх факторов: 1) единой структуры; 2) единства идей; 3) единства действий.

Когда отсутствует осязаемая инфраструктура, а наличествуют интеллектуальные центры (НПО-NGO, институты, медиа), направляющие «атомам» гражданского общества одностороннюю безадресную информацию дабы усилить единство их индивидуальных действий и взглядов, у политических идей появляются реальные, а не фиктивные сторонники. Это инструментарий «мягкой силы», посредством которой западные специалисты проводят свою линию на постсоветском пространстве.

Например, в Беларуси европейцы и американцы работают не с конкретными структурами и лицами, а с общественным мнением, формируя его с помощью этих лиц и структур. Не

заключившаяся на персоналиях оппозиционеров, Запад вкладывает в переделку мировоззрения, а не производственных фондов. Это более рационально, экономично и эффективно. Россия вкладывает миллиарды в белорусскую экономику, Запад просто «промывает мозги», дробит постсоветское пространство на подконтрольные ему атомы и получает всё необходимое (Беларусь пока отчасти спасает что идентификация, навязываемая населению, слишком искусственна, нарочита и надумана).

Структурно-организационный аспект

В сфере общественных объединений сосредоточена огромная энергия общества, особенно интеллигенции и молодёжи. Поэтому работа в общественном секторе должна вестись на серьезном уровне и соответствующим инструментарием, сочетающим административные и общественные методы.

При этом в административной сфере следует:

- внести ясность в приоритеты работы соответствующих структур, отказавшись от отождествления «флага» с диктатурой;
- сделать деятельность этих структур максимально прозрачной, подотчётной общественности;
- кардинально повысить ответственность за выполнение чиновниками их функций.

В общественной сфере самореализация актива возрастёт при наличии:

- организационной поддержки (юридреса для регистрации, офис или помещение, экспертное сопровождение проектов, координация деятельности между собой и на международном уровне);
- медийной поддержки (выход на массовую аудиторию, профессионально поддерживаемый сайт в «кольце» аналогичных ресурсов);
- правовой защиты (юрподдержка в конфликтных ситуациях, договор об оказании правовой помощи).

Фактор финансовой поддержки общественных инициатив важен, но вторичен, поскольку зачастую лоббируется с целью «распила» выделяемых средств. В итоге возникает коррупци-

онная почва, благодатная для злоупотреблений как со стороны чиновников, так и аффилированных с ними псевдообщественных организаций. Таким образом дискредитируется сама идея, а средства зачастую не просто «пилятся», но и используются против тех, кем выделяются.

Проблемы деятельности общественных организаций, выступающих за интеграцию обусловлены, с одной стороны, особенностями политической системы, с другой — зависимостью от помощи извне в силу некоммерческого характера деятельности. Поэтому оценка состояния в этой сфере должна опираться на:

- качественные, а не количественные характеристики;
- реальную результативность по оценкам общественной экспертизы, а не формальную отчётность.

Необходим «пул» экспертов, способных выступать в качестве «лидеров мнений» в регионах и в то же время обеспечивать экспертное сопровождение проектов общесоюзного значения. Способствовать его созданию могут:

- расширение географии общественно значимых мероприятий и форумов;
- формирование общей системы образования (создание институтов, интеллектуальных центров), не позволяющей атомизировать и отдавать в ведение западных NGO социо-культурное и научно-интеллектуальное пространство СНГ;
- работа с учащейся молодежью посредством студенческих конференций, конкурсов, обеспечения учреждений образования информацией о перспективах и преимуществах интеграции.

Целесообразно также использовать потенциал национальных общин и диаспор, которые могли бы стать значительным инструментом интенсификации политических контактов и расширения интеграционных процессов.

Информационно-смысловой аспект

В смысловой сфере интеграционная идея надконфессиональна и наднациональна — это единство во множестве. В организационной — это целостность многополярной интеграции,

собрание и экономическое возрождение растащенного по сторонам и дробимого на атомы пространства. Как это действует?

При размытых, а зачастую отсутствующих структурах, наличие единства взглядов, идей и настроений всегда способно мобилизовать единомышленников. Сами же эти «атомы» между собой могут быть и не связаны. Они сигнализируют другим «атомам» о своём существовании безструктурно и безадресно. Например, распространяя информацию, символику, посредством живого общения и т.д. Как это делают популярные блоггеры или интернет-активисты в социальных сетях и популярных форумах.

Культивация необходимых настроений извне должна быть направлена на т.н. культурное ядро — элитарную, а не массовую интеллигенцию. Людей, чей интеллектуально-образовательный потенциал превосходит возможности государства. Для которых проблема — не отсутствие способностей и энергии, а невозможность реализовать их на практике (прежде всего из-за диктата номенклатурной этнократии с её национализмом, клановостью и бюрократией).

Именно эти люди налаживают на «атомарном» уровне информационно-пропагандистский поток публикаций, дискуссий, разговоров, зачастую бесконечно твердящих и повторяющих одно и то же и в совокупности образующих одно длительное усилие. Из него, в свою очередь, рождается достаточно однородная коллективная воля, способная инициировать действия. Ориентирующаяся на таких малочисленных интеллектуалов массовая интеллигенция увлечённо внедряет в сознание публики соответствующие оценки.

Информационный поток достаточной мощности, оформляя стремления и чаяния массы, заставляет её звучать как хорошо настроенный оркестр без дирижёра. Именно так, обходясь минимумом организационного начала, можно добиться накопления политического потенциала.

По мере количественного наращивания «атомов», самые активные перестают пассивно принимать извне безадресную информацию. Налаживается обратная связь, создаётся каркас структурированных организаций. Ключ к успеху таких «орга-

низаций без организации» — элементарная солидарность единомышленников, готовность их искать то, что не разъединяет, а объединяет людей. Насыщение социума такими «атомами»:

- изменяет психологический климат в обществе;
- вселяет веру в собственные силы.

В медийном плане интеграционному проекту может помочь появление своего тематического телеканала, радиостанции и интернет-сайтов, адресно работающих с определёнными сегментами общества на региональном и общесоюзном уровне, с целью донесения до каждого простой и понятной информации о том, какую пользу получит от интеграции: а) общество; б) лично и конкретно он и его семья (новое качество жизни, свободу передвижения на огромной территории, дешёвый свет и газ, больше социальной справедливости и меньше чиновников, прочие преимущества).

В целом для обеспечения интеграционных процессов на постсоветском пространстве необходимо создание на постоянной основе действенной упредительной системы управления общественными процессами, которая должна:

- создаваться в форме симбиоза государственных структур и общественных организаций, мягко вписывающихся в гущу общественной жизни;
- регулярно проводить форумы, аккумулирующие и направляющие общественную энергию;
- быть задействована во всех общественно значимых событиях («круглые столы», конференции, обсуждения, дискуссии, памятные даты и тому подобное);
- планировать и осуществлять свой событийный ряд, реализовывать собственные проекты, создавать информационные поводы, которые будут восприняты населением.

Нельзя ограничиваться в этой работе только силами подконтрольных ведомств. Следует расширять спектр позитивных общественных организаций, от культурологических до национальных, в том числе, интеллектуального плана.

Однако приоритет должен принадлежать не организационной, а информационной составляющей, поскольку любой интеграционный проект — это, прежде всего, взаимодействие ин-

формационно-коммуникационных пространств и выработка общей ценностно-мировоззренческой основы и точки зрения на ключевых направлениях:

- формирования целостного позитивного восприятия интеграции и участвующих в ней сторон, прежде всего России, как «неформального стержня»;

- противодействия дискредитирующему мифотворчеству и антироссийским информационным кампаниям в медиа, поскольку восприятие интеграционных проектов большинством населения постсоветских республик происходит именно через призму восприятия образа России.

Необходимо мягко перехватить стратегическую инициативу в сфере построения гражданского общества, а не отдавать эту сферу в безраздельное ведение Запада и взращиваемой им оппозиции. Инструментарий гражданского общества должен работать на интеграцию, а не дробление/атомизацию постсоветского пространства.

ФОНД РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА «НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ»

Фонд развития институтов гражданского общества «Народная дипломатия» был создан в 2010 году с целью нормализации и гармонизации межэтнических, межрелигиозных и межгосударственных отношений как на постсоветском пространстве, так и за его пределами, где есть потенциальная возможность возникновения конфликтов подобного рода. Фонд «Народная дипломатия» выступает за построение комфортного общества XXI века, где свобода и демократия чётко отделены от вседозволенности, а понятие толерантности снова обретает свой подлинный смысл как взаимоуважение.

Народная дипломатия — это один из важнейших институтов и методов построения гражданского общества в той или иной стране. В отличие от традиционной дипломатии, народная дипломатия — это «разговор без галстуков», откровенная беседа заинтересованных лиц, каждое из которых, осознавая свои собственные ценности и интересы, вместе с тем терпимо и с пониманием относится к ценностям и интересам другой стороны.

Народная дипломатия — это практическое применение идей толерантности в условиях изменяющегося, глобализирующегося, всё более открытого и транспарентного постиндустриального мира. Неправильно понимать толерантность лишь как однонаправленное явление, когда представители «золотого миллиарда» вынуждены «терпеть» культурные, религиозные и иные особенности иных народов. Напротив, толерантность, с точки зрения народной дипломатии, — это обоюдное стремление как отдельных индивидов, так и целых народов к взаимопониманию, сотрудничеству и достижению своих целей.

E-mail: publicdiplomacy21@gmail.com
Почтовый адрес: 109129, Москва, ул. 8-я Текстильщиков
д. 11, офис 329

www.publicdiplomacy.su